

О. ВИТАЛИЙ
АРХИМАНДРИТ БРИКБЕКСКИЙ

**О чистой
и совершенной
отдаче себя Богу**

■ ИЗДАНИЕ ■
СОЛЬ ЗЕМЛИ
СВЕТ МИРА

О чистой и совершенной отдаче себя Богу

Издание на:
Международного Католическо
Спомагателно Общество
«Kirche in Not»

ИЗДАНИЯ
« СОЛЬ ЗЕМЛИ — СВЕТ МИРА »

Продаются:

ABBAYE, NOTRE DAME DE GRACE
Bricquebec, Manche, France.

Склад издания:

В Париже :

ДОМ КНИГИ
MAISON DU LIVRE ÉTRANGER
9, Rue de l'Éperon, Paris (6)

LES ÉDITEURS RÉUNIS
29, Rue Saint-Didier, Paris (16)

В Брюсселе :

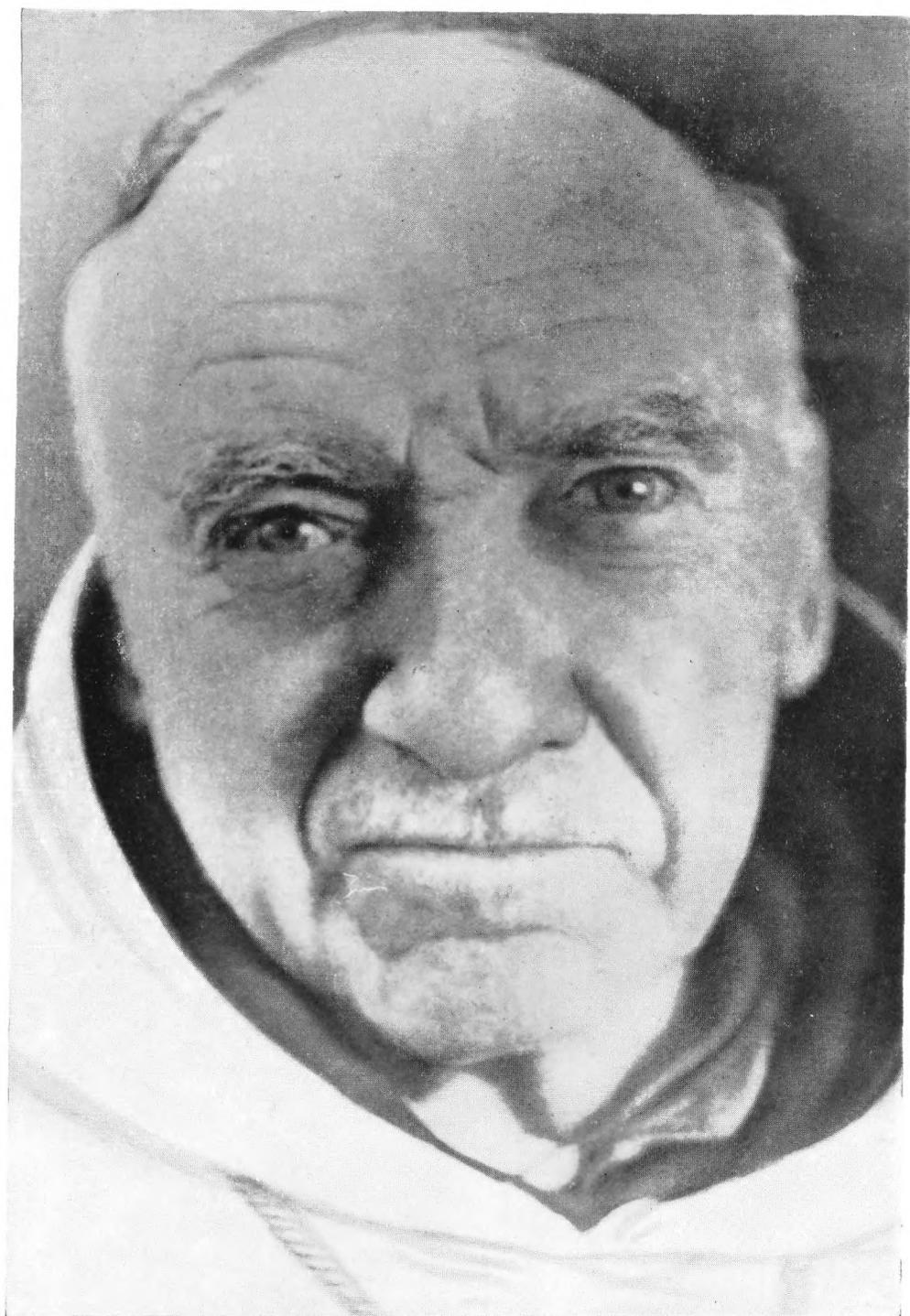
BIBLIOTHÈQUE SLAVE
Madame Korniloff
13, rue de Roumanie, Bruxelles

В Лондоне :

RUSSIAN BOOK SHOP
V. V. Baratchevsky
23, Alder Grove, London N. W. 2

В Нью-Йорке :

RUSSIAN CENTER
FORDHAM UNIVERSITY
New York 58. USA

**О. ВИТАЛИЙ
АРХИМАНДРИТ БРИКБЕКСКИЙ**

**О ЧИСТОЙ
И СОВЕРШЕННОЙ
ОТДАЧЕ СЕБЯ БОГУ**

"Книжный мир экумены" © 2012

Обработано для русского издания
В ОБИТЕЛИ БРИКБЕКСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

«Живешь ли ты отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцов или повинуйся тому, кто известен, как муж духовный — в слове, жизни и рассуждении»...

(Слова преподобного Нила Сорского).

О ХРИСТИАНСКОМ ДУХОВНОМ ОПЫТЕ.

(Предисловие к русскому изданию «Чистой и совершенной самоотдачи» о. Виталия Брикбекского).

Жуткая фраза парадоксального и замечательного русского религиозного философа Розанова: «Во Христе мир прогорк» — означает в конечном итоге только то, что слишком часто прогоркли люди, думавшие, большею частью искренне, что они представляют христианскую истину. За последние века, именно эта, всё возрастающая «прогорклость» христиан более всего оттолкнула от христианства множество людей на всех уровнях культурного развития. Во всем культурном мире и во всех отношениях происходило то самое, что произошло с древне-русской иконописью: замечательнейшие произведения религиозного, подлинно-церковного искусства были, как правило, замазаны темными красками, нанесенными, в более поздние эпохи, людьми, уже начинавшими терять первоначальную силу религиозного переживания. Нужно было, в наши дни, снять эти поздние наслоения, эти темные, мрачные тона, нанесенные в период религиозного упадка, чтобы древнерусская икона явилась в первоначальном радостном блеске своих красок и во всей своей духовной утонченности, вызывая теперь, во всем мире, восхищение всех культурных людей и духовно обогащая всех людей религиозно-чутких, независимо от вероисповедания, к которому они принадлежат.

Так — во всем. Красоту подлинной христианской духовности — отблеск той вечной красоты, которая по Достоевскому «спасет мир», — переставали видеть совершенно так же, как наши деды, молившиеся на испорченные темные лики поздних икон, не подозревали скрытых под ними древних сияющих ликов, уж никак не «прогорклых», но излучающих вечную духовную радость.

Религиозное возрождение, несомненно переживаемое культурным миром за последние лет пятьдесят, прежде всего и отражает потребность пробиться к подлинному неувядаемо-свежему ядру христианской церковной традиции. Это возрождение началось в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, когда массовое отпадение от христианства уже было фактом на Западе (а в России оно явно начиналось). В этом мире, переставшем быть христианским из-за духовной «прогорклости» христиан, люди, сохранившие веру или заново ее находившие, должны были для этого прежде всего взглянуть на непреходящую церковную истину как бы заново, свежими глазами свежей, «неприученной», т. е. не заостеневшей души.

Это стремление снова увидеть по-настоящему вечную истину и красоту, потускневшие именно от их механически-трафаретного повторения, на Западе проявилось раньше всего и, пожалуй, сильнее всего в той стране, где раньше других произошло и массовое отпадение от христианства: во Франции. Вероятно, в этом сказалась также исключительная религиозная одаренность Франции, доказанная совершенно исключительным количеством замечательных святых, явившихся на французской земле, начиная от первых веков христианства и до наших дней. С конца прошлого столетия, часто без всякой связи друг с другом, люди очень различные, находившиеся в самых различных жизненных условиях, с разных сторон производили во Франции это единое «открытие заново». В тиши Кармелитского монастыря, св. Тереза Лизьезская дала — для себя самой неожиданно — всему современному миру пример этой «неприученности» души, этой неувядаемой свежести

религиозного переживания, о которой почти одновременно, в сутолоке литературного и политического Парижа, писал пришедший от атеистического социализма к христианству поэт-провидец Шарль Пэги, для многих, даже далеко за пределами Франции, теперь во многом ставший своего рода пророком.

Таков диапазон этого духовного возрождения, затрагивающего все стороны жизни и с разных сторон раскрывающего одно основное, непреходящее и неизменное ядро. В монастыре или в миру, люди совсем различные, совсем по разному одаренные и, однако, связанные самым основным духовным родством, разными путями шли к этому центру. В те же годы, своим особым, его положению и назначению присущим, путем, шел в этом общем движении и духовный обновитель монашеского ордена траппистов, отец Виталий Легодэ, чей основной духовный труд теперь впервые предлагается вниманию русских читателей.

Родившийся ровно сто лет тому назад, в 1857 г., отец Виталий вполне наш современник: он умер в глубокой старости в 1948 г. Но его основной и завершительный труд относится еще к первым поворотным десятилетиям нашего века, определившим начало религиозного возрождения: он вышел в свет в 1918 г. Уже этим устанавливается в известной мере пионерский характер — если можно так выразиться — и тем большая заслуга этого труда: во многом, отцу Виталию приходилось расчищать пути, пробираясь сквозь чащи, которых сегодня для здравого религиозного сознания больше нет. Как первые исследователи древне-русской иконы, он в упорном труде расчищал древний и вечно-прекрасный фон, сегодня уже открытый для каждого взора.

Фон, который в своей области расчищал отец Виталий, эт — древний фон монастырской духовности. Но, во избежание недоразумений, скажем сейчас же, что, в основном и в самом важном, это — древний и вместе с тем вечный фон всякой христианской духовности вообще.

Существует огромный и неисчерпаемо-значительный опыт, зафиксированный в монастырских правилах, в наставлениях выдающихся монахов-подвижников, в их житиях и преданиях. Этот опыт включает некоторую, так сказать, технику духовного совершенствования, очень подробно разработанную, частью применимую кем угодно и где угодно, частью же применимую только в монастырских условиях. Если эту последнюю часть, очень ценную в монастырских условиях, признать самой важной или даже единственно важной, то тогда получается, действительно, противопоставление монастыря и мира. И в тот же самый момент, в монастыре и в миру, христианская сущность становится вверх дном.

Высший представитель русского монашества, наш величайший подвижник-аскет, преп. Серафим Саровский (чью кончину ровно только четверть столетия отделяет от рождения о. Виталия), с предельной ясностью выразил эту истину в беседе с Мотовиловым:

«Вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей, христианской... Но никто не сказал вам о том определенительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской... Но они не так говорили, как бы следовало».

«Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Духа Святого Божиего».

«...Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства, даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божиему Всетворческому с духом нашим сопребыванию».

Это «сопребывание с духом нашим» Троидного Бога, «предуготованное» (активным) сотрудничество человека с «Божием Всетворчеством», и есть ничто иное, как та «святая самоотдача» — самоотдача человека Богу, — к которой о. Виталий со своей стороны, своими, ему присущими, западными путями пришел, как к действительной цели христианской жизни на земле.

Он к этому пришел на основе богатейшего духовно-исторического опыта бенедиктинско-цистерцианского монашества, подтвержденного, конечно, и заново пережитого его собственным, личным опытом. О своем личном опыте о. Виталий говорит сравнительно мало и скупно, предпочитая, где возможно, ссылаться на высказывания подвижников прошлых веков (или его современницы или почти-современницы св. Терезы Лизьезской). Это тоже вполне закономерно, и совсем не только в силу монашеского смирения. Речь тут идет о вещах, которые словом могут быть вообще переданы лишь приблизительно, и в той мере, в какой они могут быть переданы словом, могут быть восприняты только тогда, когда воспринимающий имеет (или приобретает) собственный опыт этих вещей. Когда преп. Серафим захотел объяснить Мотовилу «сопребывание» Духа Святого с человеком, он ему просто «показал», как «это бывает на самом деле», и тут же пояснил, что пережить и увидеть это Мотовилов мог только потому, что Дух Святой уже пребывал в нем самом.

Подчеркивая в писаниях св. Бернарда Клервосского, св. Терезы Авильской или св. Терезы Лизьезской то, что в них наиболее существенно-важно, отец Виталий мог это делать именно и только потому, что сам был сопричастен такому же — в основе своей всегда тому же самому — духовному опыту. И находя у них то, что выражало и его собственный опыт, он не начинал биться с почти непреодолимыми трудностями, всегда граничащими почти с профанацией, чтобы со своей стороны стараться выразить

словесно то, что только словесной передаче почти не поддается, а в полной мере вообще не поддается никогда.

Эту сторону дела также нужно помнить, читая отца Виталия (как и вообще всякого серьезного духовного автора). Хорошие стихи тем отличаются от плохих, что они дают почувствовать нечто, стоящее за словом. Так и духовная литература, только в еще большей степени. С точки зрения формальной словесности, труд отца Виталия написан безыскусно. Чтобы его читать, нужно уметь ощущать то, что стоит за этой словесной безыскусностью, а для этого нужно иметь хотя бы зачаток своего собственного соответствующего опыта, или, по крайней мере, нужно желать этот опыт получить. Одним только «учением (книжным) или словом его нельзя передать», как писал со своей стороны замечательный французский мистик XV-го века, Жерсон.

Эта невозможность вполне точной передачи посредством одних только (человеческих) слов связана во-первых с тем, что нет, действительно, никаких оснований считать, будто вся реальность может уложиться целиком в понятия нашего человеческого разума, переводимые словами нашего человеческого языка. Верно обратное. Даже уже в материальном мире, наиболее тонкие и сложные взаимоотношения современная физическая наука может передавать уже только посредством математических знаков-формул, за которыми наше сознание лишь смутно улавливает какую-то реальность, для нас уже не вполне вообразимую и поэтому не вполне переводимую словами, выражающими наши привычные понятия и представления. Тем более это так по отношению к реальности духовной.

Но тут приходится также другое, еще более важное обстоятельство. Всякий подлинный опыт Богообщения всякий подлинный христианский опыт — означает встречу с Личностью. Христианский Бог есть Единый Бог в Трех Божественных Личностях, связь с Ним — религия — есть личная встреча, общение с Личностью. А личность — вся-

кую личность, начиная с обыкновенной человеческой, — нельзя знать из отвлеченных описаний или из словесного перечисления ее качеств и свойств. Даже простая физическая встреча с человеком — если мы, не задерживаясь, прошли мимо него — еще не позволяет узнать его личность. Мы знаем действительно другую личность только тогда, когда нас связывает с ней какое-то отношение любви, когда мы в какой-то степени ощущаем ее непосредственной любящей интуицией. И это тем более, чем данная личность совершеннее и выше. В пределе — Бог есть Сама Любовь, и встреча с Совершенной Божественной Личностью есть встреча с Совершенной Любовью в Совершенной Любви.

Это и есть альфа и омега, начало и конец всякого подлинного христианского духовного опыта. Тут нужно особо подчеркнуть центральное значение, которое имеет для отца Виталия учение апостола Иоанна в его I-м соборном послании (4, 18):

«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; потому что в страхе есть мучение. Боящийся не совершен в любви».

Нет сомнения, что в истории христианского мира всякая «прогорклость» чаще всего возникала от забвения этого учения любимого апостола Христова, — учения, действительно центрального для понимания христианства.

Верно то, как это показывает исторический опыт даже самых великих святых, что страх возникает сам собою при первом контакте с божественной реальностью (и то это тогда скорее трепет перед внезапно открывшейся божественной тайной, чем обиденный, гнетущий и мучительный страх). И он во всяком случае рассеивается по мере того, как контакт продолжается и становится более глубоким, по мере того, как человек привыкает к общению с божественной реальностью, — а если он не рассеивается, то это как раз признак очень плохой. Страх, действительно, не дает живого общения с личностью (ни с какою), тем более, и в особенности, он не дает общения с

Совершенной Личностью Божественной. По мере любовного познания — единственно подлинного — страх исчезает сам собой и, вместо порождаемого страхом мучения, остается радость, совершенно типичная для подлинных вершин христианства.

В прямой связи с этим стоит, прекрасно показанная отцом Виталием, несостоятельность болезненного влечения к страданию, — хотя это влечение и проявлялось нередко в упадочных формах христианства. Как противно цели христианства удерживать людей на низшей ступени — в состоянии страха — так же превратно поддерживать в людях (связанную с этой абсолютизацией страха) любовь к страданию ради страдания. «Святая самоотдача» включает, конечно, принятие любых страданий, когда они посылаются Богом, но произвольное и болезненное желание страдать не имеет с этим ничего общего, — скорее даже этому противно.

Не трудно видеть, как близко подходит все это к тому радостному пасхальному духу, которым пронизан весь образ нашего преподобного Серафима. Сама христианская аскетика, даже самая суровая (что есть суровее аскетике преп. Серафима), здесь оказывается лишенной всякой мрачности; она не только пронизана сама той же высшей духовной радостью, но ради Пасхи, ради вечного торжества жизни над смертью, она оставляет место и радости самой обыкновенной, естественной, земной. Все в свое время и на своем месте. Св. Тереза Авильская, так любимая и так часто цитируемая отцом Виталием, так хорошо знавшая и умевшая применять всю суровую силу христианской аскетике, сказала даже однажды эту лапидарную и замечательную фразу: «Когда покаяние — так покаяние, а когда рябчик на столе, — так рябчик».

Принятие человеком всего, что Бог с ним делает, — возвышает ли его Бог или унижает, посылает ли ему радость (будь даже самую обыкновенную, земную) или страдание, — это и есть «чистая и совершенная самоотдача». При этом, учась улавливать все многообразные внушения Бо-

жией воли (на чем отец Виталий останавливается очень подробно) и следуя этим внушениям, человеческая воля тут только и становится подлинно и творчески активной: очищаясь от всего несовершенного и ограниченно-собственного, и в этом смысле переставая быть самой собой, она наполняется силою «Божьего Всетворчества». Среди любимых учителей отца Виталия, такие гиганты творческой воли, как св. Бернард Клервосский, исчерпывающе доказали это даже на конкретном историческом плане.

Решающим тут во всяком случае является тот внутренний акт, которым человеческая воля согласуется с волей Божьей. Все остальное ему подчинено, должно ему содействовать или из него вытекать. А в основе самого этого внутреннего акта лежит — повторяем — прежде всего встреча с Богом Живым. Поэтому, среди всех «дел христианских», внутренняя молитва, как непосредственное обращение к Богу Живому, имеет то совершенно особое значение, которое подчеркивает отец Виталий. У нас преп. Серафим об этом говорил:

«Всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа... На нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведному и грешнику. Молитвою мы с Всеблагим и Животворящим Богом и Спасителем нашим беседовать удостоиваемся, но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Дух Святой не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати».

Эта последняя существенная оговорка («Чего ради молиться тогда Ему «прииди», когда Он уже пришел к нам») тоже вполне совпадает с мыслями отца Виталия о том, что из молитвы нельзя делать самоцель: она тоже средство к «чистой и совершенной самоотдаче» человеческой личности в руки Творца.

И ясно, что на этой высоте и на этой глубине нет и не

может быть противопоставления монашества и мира. На- ставление преп. Серафима прямо и явно обращено к лю- дям, живущим в миру. Но в то же время это и есть серд- цевина той духовной аскезы, которая составляет подлин- ный смысл монашеского подвига и его подлинный перво- начальный исторический замысел.

Очень показательно, что каждый новый взлет монастыр- ской духовности, обычно влияющий тогда благотворно и на мир, происходит всегда как возврат к корням, к исто- рическим основам и истокам монашества. В средневеко- вой Руси, преподобный Нил Сорский поднял русское мо- нашество на новую духовную высоту и через это ввел в русскую жизнь новую струю христианской человечности именно благодаря тому, что он искал через Афон возвра- та к самым основам восточного монашества во всей его первоначальной силе и чистоте. На Западе, древнее бене- диктинское монашество с его средневековым цистерциан- ским ответвлением пронесло через полтора тысячелетия в основном то же самое духовное сокровище, тот же самый — говоря языком преп. Серафима — духовный «капитал». Этот «капитал» может временами лежать мертвым. Но достаточно найтись людям, способным, как отец Виталий, опять пустить его в «дело», как он неминуемо начнет при- носить огромные «проценты». Потому что это «капитал» по существу вневременный и непреходящий, хотя он дей- ствует всегда в нашем земном времени, в наших истори- ческих условиях.

Именно и то, и другое. На Западе бенедиктинство воз- никло в совершенно определенных, конкретных историче- ских условиях и с самого начала широко и тонко эти ус- ловия учитывало. Условия менялись — связь и прямое взаимодействие между живой исторической плотью и вне- временным духовным ядром оставались. В течение столе- тий, великие бенедиктинские аббатства — говоря слова- ми Пэги — «насыщали мистическими токами» окружаю- щую мирскую среду, призванную в конечном итоге к тому же самому духовному преобразению. Так и в жизнь рус-

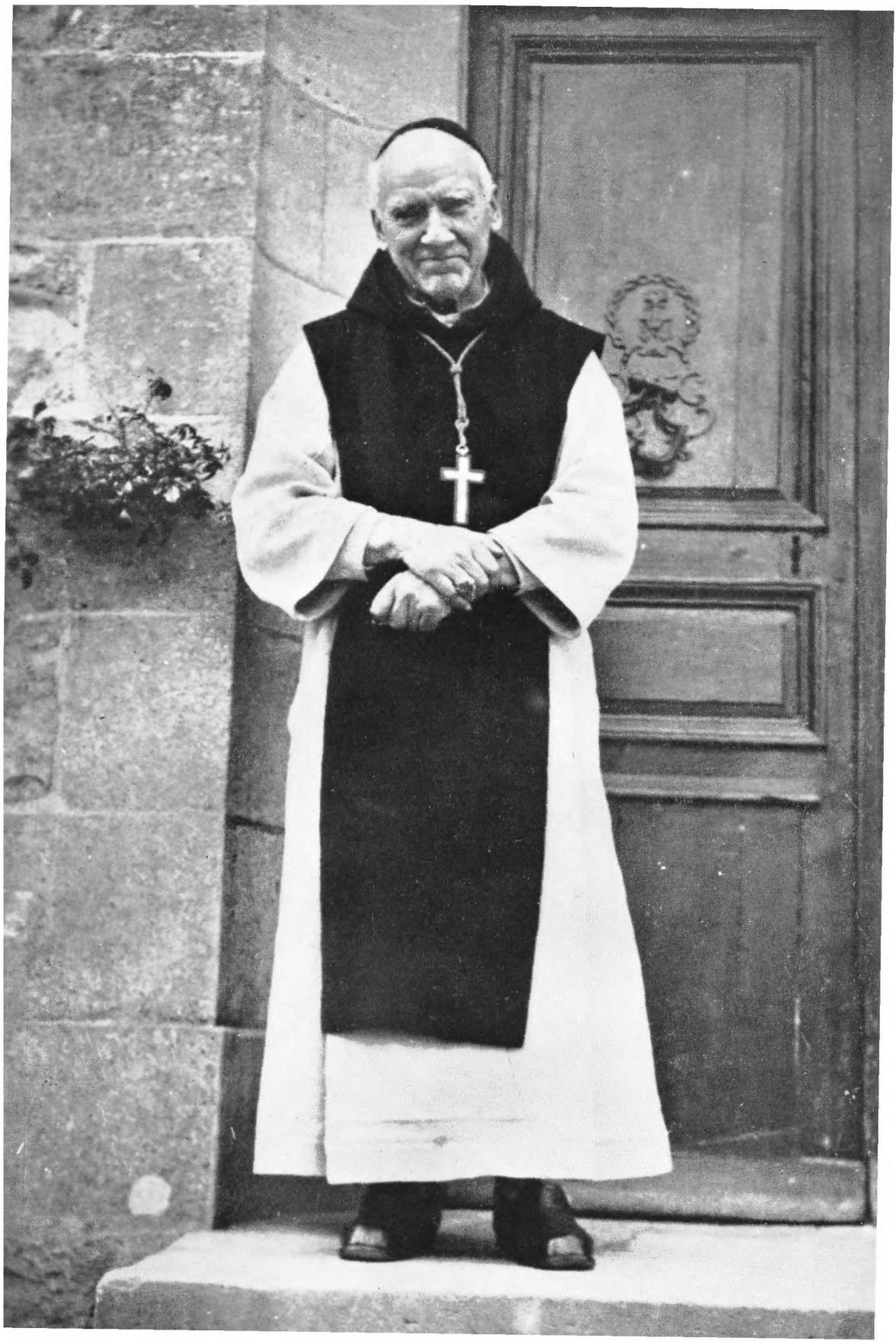
ского светского общества поразительно мощные мистические токи шли — и, верим, продолжают идти — от великого Саровского отшельника, желавшего, к слову, даже и самым конкретным образом ввести в жизнь светских людей, через светскую общину своих духовных дочерей, то, что открывалось ему в его монашеском опыте.

Историческая плоть, в которую облекается вечное духовное ядро, изменяется во времени и в пространстве. В России она не та же, что на Западе. В изложении отца Виталия внимательный русский читатель неизбежно заметит места, которые остаются ему чуждыми: сразу чувствуется, что у нас так бы не сказали. Но важно, что эта разность не затрагивает основ и вершин христианского духовного опыта, которые, напротив, совершенно тождественны.

Это существенное единство, которое мы старались показать, происходит, конечно, с одной стороны, от общности исторических истоков. Ясно вполне, что при возникновении монашества его духовное содержание на Западе и на Востоке было совершенно тождественно (при формах уже несколько различных), и что первооснова бенедиктинского ордена целиком лежит в этом едином, еще не разделенном, историческом фундаменте. Многое этим объясняется. Но не все.

Остается поразительным, что при всех, очень значительных различиях исторического развития, устремление христианских душ к Троиному Богу дает опыт, который в основных своих чертах всегда одинаков. И чем интенсивнее и живее устремление, тем более одинаков и опыт, им порождаемый.

Все происходит в буквальном соответствии с известной фразой Митрополита Филарета Московского: на своем пути к Богу человеческая душа словно поднимается выше «наших земных перегородок», которые, именно, «до неба не доходят».

ЖИЗНЬ ОТЦА ВИТАЛИЯ АРХИМАНДРИТА БРИКБЕКСКОГО

Первая треть долгой жизни о. Виталия Брикбекского не представляет ничего замечательного. Сын токаря по дереву, рано потерявший своего отца, он провел в глухой нормандской деревне суровое и бедное детство. Среда, в которой он родился, была традиционно-верующей. Строго воспитанный в чувстве долга и послушания очень благочестивой матерью, прилежный и скромный мальчик привлек внимание местного священника, предложившего давать ему уроки латыни. Это определило его судьбу. Не столько даровитый, сколь трудолюбивый, стремящийся во всем быть примером, он преуспел в учении. Принятый в духовное училище, а затем в епархиальную семинарию, он вступил без всяких колебаний на духовное поприще и был рукоположен в священники двадцати трех лет отроду, в 1880 году. Три года служения в маленьком нормандском местечке, шесть лет священства в одном из крупных приходов Гранвилля — таковы были первые, мало заметные этапы его длинного пути.

Казалось, что вошедшая в естественное русло жизнь будущего трапписта будет так протекать и далее. Но лишенный всякого честолюбия и неприхотливый в житейском плане, молодой пастырь знал с детства запросы духовного порядка, не позволявшие ему удовлетворяться малым. Он не был зарывателем талантов. Душевная уравновешен-

ность, осторожность и скромность уживались в нем с чрезвычайной требовательностью к самому себе, с постоянным стремлением к совершенству, с настойчивым желанием исполнять свой долг до конца. Жития святых были искони его любимым чтением, и достижение святости представлялось ему естественной целью христианской жизни. Примеры великих подвижников казались ему особенно достойными подражания. Он чувствовал в себе духовные силы, остававшиеся без должного применения в условиях слишком ограниченных и, так сказать, слишком уютных тогдашней приходской деятельности. Не удивительно поэтому, что после девяти лет священства решение принять иноческий сан созрело в нем.

Он остановил свой выбор на Ордене Траппистов — ответвлении древнего Цистерцианского Ордена, основанного в XI-м веке св. Робертом, св. Стефаном и св. Бернардом, восстановившими во всей полноте несколько позабытые в те времена традиции св. Бенедикта, первоучителя западного монашества. Устав траппистов отличается не малой суровостью. На сон он отводит лишь семь часов в сутки. Монастырский день начинается в 2 часа ночи и оканчивается в 7 часов вечера. Он заполнен — почти непрерывно — церковными службами, молитвой и физическим трудом, подчас очень тяжелым. Монахи живут в обычно неотапливаемых помещениях, спят не раздеваясь на еле прикрытых досках, питаются исключительно растительной пищей, молоком и сыром, соблюдая особенно строгий пост с половины сентября до Пасхи, нарушают молчание лишь в случае необходимости, изъясняясь, по возможности, знаками. Именно эта исключительная строгость жизни и привлекла молодого священника в обитель Брикбекской Божией Матери. (Abbaye Notre Dame — Bricquebec, Manche, France).

Этот монастырь был основан в 1824 году в пустынном и лесистом уголке Котентенского полуострова. Как древние русские иноки, немногочисленные основоположники обители своими руками расчистили чащи, осушили болота, превратили каменистые поляны в цветущие пашни, воз-

двигли церковь и монастырские строения, насадили фруктовые сады и огороды, построили мельницы, создали молочное хозяйство и сыроварню. В эпоху, когда о. Алким Легодэ — в монашестве Виталий — впервые переступил его порог, Брикбекское аббатство, овеванное ореолом святости, уже могло поддерживать материально более двухсот бедных семейств округа, а его духовное влияние простиралось далеко за пределы Нормандии.

Включение в жизнь Брикбекской братии требовало тогда особой духовной выносливости не только в силу предельной суровости устава, но и потому, что дух радости, пронизывавший древнее цистерцианство, был в эти годы почти утрачен в траппистской среде. Под влиянием умонастроений, ставших господствующими в 17-м и 18- веках почти во всей Западной Церкви, светлые, пасхальные мотивы христианства как бы отошли на второй план, затемненные горестным сознанием человеческой немощи и греховности. Созерцанию крестных мук придавалось более значения, чем сопричастию в преображении, воскресении и победе над смертью. Образ Грозного Судии заслонил кроткий лик Доброго Пастыря. Страх вечных мук преобладал над радостным упованием. Все естественное, плотское представлялось осужденным, и умерщвление плоти считалось первым и главным долгом, как бы единственным путем ко спасению. Оно становилось как бы самоцелью, основной задачей иноков: подвигом страдания стремились они стяжать милосердие Божие, усугубляя тяготы устава добровольным самоизнурением и самоистязанием.

Воспитанный в тех же понятиях, что и большинство его современников, и привыкший с малолетства видеть именно в аскетическом подвижничестве высшее проявление праведности, о. Виталий не чувствовал, естественно, ошибочности этого исторического уклона. В нем не было ни колебаний, ни сомнений. Ему казалось, что, вступив в монастырский затвор, он нашел в нем все, чего искал. Он был охвачен одним стремлением: с предельной добросовестностью исполнять все требования, предъявляемые к по-

слушнику и монаху. Но именно это стремление, эта жажда совершенного послушания воле Божией, выраженной в заветах святых наставников Ордена, и натолкнули его незаметно и произвольно на тот пионерский путь, который был ему приуготован и о котором он, по своей скромности, никогда не помышлял.

Посвящая чтению устава и правил редкие минуты передышки, предоставляемые монахам строгим расписанием монастырского дня, он не мог не заметить, что по мысли св. Бенедикта аскетические упражнения являлись лишь первой ступенью на той лестнице совершенствования, поднимаясь по которой инок достигает общения с Божественной Любовью, в полноте своей изгоняющей всякий страх. Эти вдохновенные строки святого учителя были открытием для смиренного послушника, неискушенного в «науке святости». Ему стало ясным, что то, в чем он раньше видел цель, было лишь средством, что сокрушение, покаяние, отречение от всего земного были лишь необходимыми условиями для встречи и слияния с Богом, возможных не только за гробом, но и в здешней жизни. Иноческий подвиг вел, таким образом, от печали к радости, аскетика оказывалась лишь служанкой мистики. Со свойственным ему здравым смыслом о. Виталий сделал из этого заключения практический вывод: он испросил у настоятеля разрешение изучать мистическую литературу.

Это было ему дозволено, хотя было в этой просьбе нечто по тем временам необычное и даже дерзновенное. При всем почитании, которое воздавалось отцам Церкви и великим мистикам западного средневековья, в их творения, в сущности, мало кто заглядывал. Их опыт считался слишком высоким, слишком исключительным, их пример — почти недоступным подражанию. Ни в семинариях, ни в монастырях занятия мистикой не поощрялись. К ним даже относились с опаской, страшась возможных соблазнов. Богомыслию отдавалось в монастырском обиходе лишь очень мало места, и если в Брикбекской обители и было несколько иноков, далеко продвинувшихся на мистическом пути,

в их достижениях видели действие особой благодати, им одним дарованной и изливающейся лишь на особо избранные души.

С присущей ему осторожностью о. Виталий не посмел приняться непосредственно за творения древних вдохновителей монашества и обратился сначала к позднейшим наставникам, труды которых казались ему более доступными. «Трактат о божественной любви» св. Франциска, епископа Женевого (17-й век) был, повидимому, одним из первых трудов, в чтение которых он погрузился. К этому учителю, не утратившему, в эпоху религиозного формализма, живую связь с подлинной мистической традицией, он сохранил до конца своих дней признательную нежность. Она ярко проявляется в постоянных ссылках на св. Франциска, которые мы находим в трудах о. Виталия и, в частности, в «Чистой и совершенной самоотдаче». Удивляться этому не приходится. Именно этот благочестивый автор, на Востоке почти не известный и говорящий языком своего времени, от русского читателя далеким, приоткрыл о. Виталию духовный мир, о величии и богатстве которого он лишь смутно догадывался. Через него о. Виталий смог приобщиться к могучему, но в те дни как бы подспудному течению подлинно-вдохновенного богомыслия и, постепенно восходя к истокам, постичь самый дух цистерцианских и бенедиктинских заветов. И тогда необъятные кругозоры открылись перед ним. Учение об «умной молитве», о сотрудничестве человека с Богом, о восхождении твари к Творцу, о всепобеждающей силе любви, о просветлении и обожении жизни, озарило его душу немеркнущим светом.

Надо думать, что не только образцовое рвение послушника, но и его внутренний рост не остались незамеченными его духовными руководителями. Как только, закончив послушнический искуc, о. Виталий принес первые (трехгодичные) монашеские обеты, он был назначен приором, т. е. помощником Архимандрита, а четырнадцать месяцев спустя, на другой день после скоропостижной кончины

о. Германа, третьего Брикбекского Аббата, высшее руководство Ордена поручило ему временное управление монастырем. Наконец, по прошествии полутора лет, он принес 8-го июля 1895-го года свои окончательные обеты и был тотчас же избран Аббатом (Архимандритом) Брикбекской обители.

Годы, непосредственно предшествовавшие этому избранию, как и все двадцать шесть лет, во время которых о. Виталию суждено было править монастырской общиной, были для него годами высочайшего духовного напряжения и растущего переутомления. Своему ответственному служению он отдался всем существом. «Никогда не забуду» — читаем мы в его автобиографии — «волнение, охватившее меня, когда мне пришлось занять кресло Аббата. Как сейчас помню мое программное обращение: настоятель должен стоять во главе своей общины, он должен быть первым на молитве, первым на работе, первым во всем, что касается внутренней жизни монастыря, первым повсюду, ибо ему надлежит учить примером более, нежели словом». Этой программе он остался верен до конца.

Чего это стоило ему, почти невозможно себе представить. В добавление к тяжелым обязанностям рядового инока (в исполнении которых он не позволял себе ни малейшего послабления), на его плечи легло как руководство вверенными ему душами, так и попечение о материальном благосостоянии быстро разраставшегося монастыря. Мало склонный к административной и хозяйственной деятельности, о. Виталий принужден был уделять ей не мало времени и сил, продолжая в то же время свое духовное самообразование и стремясь усвоить с возможной полнотой великое наследие святых подвижников и провидцев и следовать им на пути непрерывного внутреннего совершенствования. В этой области, духовный опыт, приобретенный им во время восьмидневного уединения в одной из родственных обителей, куда он удалился незадолго до своего избрания в настоятели, имел для него решающее значение. Именно там, в полной тиши и в глубокой сосре-

доточности, размышляя над тайной Рождества Христова, его всегда особенно привлекавшей, он впервые сподобился ощутить в своей душе живое присутствие Бога, явившегося ему в образе Младенца. С этого момента духовные глаза его окончательно раскрылись и все, что он лишь предчувствовал до тех пор, стало для него непосредственной очевидностью. В сыновнем и отеческом отношениях, связывающих человека с Творцом, в ибновном доверии, в чистой дружбе с Богом, в совершенном предании самого себя Его любящей воле, он собственным опытом познал истинную суть христианской жизни, и в евангельском «Будьте как дети» открылся ему благодатный ключ к ее совершенному очищению и просветлению.

«По началу я искал святости в умерщвлениях», пишет он в своей автобиографии, «и, конечно, они имеют свою ценность, и мы должны предаваться им с любовью; позднее, я думал найти ее на путях молитвы и более тесного единения, сердечного и духовного, с Господом и это было несомненно шагом вперед. Но теперь я стремлюсь обрести ее через святую детскость, через сыновнее послушание и доверчивую самоотдачу. Это, конечно, много лучше».

В созерцании Христа-Младенца, в духовной беседе с Ним, в таинственной и сладостной близости к Нему, испытывать которую он удостаивался от времени до времени, отец Виталий черпал силы для своих многообразных и изнурительных трудов. «Нас ради родилось Дитя, Дитя нам дано» — этот ликующий рождественский стих наполнял его душу великой радостью. Она как бы излучалась из него и передавалась всей братии, с которой он стремился разделить свой духовный опыт. И хотя внешне обиход монастыря как будто и не изменился, самый дух его постепенно преображался, и для тех, кто всей душой проникался наставлениями своего настоятеля, монастырский затвор переставал быть мрачной темницей, претворяясь в Божий Сад, в преддверие небесного рая. По-новому зазвучали в нем полузабытые слова св. Бернарда: «О Дитя, Которое

малые сии призывают своими детскими голосами, Ты истине мало в хитрости, но велико в премудрости! Будем же трудиться, чтобы уподобиться этому Младенцу; познаем от Него, что Он кроток и смирен сердцем, дабы наш Великий Бог не напрасно сделал Себя малым, не напрасно умер, не напрасно был распят».

Быстрый расцвет Брикбекского аббатства побудил вскоре верховное руководство Ордена возложить на отца Виталия две новых задачи. Когда, на переломе века, первое траппистское общежитие возникло в Японии, попечение о нем было поручено Брикбекской обители. Это было высокой честью: обычно руководство вновь возникающими общинами вверялось лишь наиболее древним монастырям. Но для о. Виталия, отнюдь не искавшего расширения своей внешней деятельности, это новое и почетное задание явилось тяжелым испытанием. Не легко ему было расстаться с некоторыми из своих ближайших сотрудников, выразившими желание отправиться в Японию для непосредственного участия в жизни новой обители и возникшего несколько позже, в той же Японии, женского траппистского монастыря, и еще труднее — нарушить строгое течение своей затворнической жизни и отправиться самому на Дальний Восток, когда его личное присутствие там стало необходимым. Первое путешествие в Страну Восходящего Солнца он совершил морем, в 1900 году. Девять лет спустя, он посетил ее вновь. На этот раз путь его лежал через Сибирь, и он дважды пересек просторы России, молясь об этой ему незнакомой, но таинственно близкой по духу, стране.

С другой стороны, когда общий подъем, переживаемый Западной Церковью, выявил желательность пересмотра «Руководства», направлявшего с 1869-го года всю жизнь траппистских общин и во многом отражающего формалистические и пессимистические подходы, свойственные предшествующей эпохе религиозной мысли, именно Брикбекскому Архимандриту было предложено заняться подготовкой нового издания. Это поручение, тем более труд-

ное, что привязанность к старине была присуща многим представителям старших поколений траппистов, подозрительно относящихся ко всякому новшеству, — было выполнено о. Виталием с величайшим усердием и с привычной ему осмотрительностью. Противник всякой ломки, он сохранил в основном старый текст, лишь кое-где заменив одно выражение другим, урезав некоторые фразы или добавив к ним несколько слов или придаточных предложений, переписав заново лишь отдельные абзацы и страницы; но эти переделки, на первый взгляд незначительные, изменили самый дух Руководства, прежде проникнутого моральным ригоризмом. Ударение оказалось переставленным с умерщвления плоти на созерцательную молитву, с сокрушения и покаяния — на усовершенствование в любви. Отпали указания на страдание как на «единственную» цель иноческого отшельничества, отпало осуждение всех естественных склонностей как по существу греховных, отпали строки, полные недоверия к умственному труду, как препятствующему истинной святости. Наконец, предпослав Руководству вступление, посвященное самой сущности духовной жизни, о. Виталий определял ее в чистом духе древней цистерцианской традиции, как «жизнь сверх-природную и божественную, начинающуюся в Благодати и увенчивающуюся во Славе». — «Пресвятая Троица, — читаем мы в этом введении, — нисходит к человеку, чтобы сделать его соучастником Жизни Божией; это Отец, это Друг, это Жених, который предает Себя нам... Наша душа становится зеркалом, в котором Он Себя созерцает».

Это вынужденно краткое вступление не могло, разумеется, включить все то, что о. Виталию хотелось высказать по поводу созерцательной молитвы и в защиту мистической жизни, мало известной его современникам. Он решил поэтому изложить подробно свою точку зрения в особом труде, к составлению которого он и приступил, не прекращая работы над переделкой Руководства. Оба труда, потребовавшие многолетних усилий, были им закон-

чены почти одновременно. Трактат «О путях молитвы» вышел в свет в 1906 году, а три года спустя, после длительного и тщательного рассмотрения, новое Руководство было утверждено Капитулом Ордена. Новая глава открылась таким образом в истории цистерцианства и, обращаясь к своим духовным детям, о. Виталий мог воскликнуть, как некогда св. Бернард: «Для нас, братии, долженствующих возделывать наш вертоград, зима, хочется верить, миновала. Вы знаете, о какой зиме я говорю? О том страхе, который, лишённый любви, сообщает всем мудрость, но никого не ведет к совершенству, и который любовь изгоняет, как лето изгоняет зиму».

Но физические силы Брикбекского Архимандрита не выдержали крайнего напряжения, в котором он жил столько лет. Весной 1910 года его постиг удар. В ночь на страстной понедельник он не смог подняться со своего ложа, и призванный врач признал его положение опасным. Готовый к смерти, о. Виталий ждал ее без трепета. Но час его еще не настал. Постепенно, угроза, нависшая над его жизнью, миновала, и он стал медленно поправляться. Сначала его возили в кресле, потом он стал передвигаться опираясь на палку и, наконец, смог обходиться и без ее помощи. Но прежнее здоровье уже не вернулось к нему. Его работоспособность уменьшилась, он не мог уже соблюдать во всем строгий распорядок устава и, сохраняя за собой общее руководство аббатством, принужден был возложить на приора многие из обязанностей, которые до тех пор он исполнял непосредственно.

Постоянное недомогание не помешало ему, однако, предпринять и завершить новый и капитальный труд, излагающий учение о «Чистой и совершенной самоотдаче» на основании заветов великих мистиков Западной Церкви и своего личного духовного опыта. Эта книга, впоследствии переведенная на несколько языков и впервые издаваемая ныне по-русски, вышла из печати в 1918-м году. Более о. Виталий уже ничего не писал, если не счи-

тать краткой автобиографии, составленной им на склоне жизни.

Старшие иноки Брикбекского монастыря живо помнят его в этот период. «Все, чему он учил», вспоминают они, «претворялось в действие и чувствовалось, что он говорил о том, чем жил». Когда, по воскресеньям, заложив руки в рукава, он своим медленным и проникновенным голосом пояснял прочитанное во время литургии Писание, он как бы размышлял вслух, и присутствующие приобщались к его внутренней молитве, творимой им беспрестанно. Закончив свои наставления, он делился обычно с братией своими размышлениями об истории Церкви, о церковной жизни, а иногда и о текущих событиях. Ничто человеческое не было ему чуждо. Он просматривал даже газеты, стремясь рассмотреть в происходящем невидимое действие Божией воли.

Его присутствие наполняло монахов благостным миром. Они любили следовать за ним, когда он вел их, гуськом, в поля, с лопатой или граблями под рукой, перебирая пальцами четки. Дойдя до избранного места, он останавливался, знаками отдавал необходимые распоряжения и принимался сам за свою работу. Все, что земля производит для пропитания человека, было для него свято, и первые плоды монастырских садов и полей всегда приносились, по его указанию, в дар Пресвятой Богородице и возлагались на Ее алтарь. Один из свидетелей вспоминает, как однажды, во время уборки урожая, о. Виталий наклонился, поднял хлебный колос, пересчитал число зерен и, на следующий день, поучая братию, воздал хвалу Господу, дающему зерну, умершему в земле, принести плод в пятьдесят и в сто крат.

Но с годами, надломленное здоровье его стало ухудшаться и, опасаясь, что отсутствие достаточной твердости в руководстве пагубно отразится на жизни общины, он счел своим долгом просить об освобождении от непосильной ответственности. Летом 1929 года его просьба была уважена, и он сложил с себя звание Архимандрита.

Он надеялся сначала, что ему позволят удалиться на покой в другой монастырь, дабы не стеснять своим присутствием нового Аббата. Но это пожелание не осуществилось: о. Виталий был оставлен в Брикбеке в качестве духовника и преподавателя богословия. Он безропотно подчинялся этому решению, для него тягостному. Положение для него оказалось нелегкое. Новый Архимандрит, не принадлежавший к числу учеников о. Виталия и незнакомый с особенностями брикбекского быта, не разделял точки зрения своего предшественника на многие существенные вопросы монастырской жизни. Оказывая ему все знаки уважения, он не прибегал к его совету и не посвящал его в дела обители. Не желая ни в чем быть помехой своему преемнику, о. Виталий старался быть во всем возможно менее заметным. Он строго соблюдал правило молчания, ходил лишь туда, куда дозволено рядовым монахам, не заглядывал никогда в монастырские строения и службы, посвящая все свободные минуты молитве и чтению Писания и Житий Святых.

Это было, однако, лишь началом его испытаний: чаша горечи не была еще им испита до конца. Здоровье его продолжало разрушаться, его зрение падало, его память слабела и, постепенно, даже та ограниченная деятельность, которой он отдавал свои силы, стала ему неведомой. Ему пришлось отказаться от преподавания, почти прекратить переписку со своими, по всему миру разбросанными, духовными детьми, умственный труд стал ему доступен лишь в редкие часы. Более того, именно в эти годы ему довелось переживать страшные периоды внутреннего мрака, во время которых ощущение благодатной близости Христа покидало его пораженную сухостью душу. Но твердость духа не изменяла ему, и он благословлял Господа, ниспосылающего ему эти очистительные страдания и ведущего его крестным путем к новому прозрению полноты Божественной Любви. Пламень этой любви разгорался в нем все с большей силой: его жизнь стала сплошной молитвой, непрестанной хвалой Творцу.

Эти годы были тяжелыми и для всей Брикбекской общины. В 1933 г. о. Людовик, заменивший о. Виталия на посту Аббата, погиб в автомобильной катастрофе. Два месяца спустя, та же судьба постигла вновь избранного Архимандрита, а третий преемник о. Виталия, о. Мавр, вынужден был по состоянию здоровья покинуть бразды правления после трех лет руководства монастырем. Его сменил один из любимых учеников о. Виталия, но едва монастырь успел оправиться от пережитых потрясений, как война и немецкая оккупация поставили под угрозу самое его существование. И всё-таки, даже тогда, внутренний мир аббатства не был нарушен, и духовная жизнь его не ослабла. Оно вышло невредимым из этих страшных лет, и хотя о. Виталий казался лишь беспомощным свидетелем того, что творилось вокруг, именно его предстательству вся монастырская братия приписывала, и приписывает теперь, милость Божию, охранившую обитель.

Наступление мира застало его уже разбитым параличем, но сохранившим всю ясность ума и еще способным совершать литургию — сидя — по особому разрешению Рима. В почти полном молчании, в почти полном уединении проводил он свои дни, показываясь в церкви, куда его возили в кресле, лишь по праздникам и изредка принимая, для исповеди или беседы, своих духовных сыновей. Тяжело ему было сознавать свое физическое бессилие и чувствовать себя как бы обузой для других, но ожидая смерти, как избавления, он смиренно нес свой крест, предавая себя целиком в руки Небесного Отца, как ребенок в руки матери. Ничтожным казалось ему то, что он претерпевал, по сравнению с тем, что претерпели гонимые во Имя Христова: слезы текли по его лицу при чтении Послания, перечислявшего мучения и невзгоды, пережитые св. Апостолом Павлом. Но сердце его оставалось детски открытым к житейским радостям, посещавшим его в его страдальческие годы. Как радовался он, когда однажды отец-садовник предложил ему прокатиться в тележке, запряженной ослом, по монастырским угольям, с какой нежностью

смотрел он на знакомые поля и леса, с каким умилением вдыхал весенний воздух...

Весь сморщенный, весь сгорбленный, почти неподвижный, но весь проникнутый внутренним светом, на все отзывающийся, все понимающий, все прощающий, за все благодарный — таким помнят о. Виталия знавшие его в последние пять лет его жизни монахи. Чем слабее он становился, тем более, казалось, возрастали его духовные силы: почти незримое присутствие праведного старца ощущалось всей обителью как великое благословение.

Конец его наступил весной 1948 года. В Великую Пятницу, совершив установленный в Западной Церкви обряд поклонения Страстям Христовым, о. Виталий благословил верующих, собравшихся у притвора храма, и знаком выразил желание посетить монастырский зал и трапезную. Дул свежий ветер, окна были открыты, и его прохватил сквозняк. Изнуренный организм не мог побороть простуду, и вскоре стало ясным, что дни о. Виталия сочтены.

В пятницу, 2-го апреля, он отслужил свою последнюю обедню и с тех пор уже больше не поднимался с постели. В тот же день, в его состоянии наступило столь заметное ухудшение, что приор совершил над ним обряд соборования в присутствии всей монастырской братии. Ему суждено было, однако, протянуть еще два месяца. Он медленно угасал, сохраняя полное сознание, молясь, беседуя с посетителями и наставляя своих духовных детей. Возить в церковь его уже было невыносимо и, чтобы не лишать его последнего утешения, один из иеромонахов стал служить обедню в смежном с больничной кельей помещении. В канун Вознесения, совсем обессиленный, о. Виталий сидел во время обедни согнувшись вдвое, упершись локтями в колени, и приобщился, не поднимая головы. «Может быть, Христос придет за Вами завтра», сказал ему приор. «Это было бы слишком хорошо», ответил умирающий.

Богу было угодно даровать ему эту радость. На следующее утро, престол был установлен в келье больного, на том столе, за которым он столько трудился и выстрадал.

Приступая к праздничной литургии, игумен, заменявший находящегося в Японии Архимандрита, спросил о. Виталия, может ли он причаститься. Еле заметным знаком он ответил, что нет, но, когда пришло время влить воду в Чашу, смог еще, приподняв руку, осенить ковш широким крестным знаменем... Светило яркое солнце, столь редкое в дождливой Нормандии, гудели монастырские колокола... Лицо о. Виталия покрылось бледностью. Под пение Молитвы Господней он тихо почил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ЧЕМ СОСТОИТ СОВЕРШЕННАЯ

САМООТДАЧА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЛЯ БОЖИЯ — ВЕРХОВНЫЙ ЗАКОН

Сын мой, ты хочешь спасти свою душу и стремишься к совершенной духовной жизни, т. е. хочешь очиститься до конца, усовершенствоваться во всех добродетелях, достичь соединения с Богом в любви, преобразовываясь в Него всё более. Не правда ли? Этому единому делу ты посвящаешь всю жизнь. Величие его несравнимо ни с чем. Оно принесет тебе свободу, мир, радость, оно запечатлеет на тебе дары Духа Святого, но потребует от тебя жертв без числа, тяжелого, упорного труда в течение всей жизни. Осуществление его было бы не только трудным, но и невозможным, будь мы ограничены лишь своими силами, ибо всё оно, целиком, сверхприродно.

«Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Фил. 4,13). Но где нет Господа, там полное бессилие: мы не можем ни помышлять о добре, ни желать, ни творить его (Иоан. 15,5; 11 Кор. 3,5; Фил. 2,13 и т. д.). С тем большим основанием можно сказать, что исправление всех наших пороков, усовершенствование в добродетелях, жизнь в близком содружестве с Богом во многом выявляют как человеческое бессилие, так и действие божественной благодати. Дивно, стало быть, устроен человек, раз он может творить высочайшие дела с помощью Божией, а сам по себе, один, без Бога, не может даже помышлять о добре. К счастью, Бог соизволил стать «твердыней нашего спа-

сения» (Пс. 88,27), и никогда мы не сможем возблагодарить Его за это в достаточной мере. Но Ему не угодно спасать нас без нашего участия, и, вследствие этого, мы должны объединять наши действия с божественными, с тем большим усердием, что сами мы, без Него, совершенно бессильны.

Следовательно, наше освящение, и даже наше спасение, являются совместным действием Бога и человека: оно подразумевает как действие Божие, так и наше сотрудничество, непрерывную согласованность нашей воли с волей божественной. Работающий вместе с Богом преуспевает каждое мгновение; устраняющийся от Него падает и изнуряет себя в бесплодной суете. Значит, чрезвычайно важно работать с Господом всякий день и всякий час, во всех, как самых существенных, так и самых незначительных делах, ибо иначе мы только теряем труд и время. Кажется, как много дел исполнено важного содержания! Но совершенные без Бога, они выявят свою пустоту и, несмотря на весь положенный труд, исчезнут как дым при свете вечности, как сон, покидающий нас при пробуждении.

Но, раз Господь работает с нами в деле нашего освящения, надо, чтобы Он и руководил этим начинанием. Всё должно делаться лишь по Его мысли, по Его повелению, силою Его благодати. Он — Первопричина и Конец всего; мы рождены, чтобы повиноваться Его воле. Он Сам зовет нас в «Школу служения Господу», чтобы стать в ней нашим Учителем, в «монастырскую мастерскую», чтобы руководить в ней нашей работой; Он призывает нас «под знамена», чтобы Самому повести нас в бой. И Господу надлежит повелевать; всё сочетается Его божественной Премудростью. Творение может сотрудничать с Творцом, только повинувшись Ему.

Эта постоянная подчиненность принуждает нас к непрерывному самоотречению; часто нам приходится жертвовать нашими столь недальновидными воззрениями, нашими столь причудливыми желаниями, и наше

естество выражает неудовольствие. Однако, не следует придавать этому неудовольствию значения. Премудрость Божия — наш водитель, во Всемогуществе Божиим мы находим поддержку, мы сотрудничаем с Самим Богом в деле нашего спасения. Могла ли стать нашим уделом более счастливая участь? К тому же это дело — целиком в нашу пользу: для Себя Бог желает лишь радости творить нам добро. Он совершенствует нашу природу, возводит нас к более высокой жизни, дает нам подлинное счастье этого мира и предвкушение вечного блаженства. О, если бы мы правильно понимали замыслы Божии и наше собственное благо, у нас не могло бы быть иного желания, как стать сплошным послушанием, и другой боязни, как не быть послушными в достаточной мере. Мы докучали бы Богу своими мольбами: «Не моя воля, но Твоя да будет» (Лук. 22,42). Ибо оставить Его премудрую и мощную руку, чтобы следовать путем своих жалких озарений и жить по собственной прихоти, было бы истинным безумием и тяжкой бедой.

Еще другое соображение показывает, что «сущность всего — бояться Бога и заповеди Его соблюдать, потому что в этом всё для человека» (Прем. 12, 13): воля Божия представляет верховный закон добра, единый закон праведности и совершенства. Человек преуспевает лишь в той мере, в какой он его соблюдает.

«Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюдай заповеди» (Матф. 19,17). Стало быть, чтобы войти в царство небесное, недостаточно повторять: «Господи! Господи!», но надо исполнять волю Отца Небесного. Пребывающий в единении с волей Божией живет и спасается; устраняющий себя от нее — умирает и погибает.

«Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое... и приходи и следуй за Мною» (Матф. 19,21). Другими словами: твори волю Божию совершеннее, соблюдай не только заповеди, но и советы евангельские.

И если хочешь достичь вершин совершенства, исполняй волю Божию всё больше и лучше. Пересмотри

Священное Писание, поищи указания в учении и жизни Спасителя нашего: ведь от тебя не требуется ничего, кроме веры, подтверждаемой делами (Гал. 5,6; Иак. 2,14 и сл.), кроме любви, соблюдающей слово Божие (Иоан. 14, 15, 21, 23, 24; 1 Иоан. 2, 15). Совершенным Ты будешь в той мере, в какой будешь творить волю Божию.

Сын мой, вопрос этот так важен, что стоит подробнее задержаться на нем.

Прежде всего, помни великую истину, согласно которой начинающие отдавать себя умной молитве должны изо всех сил, мужественно и всевозможными средствами, стремиться к сообразованию своей воли с волей Божией. Можно сказать с полной уверенностью, что в этом и состоит самое высокое совершенство, до которого можно подняться на духовном пути. Не надо думать, что наше преуспеяние зависит еще от какого-либо другого неизвестного и необычайного средства. Нет, всё наше благо состоит всего только в сообразовании (в самом широком смысле) нашей воли с божественной.

Святой Франциск, епископ Женевский, замечает по этому поводу, что каждый ищет путь к совершенству по-своему: одни — в суровой одежде, другие — в скудной пище, в делах милосердия, в частом посещении церкви, в молитве, в некоторого рода пассивном и особо возвышенном состоянии умной молитвы; иные — в особых дарах благодати, обретенных без всяких заслуг. И все они ошибаются, принимая действие за причину, второстепенное — за главное, часто даже, тень — за вещественное тело. «Что касается меня, говорит он, мне не ведом иной путь, я не знаю другого, как только возлюбить Господа Бога всем сердцем и ближнего своего, как самого себя».

Как любовь к Богу представляет самую высокую и совершенную форму добродетели, так и совершенное послушание божественной воле представляет возвышеннейшее и чистейшее выражение и прекраснейший плод этой любви. К тому же, раз блага и совершенна лишь воля Божия, то не очевидно ли, что чем совершеннее мы бу-

дем сообразовываться с этой волей, тем больше мы будем возрастать в святости и в добродетелях?

Люди, полагающие совершенствование своё лишь в умножении подвигов, в частом причащении и в молитвенном многословии, очевидным образом заблуждаются. Всё это хорошо лишь, поскольку это угодно Богу и служит соединению нашей воли с волей Божией. Все совершенство, вся святость, сын мой, — это полезно здесь повторить! — состоит в исполнении того, чего Господь хочет от нас. Одним словом, воля Божия представляет закон всякого блага и всякой добродетели. Будучи святой, она всё освящает — даже незначительные поступки, если они имеют целью угождать Господу. Если мы хотим стать совершенными, то должны лишь стараться никогда не следовать собственной воле, но всегда — Божией, ибо, в существе своем, все заповеди и советы евангельские сводятся к тому, чтобы делать и переносить то, что угодно и как угодно Господу. Поэтому всю сущность совершенствования можно кратко выразить словами: делать то, что желает Господь, и желать того, что Он делает.

Сын мой, все наше совершенство состоит в том, чтобы любить Всеблагого Господа нашего. Поэтому усовершенствование в любви к Нему и состоит в единении нашей воли с волей Божией. Если мы хотим быть вполне угодны Богу, мы должны стремиться действовать во всем не только **сообразно** Его святой воле, но и достичь, если можно так выразиться, слияния нашей воли с Божией, дабы две воли составляли одну единую. У святых не было другой цели, как только творить волю Божию; они были убеждены, что в этом состоит всё совершенство души. Господь называет Давида человеком по сердцу Своему, потому что этот великий царь всегда готов был следовать воле Божией. Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, была самой совершенной из всех святых, потому что Она всегда была в самом совершенном единении с волей Господней.

Святой из святых, Образ всякого совершенства, Господь наш Иисус Христос, был ли когда-либо чем-либо иным, как не самой любовью и самим послушанием? В самоотверженной любви к Отцу Своему и ко всем нашим душам, Он заменил Собою бессильные всесожжения и принес Себя в жертву за весь Божий мир. По воле Отца Своего, через вольные Страсти и унижения, Он дошел до смерти крестной. Он сошел с небес, чтобы творить эту распинающую, но преисполненную жизни волю (Иоан. 6,38). От самого явления Своего в мир, Он изъявлял Отцу Своему, что закон Его у Него в сердце, чтобы любить Его (Пс. 39 : 7,8) и в руках, чтобы творить Его волю. Это исполненное любви послушание стало Его пищей (Иоан. 4,34), в нем выражение Его тайной жизни (Лук. 2,51), оно вдохновляло Его общественное служение в такой мере, что Он мог сказать «Я всегда делаю то, что угодно Отцу Моему» (Иоан. 8,29). Предавая дух. Он возгласил свое победное «совершилось» (Иоан. 19,30): Отец Мой, Я любил Тебя до последнего вздоха, Я совершил дело искупления, которое Ты поручил Мне исполнить, ибо Я всегда творил Твою волю, не изменяя ее ни на иоту.

Вершина совершенства в том, чтобы наша воля достигла подобия божественной воли; к этому мы должны непрестанно стремиться. Таковой должна быть цель всех наших начинаний, всех наших желаний, всех наших помыслов, всех наших молитв. Сын мой, по примеру возлюбленного Господа нашего Иисуса Христа, будем во всем видеть лишь волю Отца Его. Единым нашим усердием да будет исполнение ее со всё возрастающей верностью, с неослабной жертвенностью и из чисто сверхприродных побуждений. В этом — средство следовать за Господом нашим и приобщиться славе Его.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОЗНАМЕНОВАННАЯ ВОЛЯ БОЖИЯ И БЛАГОВОЛЕНИЕ БОЖИЕ.

Сын мой, да будет ведомо Тебе, что воля Божия открывается нам как промыслительная и действительная.

Как промыслительная, она представляет верховный закон добра, ознаменованный разными способами. Мы уже говорили о том, что этот закон мы должны исполнять, ибо все, чего он хочет, благо, и благо лишь то, чего он хочет.

Как действительная, она представляет всеобъемлющее основание бытия, жизни, действия: всё совершается так, как она того хочет¹⁾, и происходит только то, что она хочет. Нет действия, которое не исходило бы из этой первопричины, нет движения, которое не брало бы своего начала от этого перводвигателя. Следовательно, нет ни малых, ни великих событий, которые не выявляли бы того, что их попускает Господь. Мы должны подчиняться, ибо Он имеет полное право располагать нами по Своему усмотрению.

Стало быть, Господь дает нам познавать Свою волю как

1) Во второй и в третьей главе второй части будет разъяснено, каким образом свободная воля человека, допускающая злоупотребление свободой, тем не менее способствует осуществлению намерений Божиих и не может им помешать.

законом, который Он для нас начертал, так и событиями, которые Он нам посылает. Поэтому богословы различают означенную волю Божию (выраженную в определенных знаках) и благоволение Божие (то, что Он попускает).

Первая, как говорит св. Франциск, епископ Женевский, «указывает нам определенно (заранее) те истины, в которые мы, по воле Его, должны верить, те блага, на которые мы, по воле Его, должны надеяться, те кары, которых мы, по Его воле, должны опасаться, то, что мы, по Его воле, должны любить, те заповеди, которые мы, по Его воле, должны соблюдать, и те советы, которым мы, по Его воле, должны следовать. Всё это называется означенной волей, потому что Бог означенно и выразил в определенных знаках всё то, во что мы, по Его воле, должны веровать, на что мы должны надеяться, чего должны бояться, что должны любить и исполнять... Сообразование нашего сердца с означенной волей Божией состоит в том, чтобы желать всего, что божественная благодать нам знаменует, как угодное ей, и при этом верить согласно её учению, надеяться согласно её обетованиям. трепетать перед её угрозами, любить и жить согласно её повелениям и предостережениям».

Различают четыре вида знаков, коими воля Божия знаменует: заповеди Божии и церковные узаконения; евангельские советы; внушения свыше; иноческие уставы и типиконы.

Заповедям Божиим и церковным узаконениям надлежит повиноваться всякому, ибо они выражают несомненную волю Божию, и Богу угодно, чтобы мы повиновались им, если хотим спастись.

Ему угодно также, чтобы мы исполняли Его советы, но не подчиняя им нашу волю безусловно, а только желая исполнять их. Поэтому, мы не утратим любви к ближнему и не отделимся от Бога, если, отнюдь не пренебрегая евангельскими советами, мы не найдем в себе мужества следовать им. Мы не должны стремиться исполнять их все, но

только те, которые отвечают нашему призванию, ибо найдутся среди них и противоречащие ему... Не всякому подобает исполнять их все до одного; раз даны они нам ради любви, то сама она и является для нас мерой и законом исполнения их... Те же советы, которые надлежит исполнять монашествующим, содержатся в их уставе. В самом деле, монашеские узаконения, приказы и советы настоятелей являются для них выражением воли Божией. Они вправе благословлять божественного Учителя, ибо Он с любящей заботливостью и до мельчайших подробностей начертал Свою волю в отношении монастырской братии и всех ее представителей.

Внушая Свою волю человеческому сердцу, Господь обращается к человеку в отдельности в более личной форме. Св. Франциск де Саль отмечает, что св. Мария Египетская удостоилась такого внушения при виде иконы Божией Матери; св. Антоний, когда слушал чтение Евангелия за литургией; св. Августин, внимая рассказу о жизни св. Антония; св. Пахомий, созерцая дело милосердия; св. Игнатий Лойола, за чтением Житий Святых. Словом, внушения свыше приходят к нам самыми разнообразными путями. Некоторые из них необычайны лишь постольку, поскольку они ведут нас с необычным для нас усердием к необычным для нас подвигам. Другие внушения «считаются необыкновенными потому, что они побуждают нас к действиям не предусмотренным узаконениями, правилами и обычаями Церкви, и вследствие этого ими надлежит скорее восторгаться, нежели следовать им». Св. Франциск указывает знаки, по которым распознаются внушения свыше, и объясняет, как следует держать себя в отношении их. «Бог знаменует нам Свою волю внушениями», заключает он. «Однако, Ему неуютно, чтобы мы сами пытались распознать, является ли внушенное нам действительно Его волей, а особенно, чтобы мы следовали Его внушениям необдуманно. Не надо ждать, пока Он Сам изъявит Свою волю, или пошлет ангелов, чтобы нам ее преподать. Нет, Он хочет, чтобы во всех серьезных и сомнительных слу-

чаях мы обращались за разъяснением к тем, кого Он поставил над нами для руководства».

· К этому следует еще добавить, что примеры из жизни Спасителя и Святых, учение о добродетелях и упражнения в них также принадлежат к озаменованной воле Божией. Но нетрудно отнести их к одному из четырех вышеуказанных подразделений.

«Вот», говорит далее св. Франциск, «каким образом Господь проявляет Свою волю, называемую нами озаменованной Им. Но помимо нее, мы различаем еще благоволение Божие, т. е. то, что Господь допускает; мы должны узнавать это благоволение во всех событиях, точнее во всем, что выпадает нам на долю: в болезни, в смерти, в скорби, в утешении, в невзгодах и в благоденствии, одним словом, во всех непредвиденных обстоятельствах». Легко распознавать волю Божию как в том, что исходит от Него непосредственно, так и в том, что проистекает от несвободных творений, ибо они не могут действовать иначе, как повинаясь Богу, ни в чем Ему не противясь. Узнавать волю Божию приходится главным образом в напастях. Хотя сами по себе они Ему неуютны, Он пользуется ими для восстановления нарушенного человеком порядка, для исправления наших ошибок, для врачевания и освящения наших душ. Более того, благоволение Божие надо видеть даже в грехах наших и в грехах наших ближних. Да, Бог попускает их и, несомненно, хочет их попускать. Но Он не способствует самой сути греха, в которой заложено злое начало: грех ненавистен Ему бесконечно; Он делает всё зависящее от Него, чтобы отвратить нас от греха; Он осуждает его и карает за него. Но, чтобы не лишить нас свободы, которую Он же нам дал, и так как мы не можем ничего делать иначе, как с Его помощью, Он оказывает таковую лишь внешней стороне греха, не выходящей из границ наших естественных способностей. Более того, Он привлекает добро даже из зла и, ради этого, использует наши ошибки и ошибки наших ближних, для освящения душ покаянием, терпением, взаимной поддержкой, сми-

рением и т. п. Он также хочет, чтобы мы терпеливо сносили тяготы причиняемые нам нашими ближними, чтобы мы повиновались им, как велят наши уставы, усматривая даже в их чрезмерной требовательности и недостатках наших ближних средства, принуждающие нас упражняться в добродетелях. Поэтому св. Франциск, епископ Женевский, не боится утверждать, что Господь изъясляет нам преимущественно через наших ближних то, чего Он от нас ожидает.

Сын мой, надо вникнуть в глубокое различие между означенной волей Божией и Его благоволением или попусшением.

Прежде всего, означенная воля Божия известна нам заранее и совершенно определено, благодаря обычным знакам человеческой мысли, слову и Писанию. Так, мы имеем Евангелие, церковные узаконения, наш иноческий устав. Если мы хотим, мы можем найти там всё, что нужно знать о воле Божией, можем запомнить прочитанное и размышлять о нем. Божественные внушения и веления настоятелей только внешне представляются исключением из этого; по сути же, предметом их остается тот же писанный христианский и монашеский закон. Но благоволение Божие, как замечает св. Франциск, напротив, «узнается почти всегда из событий». Он говорит «почти всегда», потому что и здесь есть исключения, и здесь бывает известно заранее то, что Господь сделает позже, если Богу это является угодным. Это можно предчувствовать, предполагать, можно об этом догадываться, судя по ходу дел или по тому, какие приняты разумные меры или какие допущены неосторожности. Но вообще, благоволение Божие выявляется по мере хода событий, а обычно, эти последние превосходят наше предвидение. Даже в то время, когда они уже совершаются, благоволение Божие может оставаться довольно неясным. Да, Он посылает нам болезнь, внутреннюю сухость и другие испытания: таково Его благоволение в данное время. Но надолго ли это? Каков будет исход? Этого мы не знаем.

Затем, мы всегда вольны сообразовываться с ознаменованной волей Божией послушанием или уклоняться от нее непослушанием. В самом деле, воля Господня передает в наши руки вопрос о жизни и смерти, предоставляя нам либо повиноваться Его закону, либо нарушать его — до Судного дня. Напротив, в том, что Он попускает, Он располагает нами как Господь и Владыка, не считаясь с нашим мнением, часто даже вопреки нашему желанию, Он ставит нас в определенное Им положение и требует от нас исполнения долга. Опять-таки, в нашей власти остается выбор между выполнением или невыполнением наших обязательств, между подчинением тому, что Господь допускает, или восстанием против этого. Но данные события мы вынуждены претерпеть, хотим мы этого или нет. И нет той силы в мире, которая могла бы остановить их ход. Таким путем, Господь наш, как Владыка и Верховный Судия, восстанавливает погранный порядок и карает за грех; как Отец и Спаситель, Он же напоминает нам о подчиненности Ему и старается вернуть нас на стезю нашего долга, если мы злоупотребили свободой и заблудились.

И наконец, послушания Своей ознаменованной воле Господь требует от нас в силу нашего выбора и нашего решения. Чтобы исполнить данную заповедь или данное требование устава, чтобы совершить некое дело, предусмотренное богословскими или основными добродетелями, мы, несомненно, нуждаемся в тайном действии предваряющей и укрепляющей благодати, которую мы всегда можем обрести молитвой и верностью. Но, так как воля Божия ознаменована ясно, мы выполняем ее, когда наступает время, по личному почину. Нам нет надобности выжидать тогда о сщутимого проявления благодати, особого дыхания Духа Святого. Если же дело идет о благоволении Божиим, то необходимо ждать событий, выявляющих волю Господню. Иначе мы не можем знать, чего Он от нас ожидает. Лишь через события мы узнаем, чего Господь хочет от нас: прежде всего под-

чинения тому, что Он допускает, а затем исполнения нашего долга в связи с тем или иным созданным Им положением.

По этому поводу св. Франциск, епископ Женевский, справедливо замечает, что «бывают случаи, когда надо сочетать означенную волю с благоволением». В качестве примера, он приводит болезнь. В этом случае, кроме подчинения божественному Провидению, требуется также выполнение христианского долга. Больному надлежит быть терпеливым и самоотверженным и следовать попрежнему всему предначертанному означенной волей Божией, допуская лишь оправданные болезнью исключения и изъятия из правил. В подобных случаях, «поскольку благоволение Божие нам неизвестно, надо держиваться, в полной мере возможного, означенной воли Божией, исполняя усердно всё, что она нам велит. Но, как только выявится попускаемое Всевеликим Господом нашим, следует немедленно повиноваться Ему, в полной готовности всегда подчиняться как в приятном нам, так и в неприятном, как в смерти, так и в жизни, и, вообще, во всем не противоречащем явным образом означенной воле Божией, ибо ей всегда принадлежит первенство».

Сын мой, я знаю, что эти понятия — суховаты. Но важно их хорошо понять и усвоить, ибо они разъясняют нам вопросы, которыми мы займемся дальше.

•

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОСЛУШАНИЕ ОЗНАМЕНОВАННОЙ ВОЛЕ БОЖИЕЙ.

Итак, сын мой, мы уже установили, что воля Божия, говоря вообще, представляет единый верховный закон, и мы можем продвигаться к совершенству лишь в той мере, в какой мы сообразуемся с ней. Независимо от того, каким образом она выявляется — будь то ознаменованная воля или благоволение Божие, — она остается неизменно и всегда одна и та же, равно почитаемая и святая воля Божия. Стало быть, в деле нашего освящения мы должны быть ей одинаково верны, как в том, так и в другом случае. Однако, не будем пока касаться благоволения Божия, дабы показать яснее, как важно и необходимо быть связанным с ознаменованной волей Божией всем сердцем, в течение всей нашей жизни, поставив ее в самую основу нашего труда. В конце этой главы я объясню, почему я так задерживаюсь на истине, которая и без того кажется достаточно очевидной.

Ознаменованная воля Божия заключает в себе прежде всего заповеди Господни и церковные узаконения, а также обязанности, налагаемые на нас нашим положением. Всё это, прежде всего другого, и составляет предмет нашей постоянной и неусыпной верности. И, действительно, в них вся основа духовной жизни: стоит ее удалить, и всё

здание рухнет. «Бойся Бога», говорит Премудрость, «и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека». (Прем. 12,13). Может быть, иные и воображают, что сделанное сверх должного освящает нас больше, нежели исполнение должного. Но это совсем неверно, ибо совершенство состоит прежде всего в точном исполнении предписанного законом. К тому же, сверхдолжные дела, творимые в ущерб исполнению долга, подразумевают подмену Божией воли — нашей собственной и не могут быть угодны Господу.

Ознаменованная воля Божия заключает в себе, сверх того, евангельские советы. Чем старательнее мы будем следовать им, соответственно нашему призванию, тем более уподобимся нашему божественному Учителю. Эти советы побуждают нас упражняться в добродетелях наиболее милых Его Сердцу: в кротости и смирении, в послушании духа и воли, в девственной чистоте, в добровольной бедности, в предании себя Ему, доходящем до жертвы и самозабвения. Соблюдая их точно, мы упраздняем главные препятствия к пламенной любви к ближнему, а также опасности, угрожающие самой любви; иначе говоря, евангельские советы являются оплотом заповедей. Справедливо было отмечено, что «недостаточно того, что достаточно». Желаящий делать всё, что позволено, примется вскоре и за недозволенные дела; делающий же лишь то, что строго обязательно, перестанет скоро делать и это во всей полноте.

Наконец, ознаменованная воля Божия заключает в себе и внушения благодати. Как божественные лучи, они несут душе свет и жар, вдохновляя ее к добру. Знаки божественного благоволения, — они многообразны. Тут, смотря по обстоятельствам, чередуются: влечения, побуждения, упреки, угрызения совести, благотворные страхи, внутренние утешения, порывы сердца, благие и могучие призывы упражняться особо в некоторых добродетелях. Люди чистые духом удостаиваются таких внушений нередко. Очень важно следовать им с благодарностью и верностью:

они приносят нам драгоценную поддержку. Св. Апостол Павел имел основание сказать: «Духа не угашайте» (1. Фес. 5,19), т. е. не подавляйте благостных движений, сообщаемых благодатию вашему сердцу!

Нужно ли еще добавлять к этому, что воля Божия изъясняет нам свои повеления, наставляет и вдохновляет нас в течение всей нашей жизни? Эту власть Всевышнего над нами мы должны всегда чтить. Точное исполнение означенной воли Божией дает нам возможность подавлять естество и преуспевать в добродетелях. Но естество наше не умирает, а в добродетелях мы можем возрастать непрестанно. Проживи мы тысячу лет, упорного тысячелетнего труда было бы нам недостаточно, чтобы уподобиться Господу нашему и стать совершенными, как Отец наш Небесный.

Не следует забывать при этом, что для инока означенная воля Божия выражается главным образом его обетами, уставом и настоятелями: они указывают ему и его долг до последнего дня жизни, и путь его освящения.

Иноческий устав — надежный вождь. Монашеская жизнь, по словам св. Бенедикта, есть «школа служения Господу» — та несравненная школа, где Сам Господь Бог, становясь нашим Учителем, наставляет и совершенствует нас, изъясняет каждое мгновение Свою волю, разъясняет до мелочей наше служение. Он утверждает наше подвижничество, наши упражнения в созерцании, дает тысячи указаний касательно прохождения иноческой жизни, преуспевания в смирении, братской любви и других добродетелей. Он указывает нам, как наши внутренние склонности могут сделать наше послушание наиболее угодным Богу и для нас самих — наиболее плодотворным. Св. Франциск, епископ Женевский, вопрошает по этому поводу: есть ли, при таких условиях, еще надобность в том, чтобы Господь открывал нам Свою волю также и тайными внушениями, видениями и экстазами? Он находит, что монашествующие просветляются много надежнее путем по-

слушания своему уставу и своим настоятелям. Обращаясь к монахиням основанного им ордена, он говорит: «Вы много счастливее нас, мирских людей. Когда мы спрашиваем дорогу, одни говорят нам — идите направо, другие — идите налево и, чаще всего, нас обманывают. Вы же, сидящие в челне, можете спокойно довериться ему. Не беспокойтесь: вы находитесь на верном пути. Господь наш — ваш божественный компас; челн же ваш—ваш иноческий устав; управляют им — ваши настоятели... Но, может быть, вы возразите: да, конечно, хорошо следовать путем устава; но ведь это — обычный путь. Нас же Господь наделил особым влечением, не всех Он ведет одной и той же стезей. Вы правы, говоря так; но верно и то, что если ваше влечение исходит от Бога, то оно, несомненно, приведет вас к послушанию».

Наш иноческий устав — великое, насущное средство очищения. В самом деле, послушание отрешает нас от всякой привязанности и очищает нас, давая тысячу поводов к требуемому им самоотречению, но еще больше путем отказа от собственного суждения и собственной воли. Ибо в своеволии, по выражению св. Альфонса, гнездится сила, уничтожающая все добродетели, в нем источник всех зол, оно открывает врата греху и несовершенствам, оно — наихудшее исчадие ада. По мнению св. Бонавентуры, всё усовершенствование инока состоит в отречении от собственной воли. Отказ от нее достигается такой ценой, что его уподобляют мученичеству: топор палача отсекает голову жертве; меч послушания приносит в жертву Богу нашу волю — «голову нашей души».

Наш иноческий устав — неисчерпаемый источник небесных благ, в нем подлинное сокровище духовной жизни. И в самом деле, всё противное послушанию — лишь грех и несовершенство; без него и лучшее теряет цену; с ним же незапрещенное становится добродетелью, а просто хорошее — становится лучшим. Послушание открывает душу всем добродетелям, сохраняет их в ней, преумножает их действие и, освящая нас во всякое время,

не оставляет ничего естеству, отдавая всё Богу. По прекрасному выражению св. Бернарда, наш божественный Учитель «так высоко ставил эту добродетель, что послушный до смерти, предпочел отдать Свою жизнь, дабы не нарушить послушания». Все святые прославляли и с бережным усердием лелеяли эту драгоценную добродетель, столь дорогую Господу нашему.

Таким образом, в послушании означенной воле Божией следует видеть нормальное средство для достижения совершенства. Этим нисколько не умаляется значение нашего подчинения благоволению Божью. Напротив, необходимо отметить его высокое и решающее влияние. Оно укрепляет благотворное действие устава, иногда даже дополняя его. Эта поддержка тем более ценна, что она дается каждому лично; предписания устава носят, неизбежно, общий характер; но попускаемые события Господь выбирает, имея в виду наши личные нужды. Тем не менее, означенная воля Божия остается, среди всех случайных и меняющихся событий, неизменным и нормальным средством, определяющим наш долг ежедневно и ежемгновенно. Согласно ей мы вступаем на наш путь, совершаем его и заканчиваем его.

Сын мой, мне представляется необходимым напомнить эту основную истину теперь, начиная наши беседы, дабы справедливые похвалы, которые будут воздаваться в них совершенной самоотдаче, не побуждали никого видеть в ней единственный и всеобъемлющий путь. Конечно, самоотдача покрывает значительную часть пути, но она не может охватить его целиком. Иначе, что стало бы с послушанием? Если бы стали пренебрегать им, мы потеряли бы огромный ущерб, потому, главным образом, что послушание берет инока в руки с самого пробуждения и непрерывным рядом предписаний ведет его в течение целого дня. К тому же и воля Божия, независимо от того означена ли она заранее или выявляется ходом событий, имеет те же права и налагает те же обязанности. Нам не приходится выбирать между послушанием и самоотда-

чей: они тесно связаны, и мы должны подвизаться в них одновременно.

Здесь полезно упомянуть о некоторых неудачных выражениях. Так, например, когда говорят, что при самоотдаче «Бог несет нас в Своих руках» и дает нам «продвигаться Своими большими шагами», тогда как в послушании мы идем лишь «нашими маленькими шажками», то, скажи сам, разве это не значит недооценивать одного и преувеличивать достоинства другого?

Правда, если учитывать только самый предмет послушания, то, действительно, чаще всего, оно принуждает нас продвигаться маленькими шажками. Но так как каждый день они насчитываются сотнями и тысячами, то, в общей сложности, позволяют нам значительно продвигаться вперед. Постоянная верность в малом — отнюдь не посредственная добродетель. Скорее, в ней заключается мощное средство к самоумерщвлению и к преданию себя целиком Господу Богу. Скажем прямо — это скрытый подвиг. И к тому же, если уже говорить о шагах, то почему бы им не быть всем большими и даже очень большими? Для этого вовсе не нужно, чтобы предмет послушания был трудным и возвышенным; нужно лишь, чтобы намерения наши были чистыми, и настроение души — совершенным. Пресвятая Дева Мария делала, по внешности, самые обыкновенные вещи; но Она вкладывала в них всю свою душу, и это давало им несравненную ценность. Разве не может быть то же и с нами, в соответствии, конечно, с тем, что для нас доступно?

В самоотдаче мы тоже чаще будем иметь дело с мелочами, чем с великими испытаниями. И притом, вовсе неверно, что в благоволении Своем Господь «несет нас на руках» и позволяет нам продвигаться без всякого усилия с нашей стороны. Обычно, по крайней мере, Господь требует от нас деятельного сотрудничества, личных усилий, и успехи наши находятся в соответствии с нашей доброй волей. Увы! При этом нам случается нарушать действие Божие нашим упоением в благоденствии

и нашей непокорностью в несчастьи; тогда мы действительно делаем большие шаги, но только в обратном направлении.

Сын мой, остается, стало быть, в силе сказанное: воля Божия должна соблюдаться во всем; надо быть одновременно послушным и ознаменованной воле и благоволению (попущению) Божию; ни в том, ни в другом случае Ему не угодно освящать нас помимо нас; необходимо как Его, так и наше участие, успехи же будут соразмерны с нашей доброй волей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СООБРАЗОВАНИЕ С БЛАГОВОЛЕНИЕМ БОЖИИМ.

Сын мой, условимся понимать под послушанием исполнение ознаменованной воли Божией, а под сообразованием — подчинение благоволению (попущению) Божью. Это будет отвечать и общепринятому употреблению этих слов, хотя взгляды на этот счет и не у всех одинаковы.

В сообразовании нашей воли с Провидением, т. е. в подчинении благоволению Божью, можно различать, как и во всех других добродетелях, несколько ступеней совершенства. Вопрос этот можно рассматривать как с точки зрения большей или меньшей волевой жертвенности, так и с точки зрения более или менее возвышенных побуждений души.

Если исходить из признака жертвенности воли, то в подчинении её благоволению Божью можно насчитать три последовательных ступени.

На первой ступени, человек отнюдь не ищет испытаний и скорбей, он их не любит и, сколько может, избегает; тем не менее, он предпочитает подвергаться им, а не грешить, избегая их. Это — первая и низшая ступень лестницы, по которой восходит сообразование воли. Здесь — простое исполнение строгой обязанности. И, в самом деле, страдая, можно сокрушаться; когда одолевает болезнь, можно стонать и жаловаться; можно оплакивать смерть

родных и друзей, покоряясь, однако, безропотно воле Божией.

На второй ступени, человек, хотя и не призывает на себя горести и страдания желаниями своего сердца, принимает их, однако, охотно, зная, что эти горести и страдания предусмотрены Провидением Божиим. Здесь уже на лицо любовь к скорбям, и это отличает данную ступень от предыдущей. Человек, достигший такой покорности воле Божией, согласен вынести любое мучительное испытание не только терпеливо, но и с некоторой радостью, как жертву, зная, что она угодна Господу. Если на первой ступени он страдает терпеливо, то на второй он уже улыбается горю, принимая его поспешно, как гостя, посланного ему свыше.

На третьей ступени, самой совершенной из всех, человек не только принимает с радостью все горести, посылаемые Богом, но и, так сказать, предвосхищает эти горести в порыве любви к Нему. Он радуется их приходу, зная, что они исходят из рук Божиих и являются следствием Его святой воли. Так радовались Апостолы, удостоившись быть гонимыми за Господа Иисуса (Деян. 5,41), и св. Апостол Павел преизобиловал радостью среди своих злоключений (2 Кор. 7,4).

Если же рассматривать причины, побуждающие сообразовываться с благоволением Божиим, то можно различать сообразование, проистекающее из чистой любви, и сообразование, вызванное какой-либо другой сверхприродной причиной.

Св. Бернард полагал, что у начинающих, — простая покорность судьбе, вызываемая страхом; преуспевающие несут свой крест охотно, и у них, благодаря выработанному опыту, более возвышенное сообразование воли; совершенные же обнимают свой крест с восторженным рвением, и сообразование их воли представляет плод чистой любви.

Нетрудно понять, что страх может породить лишь простую покорность. Но для того, чтобы наше подчине-

ние преисполнялось жертвенностью, чтобы оно становилось радостным, нужна более полная отрешенность, более живая вера, более крепкое упование. Однако, подчинение не проистекает непременно из чистой любви; простое желание обрести вечное блаженство может иметь то же самое действие. Душе, возлюбившей небесные блага, любезны как малые испытания, так и большие напасти, ибо она помнит пленительные обещания Апостола: «Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас» (Рим. 8,18)... «Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу». (II Кор. 4,17).

Возможно, наконец, и сообразование из чистой любви, наиболее в себе самом совершенное, ибо ничто так не возвышенно, так не чутко, так не жертвенно, так не постоянно, как любовь. Но, так как любовь дана всем, то, кажется, нет верующего, неспособного, хотя бы время от времени, творить из любви дела, выражающие сообразование его воли с волей Божией. По мере своего возрастания в любви, творить эти дела он будет всё охотнее и лучше. И для него придет время, когда, живя главным образом чистой любовью, он будет тоже из чистой любви сообразовываться с велениями Провидения, хотя бы в силу уже усвоенного навыка. И, как преуспевающая душа способна возвышаться всё больше в чистой любви, точно так же может она возрастать непрестанно в проистекающем из любви сообразовании.

Какое же место занимает чистая самоотдача на этих ступенях сообразования нашей воли? Скажу сразу — она пребывает на самых вершинах. И в самом деле, если сообразование расценивать по признаку жертвенности воли, то самоотдаче, повидимому, мы можем отвести место лишь на высшей ступени. Она превосходит первую ступень, т. е. покорность воле Божией, ибо этой покорности достаточно для просто христианской жизни, но не для жизни совершенной. Она не дает той полной отрешенности,

шенности, того предания себя воле Божией, каковую означает самоотдача. Вторая ступень — уже более жертвенна; однако, и на ней душа еще не достигает той совершенной отрешенности, без которой нельзя стать равнодушным ко всему, отдав свою волю целиком в руки Провидения ¹⁾).

Если же в сообразовании нашей воли учитывать решающее побуждение, то тогда о самоотдаче можно сказать, что она представляет сообразование из любви с тем, однако, особым оттенком, который придает ему ярко выраженный характер сыновнего доверия и полной отдачи себя воле Божией. Одним словом — в дальнейшем это выступит еще яснее — будем считать, что здесь — вершина и любви и сообразования человеческой воли с благоволением Господа нашего.

Но вышесказанное не умаляет отнюдь ни простую покорность воле Божией, ни сообразование, не проистекающее из чистой любви; напротив, их значение и достоинство надо всячески подчеркивать. Но не о них будет здесь речь: мы имеем в виду заняться исключительно чистой и совершенной самоотдачей. Для начала, основываясь на учении св. Франциска, епископа Женевского, изложим точно и тщательно, в чем она состоит.

¹⁾ См. во второй части главу пятую.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧТО ТАКОЕ САМООТДАЧА.

Сын мой, начнем с ответа на вопрос: почему мы вводим здесь в обиход слово «самоотдача»?

Подчеркнем сразу: мы говорим именно о самоотдаче, а не о послушании. Тут существенная разница: послушание связано со справедливостью, то есть с одной из четырех основных добродетелей, тогда как самоотдача сопряжена с любовью, то есть с добродетелью богословской ¹⁾.

Мы не говорим также о покорности: правда, эта последняя, что совершенно естественно, обращается к воле Божией, но словно лишь для того, чтобы ей уступить. Она отдает ей свою, так сказать уже побежденную, волю, следовательно, по началу, не подчинявшуюся ей, но лишь уступившую, преодолевшую самоё себя. Самоотдача идет много дальше.

Выражение «принятие человеком божественной воли» тоже не было бы здесь уместно. Когда говорят: че-

¹⁾ В отличие от богословских добродетелей (вера, надежда, любовь), которые относятся к разуму человека и имеют предметом своим Самого Бога, основные добродетели (мудрость, справедливость, мужество, воздержание) относятся к воле и предметом своим имеют или самого человека или ближнего его. Эти добродетели называются основными, потому что они являются основой всех других. (Прим. перев.).

ловек принимает божественную волю, то создается впечатление, что и подчиняется-то он ей лишь, установив предварительно собственные права. Это выражение не привело бы нас к нашей цели.

Слово «согласие» было бы почти что удовлетворительно... Но все-таки, разве не чувствуется как-то и здесь, что «согласие» подразумевает и некоторое внутреннее колебание: воля человека, поставленная перед божественной, сначала смутилась было, но потом смирилась и не противится больше.

Мы пользовались уже словом **с о о б р а з о в а н и е**: оно очень подходяще; можно заметить даже, что оно вошло в обиходный язык. Однако и оно говорит скорее о состоянии, нежели о действии; и к тому же и состояние, им выражаемое, предполагает, как будто, еще и некоторое предварительное и даже нелегкое приспособление. Когда произносишь это слово, то является мысль о каком-то образце, который мы созерцали, которым мы восхищались и которому затем стали стараться подражать. И даже там, где такое сообразование не вызывает никакого труда..., оно остается все-таки чем-то довольно холодным.

Выиграли бы вы, употребляя слово **б е с с т р а с т и е**, тоже очень точное и общепринятое? Действительно, оно выражает состояние души, воздающей Господу всю полноту того поклонения, которое мы имеем в виду. Но в то же время, по характеру своему, это слово означает отрицание. Любовь может им пользоваться, как своего рода подножкой или ступенькой, ибо, в конечном итоге, ничто не имеет положительного характера, как только сама любовь.

Поэтому мы и говорим здесь о **с а м о о т д а ч е**, условившись понимать ее как чистое и совершенное САМО-отречение в ОТДАЧЕ себя Богу. И, действительно, никаким другим словом нельзя передать лучше то движение уповающей любви, которым мы вверяем себя Провидению, как дитя — своей матери. Нужно только хорошо уточнить смысл, вкладываемый в это выражение.

«Отдать свою душу отречьшись от самого себя, есть ничто иное, как отрешиться от собственной воли, чтобы принести её Богу», говорит св. Франциск, епископ Женевский. Таким образом, в движении любви, каковым является самоотдача, есть исходная точка, как есть и конечная цель, так как человеческой воле нужно оставить самое себя, чтобы предаться Богу совсем. Следовательно, самоотдача заключает в себе два элемента, на которых нам следует прежде всего остановиться: совершенное бесстрашие и совершенное предание всего себя в руки Провидения; первое — представляет необходимое условие, второе — основной элемент

Начнём с совершенного бесстрашия.

Без него самоотдача не была бы возможна.

Ничто не благо в себе, кроме воли Божией. Означенная заранее или выявленная событиями, она неизменно направлена к тому, чтобы вести нас к вечной жизни, обогащая нас уже здесь преумножением веры, любви и добрых дел. Господь грядет к нам как Отец и Спаситель, с сердцем, преисполненным благодати, с руками, полными благодеяний.

Однако, как ни блага Его воля, многое в нас ей мешает. В самом деле, божественный закон, иноческий устав, внушения благодати, исполнение добрых дел, вообще всё, что охватывает собою означенная воля Божия, налагает на нас тысячи повседневных жертв; а попущение Божие нередко добавляет к заранее известным крестам еще и неожиданные, нам посылаемые. Но наибольшие трудности проистекают из первородного греха: через него мы остаемся подверженными тройной похоти, исполненными гордости и вожделений плоти. Унижения, лишения, страдания, даже самые необходимые, нас отталкивают; удовольствия, дозволенные или нет, слава и ложные блага — нас обольщают. Дьявол, тварный мир, события — все в заговоре, чтобы возбуждать в нас эти вожделения и отвращения. Нередко нам грозит опасность противиться Божией воле и даже не замечать её больше.

Сын мой, кто откроет нам духовные очи? Кто освободит нашу волю от всех этих пут? — Лишь всестороннее христианское умерщвление. Его требуется уже немало, чтобы утвердить нас в простой покорности. Потому так много возмущенных, беспокойных, недовольных и, вследствие этого, — несчастных. Потому же так мало людей совершенно покорных и, тем самым, совершенно счастливых. Но много большее умерщвление требуется для того, чтобы стала возможной самоотдача или хотя бы навык к ней. Может ли возноситься к Богу воля, связанная грехом или тысячею мелких привязанностей? Может ли она вверить себя рукам Божиим, как дитя — рукам своей матери, готовая принять всё, исходящее от Его воли — даже наиболее распинаящее, — если она не снискала ту крепость, которую дает жертвенный дух, если она не обуздала своих страстей, не стала бесстрастной ко всему, кроме Господа Бога и святой воли Его? Поэтому ей надо, прежде всего, приучить себя воздерживаться от соблазняющих удовольствий и переносить страдания, не пренебрегая ими, а это дается обычно лишь терпеливым и долгим трудом; одним словом, ей надо научиться тому, что святые называют полной отрешенностью от тварного и совершенным, святым бесстрашием.

Стало быть, требуется, по крайней мере, безразличие воли ко всяким преходящим почестям и благам. Тогда воля, проникнутая сознанием, что Господь для неё — всё, а тварь — ничто, будет стремиться обрести во всём одного лишь Бога, Которого она любит и ищет, и Его святую волю, которая одна только и приведет её к цели. Если к тому же она утратит в достаточной мере и влечение к земному, так что все блага мира, способные удалять от Бога, будут вызывать в ней отвращение, а всё ведущее к Богу — даже страдание — станет ей приятно, как алчущим и жаждущим Бога душам, то какой легкой сделается тогда самоотдача во всех делах и начинаниях!

Такое бесстрашие далеко от нездоровой бесчувственности, от вялой и ленивой апатии и, тем более, от горде-

ливого пренебрежения стойков, говорящих скорбям: «ты лишь слово пустое». Нет, это — особая энергия воли, и глубоко просвещенная разумом и верою, отрешенная от всего, владеющая собою вполне, она, в полноте свободного самоопределения, собирает все свои силы, чтобы предать всё святой воле Божией. Она не даст поколебать себя никакому творению, каким бы збольшительным или отталкивающим оно ни представлялось, дабы быть готовой ко всякому событию, как побуждающему к действию, так и не требующему его, выжидая, пока Провидение не выявит Своего благоволения.

Душа, достигшая благодатного безразличия, подобна весам в состоянии равновесия, готовым склониться в сторону божественной воли, сырому материалу, способному принять любую форму, листу белой бумаги, на котором Господь может начертать всё, что Ему угодно. Ее сравнивают еще с жидкостью, которая, сама по себе, не имеет никакой определенной формы, но налитая в десяток сосудов принимает, и притом сразу же, десяток разных форм. Такая душа, мягкая и гибкая, по выражению св. Франциска, епископа Женевского, может быть уподоблена «шарику воска в руках Божиих: как и он, принимает она все отпечатки вечного благоволения»; она, «как малое дитя, не пользуется еще собственной волей, чтобы желать и любить что-нибудь». Можно сравнить ее и с вьючным животным на службе у хозяина, не выбирающим ни времени, ни места, ни груза, несущим свою службу как в городе, так и в поле, как в горах, так и в долинах, готовым дать вести себя вправо, влево, куда угодно, утром, вечером, днем, ночью, во всякое время, послушным как взрослому, так и ребенку, с одинаковым безразличием несущим на себе навоз и парчу, песок или алмазы и рубины.

Вследствие такой готовности души, Божия воля, какова бы она ни была, застаёт ее неизменно свободной и может овладеть ею, как землей, не имеющей собственности. Всё кажется такой душе равно хорошим. Быть нич-

тожной, быть значительной, повелевать, повиноваться тому или другому; быть униженной, быть позабытой; терпеть недостаток или быть наделенной благами; располагать обильным досугом или быть отягощенной работой; быть одной или в обществе; иметь внутреннее утешение или пребывать в сухости; быть здоровой или хворать и изнемогать годами; быть немощной и стать обузой для монастыря, служить которому она намеревалась; жить долго, умереть в скором времени, немедленно умереть всем довольна такая душа. Она хочет всего, потому что не хочет ничего; она не хочет ничего, потому что хочет всего.

Подвижническое безразличие делает возможным предание всего себя целиком в руки Божии, и именно это любящее, уповающее и сыновнее предание представляет положительный элемент самоотдачи, ее основное начало. Чтобы точно установить ее смысл и объем, надо принять во внимание два сопутствующие психологические условия, имеющие место в зависимости от того, предстоит ли еще данное событие, или уже наступило.

Перед событием, предвиденным или нет, согласно учению св. Франциска, епископа Женевского, имеет место «простое ожидание общего характера», сыновняя готовность принять всё, что Богу будет угодно, в сладостном покое ребенка на руках матери. Должны ли мы, при этом, прибегать к мудрой предусмотрительности, имеем ли право хотеть и выбирать? Этим вопросом мы займемся позже. Но, опять таки, согласно учению того же святого, для души, безразличной ко всему в этом мире, не полагающейся ни в чем на свои познания и любовно уповающей на одного только Господа Бога, предпочтительнее не высказывать пожеланий (ибо решение Господь сохранил за Собой), но предоставлять Самому Господу желать и действовать так, как Ему будет благоугодно.

После события, выявившего благоволение Божие, «это простое ожидание» превращается в согласие или доб-

ровольное приятие совершившегося. Лишь только то, что произошло, становится ясным душе, она приемлет его с усердием. Ибо основу ее состояния и тайну ее кажущегося безразличия составляет любовь; она так сильна именно потому, что её жизнь, отрешенная от всего прочего, сосредоточена целиком на любви. Воля Господня, коснувшись ее, трогает до последней глубины эту кажущуюся холодной душу. Как уснувшее дитя, которое не преминет протянуть к матери руки, как только она разбудит его, душа улыбается любому волеизъявлению Божию и принимает его с распростертыми объятиями и благоговейной любовью. Ее покорность — действительна. Ее бесстрашие — любящее. На всё она отвечает Богу согласием. Всякий вздох ее и всякий шаг — это пламенное АМИНЬ, отвечающее на небесное АМИНЬ и с ним сочетающееся.

Св. Франциск, епископ Женевский, называет такую самоотдачу «кончиной воли», ибо «когда наша воля уже не умеет и не хочет ничего больше желать, до конца предавая себя Провидению, она выходит из своей обычной жизни, чтобы жить целиком по божественной воле, в такой мере сливаясь с благоволением Божиим и так в нем растворяясь, что она уж больше не проявляет себя». Это — блаженная смерть, через которую душа восходит к высшей жизни, на подобие того, как сияние звезд переходит каждое утро в сияние солнца, когда оно являет нам новый день.

В этом переходе человеческой воли в божественную, св. Франциск, епископ Женевский, различает две ступени. На первой, душа хоть и обращает еще внимание на события, но благословляет в них Провидение. Фома Кемпийский, в «Подражании Христу», выражает это следующим образом: «Господи, лишь бы воля моя просто и твердо в Тебе пребывала, — делай со мной всё, что Тебе благоугодно... Хочешь, чтобы я был во мраке: будь благословен; предпочитаешь, чтобы я был во свете: будь благословен паки; угодно Тебе утешить меня: будь благосло-

вен; угодно Тебе, чтобы я скорбел, — и тогда будь благословен во веки». (Кн. 3. Гл. 17,2).

На второй ступени, душа даже не обращает больше внимания на события, хотя и ощущает их явственно; она отвлекает от них свое сердце, принося к благодати Божией, не благословляя её больше во внешних проявлениях, но только в ней самой и в её совершенстве; и можно наверно сказать, что такое упражнение для неё гораздо возвышеннее.

Чтобы лучше объяснить и дать почувствовать совершенство этого благодатного безразличия, эту исполненную любви отдачу собственной воли в руки Божии, тот же святой учитель предлагает нашему вниманию несколько примеров и сравнений. В числе них мы находим некоторые излюбленные им. Вот слуга, следующий за своим хозяином: он не идет никуда по собственной воле, но по воле своего господина. Или вот путешественник, вступивший на корабль божественного Провидения: он доверился ходу корабля и не должен иметь иного желания, как быть ведомым по воле Божией. Вот малое дитя, не имеющее еще своей воли и возлагающее на мать попечение действовать и хотеть, как она найдет для него наилучшим. Но особенно призывает он нас обратиться к созерцанию кроткого Младенца Иисуса на руках Благодатной Приснодевы Марии: как Его Всеблагая Мать ходит за Него, так Она и хочет за Него; Он возлагает на Неё попечение желать и ходить за Него, не осведомляясь у Неё, куда Она направляется, идет ли она быстро или медленно. Ему достаточно того, что Он у Неё на руках.

Сын мой, сказанное до сих пор дало тебе общее понятие о самоотдаче. Далее ты убедишься, что она отнюдь не исключает ни необходимости быть благоразумным, ни молитв, ни желаний, ни личных усилий, ни страдания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

САМООТДАЧА И БЛАГОРАЗУМИЕ.

Сын мой, как бы наше упование на Бога ни было совершенно, и как бы совершенно мы ни отдали себя в руки Провидения, всё же, во всем, что касается благоволения Божия, мы никогда не будем освобождены от обязанности соблюдать правила благоразумия. Эта — природная и сверхприродная — добродетель предусмотрена ознаменованной волей Божией. Соблюдение ее составляет неизменный закон для каждого дня нашей жизни. Господу благоугодно оказывать нам помощь, но с условием, чтобы и мы сами делали всё, что зависит от нас; на Бога надейся, а сам не плошай. Действовать иначе, значило бы искушать Господа и нарушать порядок, Им установленный. Призывая нас не заботиться о завтрашнем дне и доверять свои повседневные заботы Отцу Небесному (Матф. 6,25), Господь обращается к каждому из нас, но, в то же время, Он никому не позволяет быть беспечным и ленивым. От лилий и птиц Он не требует, чтобы они пряли и собирали в житницы. Но наделив нас разумом, предусмотрительностью и свободой, Он желает, чтобы мы пользовались этими дарами. Отдаваться Богу, самому не делая при этом, что возможно, значит быть малодушным и нерадивым. Набожность царя Давида отнюдь не была столь несовершенной. В дни восстания Авессалома он ждал покорно решения Господня и о цар-

стве и о себе самом, но в то же время отдавал необходимые приказания слугам и воинам, чтобы обеспечить отступление и поправить положение (II кн. Ц. гл. 15,18). Между тем, нередко приходится слышать: «Ах, этого хочет Господь»... Тем, кто отвергает предусмотрительность и благоразумие под предлогом, что надо дать Господу творить Самому, что Ему будет угодно, мы противопоставляем христианскую самоотдачу, выраженную в учении Апостолов. Она имеет своим основанием два положения: во-первых веру, что Господь печется о нас, а во-вторых — необходимость самому бодрствовать и действовать; поступать иначе, значило бы искушать Господа.

Поэтому, если и происходят события, ускользающие от нашей предусмотрительности и зависящие исключительно от благоволения (попущения) Божия, как например общественные бедствия, то бываюи и другие, позволяющие нашему благоразумию предотвращать возможные неприятности и смягчать их последствия; в таких случаях благоразумие всегда должно извлекать духовную пользу из текущих событий. Мы должны верить, твердо уповая на Господа, что Он не станет искушать нас сверх наших сил, ибо Он верен своим обещаниям, но это при условии, что всякий «кто думает, что он стоит, должен беречься, чтобы не упасть» (1. Кор. 10,12-13) и «бодрствовать и молиться, чтобы не впасть в искушение» (Матф. 26,41). Сын мой, в духовном утешении и в сухости, при озарениях свыше и во мраке душевном, в покое и в бурях, в превратностях, вносящих смущение в духовную жизнь, будем удалять всякую небрежность, рассеянность, привязанности — все вольные причины, мешающие действию благодати, и постараемся оставаться постоянными среди всех совершающихся перемен; этой ценой мы приобретем право отдавать себя, с любовью и упованием, благоволению Божию.

Сказанное относится и к людям, несущим определенные обязанности: они испытывают на себе чередование успехов и неудач; но, независимо от того, ясно ли небо или покрыто тучами, надо — потребность в этом они ощуща-

ют — полагаться на Провидение, хотя, как справедливо заметил св. Франциск, епископ Женевский, «не подобает настоятелю, под предлогом того, что он предал себя Господу и на Него возложил свое попечение, пренебрегать изучением правил, касающихся исполнения возложенных на него обязанностей».

То же можно сказать и о каждодневных заботах: независимо от степени совершенства самоотдачи, необходимо, чтобы один сеял и жал, другой — пряд одежду, третий — готовил пищу и т. д.

Так же обстоит дело со здоровьем и болезнью. Никому не позволено умышленной неосторожностью подвергать свою жизнь опасности, но каждый должен разумным образом заботиться о своем здоровье; если же Господь попускает болезнь, то, по словам св. Франциска, епископа Женевского, «ознаменованная воля указывает нам и нужные средства для выздоровления». В случае болезни мирянин позовет врача и примет обычные и общеупотребительные средства; инок же поставит в известность своих настоятелей и сделает то, что они укажут.

Так всегда поступали святые. Если же им и приходилось сходить с пути всегдашнего благоразумия, то лишь, чтобы руководиться началами благоразумия высшего.

Итак, сын мой, самоотдача не освобождает тебя от благоразумия; но, в то же время, она не допускает и беспокойства. Господь наш явно осуждает преувеличенные заботы о пище, питии и одежде. Может ли Отец наш Небесный, питающий птиц, одевающий полевые лилии богаче, нежели одевался Соломон, оставить на произвол судьбы своих детей на земле? А между тем, лилии не прядут, птицы не сеют, не жнут, не собирают в житницы (Матф. 6,25 и сл.). Св. Апостол Петр тоже призывает нас возлагать все заботы на Господа «ибо Он печется о нас» (1 Петр. 5,7). Псалмопевец же говорит нам: «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя. Никогда не даст Он поколебаться праведнику» (Пс. 54,23).

Так же мудро говорит нам и св. Франциск, епископ Же-

невский, о необходимости согласовать благоразумие с самоотдачей. Он хочет, чтобы мы исполняли сначала ознаменованную волю Божию: соблюдали свои обеты, исполняли устав, повиновались настоятелям, ибо лучшего пути для нас нет; он хочет также, чтобы мы исполняли и волю Божию, выраженную в болезнях, во внутренних утешениях, в состоянии сухости и в других подобных явлениях, одним словом, чтобы мы заботились о своем совершенствовании, как того хочет Господь. Он требует даже, чтобы таким путем «мы избавлялись от чрезмерного и беспокойного попечения о себе и своем усовершенствовании, проявляли просто старание в своих текущих делах, отдавшись целиком в руки божественного милосердия во всем, что касается наших временных нужд, но еще больше в том, что относится к нашей духовной жизни». Ибо, говорит он, «все тревоги нашего сердца проистекают от желаний, внушаемых нам себялюбием, и от мягкости, которую мы проявляем к самим себе».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЖЕЛАНИЯ И МОЛИТВА В САМООТДАЧЕ.

Сын мой, не будем касаться здесь того, что нам мило или немило. Будем говорить лишь о желаниях, возникающих в нас сознательно, которым мы даем над собой волю и которые выражаются принимаемыми нами решениями, нашими усилиями и молитвой. Мы спрашиваем себя: совместимы ли они с совершенной самоотдачей?

Что они совместимы с простой покорностью Провидению, сомневаться не приходится. Св. Франциск, епископ Женевский, говорит по этому поводу: «Человек покорный Богу, ставит волю Божию превыше всего; но он не перестает любить и многое другое, помимо воли Божией». В качестве примера, он приводит случай болезни: «больной хотел бы пожить еще, а не умереть; но если Богу угодно, чтобы он умер, он умрет охотно, хотя охотнее он всё-таки пожил бы еще». Может ли это иметь место при совершенном бесстрашии и самоотдаче? Противоречит ли совершенной самоотдаче желание испросить, чтобы то или иное счастливое событие совершилось или продлилось, то или иное внутреннее или внешнее испытание миновало нас или закончилось?

Ответим на этот вопрос сразу и прямо: вообще говоря, да. За некоторыми исключениями мы вправе позво-

лить возникновение такого рода молитв и желаний, но это не обязательно.

Мы имеем право на это. Не надо бояться желания быть здоровым и молиться об этом, если мы твердо решили пользоваться здоровьем для служения Богу: такое желание благоугодно Богу, оно отнюдь не оскорбляет Его. В откровении одной избранной душе, Сам Господь поведал об этом в следующих выражениях: «Любовь моя к душам так велика, что она вынуждает Меня удовлетворять желания праведных во всех случаях, когда они проистекают из чистой ревности и бескорыстны. Но действительно ли больные желают выздороветь для того, чтобы лучше служить Мне? Пусть они просят Меня о том с полным упованием. Более того, если они просят о здоровье, чтобы снискать большую награду, Я уступаю их просьбам; ибо Я до того люблю их, что не отличаю их выгоду от Моей».

Если болезнь удручает нас очень сильно, отнюдь не будет ошибкой поговорить о ней с друзьями и даже молить Господа избавить нас от нее. Однако, в данном случае, мы имеем в виду действительно серьезные страдания. То же можно сказать и о душевной сухости, об искушениях. Ведь даже св. Апостол Павел, когда его удручал ангел сатаны, не считал изменой совершенной самоотдаче трижды молить Господа об избавлении. Но когда Господь сказал ему: «Довольно с тебя благодати Моей», то святой Апостол смиренно принял это жало, боролся с ним как мог и радовался своим немощам, ибо сила Христова проявляется в немощи: «когда я немощен», говорит Апостол, «тогда я силен» (II Кор. 12,17 и сл.). Можно привести пример еще более великий: против такого доказательства уже никак нельзя возразить. Сам Господь Иисус Христос во время мучительных Страстей Своих открыл ученикам, что душа Его скорбит смертельно, и молился (до трех раз) Отцу Своему, да минует Его чаша сия. (Матф. 26,37 и сл.). И в то же время, наш божественный Спаситель научил нас Своим личным примером, что над-

лежит делать после таких молитв: тотчас же покориться воле Божией, повторяя при этом за Ним: «Впрочем не Моя воля, а Твоя да будет» (Лук. 22,42).

Излишне добавлять что-либо к этому, чтобы объяснять дозволенное при таких обстоятельствах. Св. Франциск, епископ Женевский, отмечает все же одно исключение. «Если нам», говорит он, «дано было уразуметь благоволение Божие прежде, нежели предопределенное Богом событие совершилось, как св. Апостолу Петру — какой смертью он прославит Господа, св. Апостолу Павлу — сколько он должен пострадать во Имя Господне, Иеремии — о разрушении дорогого ему Иерусалима, Давиду — о смерти его сына, тогда следует немедленно объединить нашу волю с божественной». Но это необходимо лишь, когда благоволение Божие представляется безоговорочным и бесповоротным; в противном случае, мы сохраняем право дать желанию возникнуть и молиться об его исполнении.

Однако, вообще говоря, это не обязательно. Дело в том, что события, о которых здесь идет речь, попускаются Господом, и Ему, а не нам принадлежит решение о них. Но после того, как с нашей стороны уже сделано всё, чего требует благоразумие, почему не сказать Отцу нашему Небесному: «Господи, Тебе ведомо, как я жажду всё больше любить Тебя и возрастать в добродетели! Что мне надо для этого? Здоровье или болезнь, духовное утешение или сухость, мир или брань, несение определенной службы или отсутствие таковой? Я ничего не знаю о том, но Ты знаешь это совершенно. Ты допускаешь, чтобы я выражал Тебе мои желания; но я предпочитаю уповать на Тебя, ибо Ты — сама Премудрость и само Милосердие. Сотвори со мною по благоволению Твоему. Об одном молю Тебя: дай мне во всем подчиниться тому, что Тебе будет угодно решить обо мне».

Сын мой, мне кажется, что никакое желание, никакая молитва, не может доказать нашего упования на Господа лучше, чем такое состояние души, не может выразить со-

вершеннее ее самоотверженность, послушание и готовность на всякую жертву. Но, чтобы правильно это усвоить, надо понять, что и наши добрые намерения имеют также свои ступени совершенства. Можно различать их три. Поясним это примерами.

1) Человек может иметь в виду обретение временных благ; может, например, заказать обедню, поститься, чтобы обрести здоровье, чтобы пришел конец клевете, чтобы устранить те или иные преходящие затруднения. Такое намерение не плохо, конечно, при условии покорности Провидению; но оно относится к наименее совершенной ступени, так как предмет его чисто земного порядка.

2) Человек может принести себя в жертву, чтобы удовлетворить справедливости Божией или чтобы достигнуть духовных благ, каковыми являются, например, добродетели, заслуги, большая награда на небесах. Намерение этого рода выше первого.

3) Человек может желать только того, чему благоволит Господь, и не желать ничего, кроме исполнения божественной воли. Эта последняя ступень праведных намерений наиболее совершенна: тут человек может снискать для своего вечного блага больше всего.

Поэтому, сын мой, если ты болен, то лучше не проси ни болезни, ни здоровья, но предайся целиком воле Божией, чтобы Господь располагал тобою по Своему благоволению.

Св. Франциск, епископ Женевский, говорит об этом еще определеннее. Он учит стремиться всегда к тому, что больше всего отвечает божественной воле, и не иметь других желаний: «Несмотря на то, что Господь Иисус Христос и Великий Иоанн, Предтеча и Креститель Господень, пользовались личной свободой желать или не желать чего-либо, Они представляли Своим Матерям попечение о том, что касалось внешнего руководства, т. е. желать или не желать для Них того, что Им было потребно». Св. Франциск призывает нас далее «стать в отношении благоволения Божия податливыми и гибкими как воск,

не высказывать пожеланий и не желать ничего, предоставляя Господу желать и действовать согласно Своему благоволению».

В качестве примера, он приводит дочь некоего врача, говорившую своей подруге: «Я чувствую себя очень плохо, но тем не менее я не думаю о лекарствах, ибо я не знаю, что может помочь мне поправиться; я могла бы пожелать чего-нибудь, тогда как мне нужно совсем другое. Не лучше ли возложить попечение об этом на моего отца? Он может, он хочет сделать всё, что нужно для моего выздоровления. Сама же я буду лишь смотреть на него, говорить ему о моей дочерней любви, о моем совершенном доверии». Не очевидно ли, что, поступая таким образом, эта девушка проявляет к своему отцу больше любви, чем она проявляла бы, если бы просила у него определенных лекарств и смотрела бы, как ей пускают кровь?

Кто не знает правила этого богомудрого учителя: «Ничего не желать, ни о чем не просить, ни от чего не отказываться»? Он отмечает определенно, что оно не касается добрых дел; но с особой настойчивостью он применяет его ко всему, что относится к нашим обязанностям в монастырском общегитии, равно как к болезни, к духовным утешениям, к скорбям и затруднениям, одним словом, ко всем обстоятельствам земной жизни и ко всему, что посылает нам Провидение в том, что касается как внутренней жизни, так и внешних событий. Он стремится запечатлеть это правило в нашем сознании, ибо польза от него — несравненна.

Святого учителя спрашивали, можно ли желать себе низких должностей из жертвенных побуждений. Он дал отрицательный ответ, основываясь на смирении. «В этом желании», сказал он, «нет ничего плохого. Тем не менее оно возбуждает подозрение: оно может быть и плодом чисто человеческой мысли. В самом деле, принимая на себя эти низшие должности, берясь за черную работу, знаете ли вы, хватит ли у вас мужества принять на себя и всё низменное, грубое, все унижения и горечи, и

будете ли вы всегда достаточно мужественны? Вследствие этого, желание иметь какие-либо должности, как низкие, так и почетные, надо считать подлинным искушением; ибо всегда лучше ничего не желать, но быть готовым исполнить всё, что потребует послушание».

Таким образом, сын мой, всё, сказанное выше о благоволении Божиим, сводится к следующему положению: поскольку воля Божия не представляется выраженной безоговорочно и бесповоротно, мы вправе дать возникнуть желаниям и можем молиться об исполнении их; тем не менее, это не обязательно, и совершеннее даже — предоставить всё Провидению. Бывают, однако, и такие случаи, когда надо непременно молиться, чтобы испытание прошло, например, если это велют настоятели. Когда чувствуешь, что твоему мужеству и силам приходит конец, достаточно и такого молитвенного обращения к Богу: «Господи, благоволи облегчить бремя, которое я несу, или же умножь мои силы; удали искушение, или же даруй мне благодать его побороть».

Что касается молитв в таких случаях, то определенным образом надо молиться о тех духовных благах, которые безусловно необходимы. Тех же благ, которые являются лишь одним из возможных средств, следует испрашивать под условием, что таково будет благоволение Божие. Это ограничение должно соблюдаться особенно во всем, что касается земных благ. Превыше всего следует желать, чтобы освящались свыше как наше благоденствие, так и наши невзгоды, ибо сказано: «Ищите прежде царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Матф. 6,53).

Нарушающим это правило и добивающимся во что бы то ни стало конца испытаний, другой опытный наставник заметил: «Я очень опасаясь, не напрасно ли вы молитесь сами и вынуждаете молиться других. Надо заказывать обеды, поститься по обету, чтобы обрести у Бога благодать полного исправления, терпения, презрения к миру, отрешения от тварей. И уже после этого можно возно-

сить моления о выздоровлении или об успехе в делах. Господу будет тогда угодно принять их, или точнее, Он предвосхитит их и выраженные нами желания выслушает, чтобы исполнить».

Это учение находится в согласии с опытом святых душ. Если они просят порою о прекращении испытаний, то сами склоняются к тому, чтобы и дальше страдать. Они приносят себя в жертву Господу с этой целью, когда внимают зову одной только жертвенности; но коль скоро в них заговорит сильнее смирение, они уже ни о чем больше не просят и отдают себя в руки Провидения. В конечном итоге, любовь к Богу вместе с послушанием и самоотдачей всякому проявлению воли Его преобладает и берет верх над всем в этих душах.

Св. Тереза Лизьезская, долгое время призывавшая страдание и смерть, видя в них вестников радости, продолжает, правда, и дальше их нежно любить, но, тем не менее, их больше не хочет: она жаждет одной только любви. Ей дорог лишь путь духовного детства, путь упования и полной самоотдачи. «Мой небесный Жених», сказала однажды она, «дает мне каждое мгновение то, что я могу вынести, но не больше. Если Он увеличивает мое страдание, то Он увеличивает также и мою силу. Однако, я не могла бы просить у Него больших страданий, так как я слишком мала. Умереть я не хочу больше, нежели жить. Если бы Господь предоставил мне выбор, я ничего бы не выбрала. Я хочу только того, чего хочет Он. Что Он делает, то я и люблю!

Другая жертвенная душа, св. Гемма Гальгани, не просила у Господа избавления от скорбей; она просила у Него лишь благодати не оскорблять Его, возрастая в любви, становиться всё чище. «Тебе, Господи, угодно, чтобы я страдала? Хорошо. Я хочу страдать. Тебе угодно, чтобы я много страдала? Я хочу много страдать. Тебе угодно, чтобы в страдании я была лишена утешения? Я хочу страдать без него. Все кресты, которые Ты изберешь для меня, избираю и я. Однако, если бы мне привелось Тебя оскор-

бить, о, тогда, умоляю, избавь меня от этого! Но если я должна прославлять Тебя, тогда дай мне страдать сколько Тебе угодно!»

У этой святой души была удивительная жажда жертвенности. И всё-таки, несмотря на всю свою доблесть, одолеваемая муками и преследованиями, она умоляет о передышке и жалуется любовно на свои горести: «Скажите мне, матушка, куда скрылся Иисус? Господи, один только Ты у меня, и Ты же меня покидаешь!» Но кончает она тем, что говорит в совершенной самоотдаче: «Если Тебе угодно мучить меня, лишая Своего драгоценного присутствия, то и это мне всё равно, лишь бы знать, что Ты мной доволен!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЛИЧНЫЕ УСИЛИЯ В САМООТДАЧЕ.

Сын мой, считать самоотдачу чисто пассивной добродетелью и думать, что душе достаточно уснуть на руках у несущего ее Господа Бога, значило бы допустить грубую ошибку и передать забвению наставление, преподанное нам Папой Львом XIII: «Нет и не может быть добродетели чисто пассивной». Кроме того, это было бы проявлением совсем ложного представления о благоволении Божиим.

Когда мать берет своего ребенка на руки и кладет его, куда хочет, он не может этому не подчиниться. Конечно, Господь мог бы и нас схватить таким образом и возвести до той ступени добродетели, какая Ему угодна, мог бы исправить нас вмиг от того или иного недостатка, не исключая и сопротивления Ему, мог бы предохранить нас раз и навсегда от некоторых искушений и т. д. Он, действительно, иногда это и делает. Такие внезапные возвышения, мгновенные преобразования, не превосходят Его Всемогушества; но всё же они остаются исключениями, ибо, участвовавшие, они нарушили бы Его замысел.

Дитя, конечно, надо носить, раз оно не может ходить. Но Господь, дав нам свободу выбора, не хочет освящать нас без нашего участия. Он так сообразовывает Свое действие, чтобы наше преуспеяние было одновременно делом Его благодати и нашего свободного сотрудничества.

В событиях, выявляющих Его благоволение, вмешательство Господне ограничивается, обычно, нижеследующим: Он берет нас Своей Вседержавной рукой и, не советуясь с нами, часто против наших наклонностей, ставит нас в положение, выбранное для нас Им Самим, ниспосылая, например, здоровье или болезнь, внутренние утешения или испытания, мир или брань, покой или беспокойство. Плохо ли, хорошо ли, но, иногда, мы и сами предуготовляем себе такое положение. Однако, чаще всего мы бываем тут не при чем; располагает нами всегда Господь Бог. И раз оказавшись в таком положении, мы должны исполнять свой долг с помощью благодати Господней. Да, но этот долг, сын мой, чрезвычайно сложен!

Скажем так: чтобы самоотдача стала возможной, надо предварительно утвердиться в совершенном (или, как говорят, «святом») бесстрастии; когда это достигнуто, тогда надо усердно хранить себя утвержденным в нем путем упражнений в христианском умерщвлении, и эта задача представляет труд целой жизни.

До события, душа отдает себя в руки Божии и пребывает в простом ожидании. Но ожидание не исключает и благоразумия с ее стороны; его требуется не мало, когда приходится управлять учреждением и исправлять возложенную должность, стремясь избегать неожиданностей и просчетов; оно необходимо также и в духовном руководстве вверенной нам душой, чтобы предохранить ее от ошибок и искушений, помочь ей в случае ее духовной сухости. Всё это относится к означенной воле Божией и пренебрегать этим нельзя, отговариваясь тем, что мы отдали себя Богу; ибо на Господа нельзя возлагать исполнение того, что Он заповедал нам исполнять самим.

Во время события, требуется прежде всего подчинение. В совершенной самоотдаче, это означает — исполненное упования и любви, сыновнее согласие с благоволением Божиим, с тем, что Господь попускает. Тут может понадобиться еще и некоторая внутренняя борьба, чтобы возвыситься до этого состояния и удержаться в

нем. Но даже если это подчинение и окажется столь же быстрым и легким, как полным и любвеобильным — что просто, когда наша воля сообразована с божественной волей, — то всё же наши действия и решения сохраняют добровольный характер. В совершенной самоотдаче мы творим дело любви, а она влечет за собой и прочие добродетели.

После события, может оказаться, что другим лицам или нам самим угрожают печальные последствия духовного или земного порядка, как это бывает, например, при общественных бедствиях, при гонениях, при разорении, при клевете... Если в нашей власти отклонить эти последствия или смягчить их, то следует сделать всё зависящее от нас, не дожидаясь вмешательства Провидения. Ибо Господь действует обыкновенно при помощи побочных обстоятельств («второпричин») и в создавшемся положении Он может рассчитывать именно на нас, на исполнение нами наших обязанностей.

Помимо этого, после события, остается еще извлечь из выявившегося в попущенном Господом те плоды, которые Он ожидает от нас для Своей славы и для нашего блага: из счастливых событий — благодарность, упование и любовь; из испытаний — покаяние, терпение, самоотвержение, смирение; из всех обстоятельств вообще — большее преуспевание в духовной жизни, исполненной даров благодати и, тем самым, преумножение ожидающих нас небесных благ.

Ознаменованная воля Божия не терпит от этого никакого ущерба; за исключением особых случаев, оправдывающих некоторые послабления, надлежит всегда ее соблюдать. Обязанности, возлагаемые ею на нас, составляют как бы канву нашей духовной жизни, ту ткань, на которой совершенная самоотдача вышивает свои богатые и разнообразные узоры. Впрочем, это исполненное любви сыновнее сообразование нашей воли с божественной не исключает и добрых дел, творимых по нашему собственному почину. Иноческий устав и Провиде-

ние дают нам тысячу возможностей творить добро. Но почему бы и нам не прибавить к ним столько же, особенно в нашем личном, внутреннем общении с Богом? Мы недостаточно богаты, чтобы пренебрегать таким мощным средством для нашего духовного роста; как бы обильно ни было то, чего мы достигаем, исполняя предписанное нам, оно не должно вызывать в нас пренебрежения к тому блаженному преумножению пользы, какую мы можем извлекать, творя дела сверх положенных.

Вполне очевидно, что мы далеки здесь от чистой пассивности, при которой Господь делал бы всё, а душа лишь принимала. В дальнейшем мы увидим, что такая пассивность, в разной степени, встречается на мистических путях: там, действительно, помогая божественному действию, надо остерегаться ему мешать; но и на этих путях чистая пассивность встречается редко. Понимая хоть немного, как пути Господни бывают задуманы, и имея уже некоторый опыт в руководстве душами, нельзя не признать, что самоотдача — отнюдь не некое праздное ожидание, забвение предосторожности и ленивая косность. В самоотдаче душа остается деятельной во всем, что относится к означенной воле Божией; что же касается событий, попускаемых Господом, то она предвидит в них то, что может предвидеть, и делает всё зависящее от нее. Но она сообразуется с волей Божией, применяется к воздействию благодати и действует, подчиняясь и покоряясь Провидению. Но поскольку Господь может как увенчать ее усилие успехом, так и лишить его такового, она заранее принимает любовно всё, чего Он желает, и, тем самым, пребывает в радости и мире до и после события.

О том, что в самоотдаче нет и не может быть места вялой пассивности, а напротив, речь идет скорее о напряженной духовной работе, говорит нам тот же св. Франциск, епископ Женевский, созерцая Введение во храм Пресвятой Богородицы. Пречистая Дева то на руках у родителей, то идет Сама на своих детских ножках. «Имен-

но так», говорит он, «хочет вести нас, на нашем пути, божественная благодать; но она хочет, чтобы и мы делали свои маленькие шажки, т. е. делали со своей стороны, что можем, пользуясь дарами благодати». И как дитя идет само, когда мать ставит его на землю, чтобы оно плелось на своих маленьких ножках, а потом опять идет к ней на руки, когда ей угодно взять его. «так и душа, любящая благоволение Божие, дает нести себя, но, тем не менее, когда надо, и сама шагает вперед, исполняя то, что ознаменовала ей воля Божия». Св. Франциск был весь преисполнен самоотдачи. В одном из его писем мы читаем о ней такие строки: «Пресвятая Дева любит лишь места, углубленные смирением, принижены простотой, расширенные любовью; Сама Она соглашалась охотно пребывать и в пещере Вифлеемской, и у подножия креста... И мы тоже должны продвигаться низменными долинами смиренных и малых добродетелей: в них мы узрим любовь к Богу, расцветающую в любви к нашему ближнему, узрим лилии целомудрия, фиалки умерщвления плоти. Я особенно люблю эти три малые добродетели: кротость сердца, нищету духа и простоту жизни... Ведь мы в этом мире лишь для того, чтобы принять и понести кроткого и смиренного сердцем Господа Иисуса: устами своими — возвещая о Нем; руками — творя добрые дела; неся на раменах Его благое иго: душевную сухость и скудость, которую Он нам посылает».

«Я хотела бы найти подъемную машину, чтобы подняться до Господа Иисуса, потому что я слишком мала, чтобы взбираться по крутой лестнице совершенства», говорила св. Тереза Лизьезская. «Подъемная машина, которая поднимет меня на небо, — это Твои руки, Иисусе». Так святая выражала свою любовь, свое упование и, в особенности, свое смирение. Мы видим, что она отнюдь не оставалась бездеятельной, ожидая, пока Господь не придет Сам взять ее на руки. Напротив, она трудилась усердно. «Для этого», говорила она, «мне не надо расти; напротив, мне надо оставаться маленькой и даже делать-

ся всё меньше». И, действительно, при помощи благодати Божией, она обрела такое смирение, что оно даже не создало себя, обрела послушание ребенка, дивную самоотдачу среди всех испытаний, любовь Ангела мира и, сверх всего, несравненную любовь к Богу, «умеющую извлечь корысть из всего», любовь, в смирении своем полагавшую, что она не может делать ничего великого, но хотевшую использовать наименьшие дела, творить их из любви, страдать из любви и даже наслаждаться из любви.

Сын мой, нужно ли добавлять ко всему сказанному, что подлинно святые души и не думали ждать, пока Господь их понесет, но сами изощрялись в том, чтобы изыскивать средства для усиления своей духовной действенности и для извлечения духовной пользы из всех событий?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЧУВСТВО СТРАДАНИЯ В САМООТДАЧЕ.

Сын мой, не только в простой покорности Провидению, но даже и в совершенной самоотдаче, страдание, в большей или меньшей мере, неизбежно сопутствует человеку. И в самом деле, наши органы чувств не могут не отзываться на боль, которую они ощущают. Точно так же и наши высшие способности волей неволей испытывают утомление. К тому же, человек несет на себе еще и бремя поврежденной первородным грехом природы: его привлекает запретный плод, тяжелые обязанности его отвращают, и, вследствие этого, его внутренний мир раздрает борьба. Если Господу Богу угодно, чтобы мы пожертвовали чем-либо приятным и из любви к Нему приняли страдание, то, несмотря на то, что высшая часть души и готова подчиниться всецело божественной воле, низшая ее часть не может не ощущать горечи жертвы. И это неминуемо должно происходить довольно часто, ибо Господь непрестанно нас очищает, отрешает от тварного, обогащает своими дарами; Он стремится излечить нас от гордости — унижениями, от чувственности — страданиями и лишениями; а так как зло гнездится в нас крепко, то и подвергать нас лечению этими средствами приходится длительно и часто.

Правда, человек находится под действием благодати, и

в нем действены добродетели, которых он достиг. Благодать смягчает страдания, а добродетели укрепляют волю. Блаженный Августин имеет основание сказать: «Где царит любовь, там горестей нет, а если они и есть, то их любят». Таким образом, мы остаемся доступными страданию, несмотря на самые возвышенные устремления воли. Но когда изобилие внутренних утешений нас опьяняет и любовь вызывает восторг, то в услаждении ею чувство страдания как бы теряется. Однако, стоит жертвенности — этому показателю подлинной любви — отделиться от воли, радость помрачается, и мир исчезает; страх, тоска, отвращение охватывают душу, и она скорбит, скорбит смертельно. Бывает даже, что человек, переносящий с удивительным спокойствием самые суровые испытания, из-за пустяков смущается: когда чаша полна, довольно и капли, чтобы ее переполнить. Но бывает и так, что Господь, желая сохранить нас в смирении после больших достижений, дает нам затем, в незначительной напасти, познать нашу слабость. Однако, как бы то ни было, сыновнее согласие — плод добродетели, а не бесчувственности; длительного рая на земле нет ни для кого, даже для святых.

Поэтому св. Франциск, епископ Женевский, говорил своим духовным дочерям: «Не будем разбираться в том, что мы чувствуем и чего мы не чувствуем. Не надо думать, что в бесстрастии и в самоотдаче у нас никогда не будет желаний, противных воле Божией, и что наша природа не будет отвращаться от того, что Господь попускает, ибо это может случаться нередко. Но на этом не надо задерживаться; независимо от того, что именно угодно Господу, надо принимать Его волю и соединяться с нею, несмотря ни на что».

Так он и сам поступал. «Я отправляюсь на эту благословенную прогулку», писал он, «где на каждом краю поля, я вижу кресты всякого рода. Плоть моя от них содрогается, но сердце принимает их с радостью... Да, привет вам, кресты большие и ма-

лые, недостойный и тени креста, я лобызаю ваши подножия». Смерть матери и сестры он пережил весьма остро, как насильственную разлуку, но, по его собственному свидетельству, в этом чувстве, несмотря на всю его остроту, был покой: «Благоволение Божие всегда свято, и веления Его нам дороги». Всегда, в подобных случаях, он был на стороне Провидения. Однако, хоть он и выдерживал успешно великие испытания, всё же, однако, он ощутил беспокойство из-за совсем пустяшного дела и, пролежав два часа в постели, не мог заснуть. Он сам смеялся над этой слабостью, понимая, что беспокойство его — чисто ребяческое; но найти выхода из положения ему всё-таки не удалось. Из этого он заключил: «Господь хотел дать мне понять, что если великие напасти совсем меня не смущают, то не сам я действую в них, а благодать Спасителя моего».

Св. Иоанна Шантальская отличалась исключительной силой духа и преуспевала в самоотдаче. Но, несмотря на это, духовник должен был постоянно укреплять и поддерживать ее во внутренних напастьях. Смерть близких вызывала в ней страдания потрясающей силы. Потеряв отца, она имела мужество присутствовать до конца на его погребении, но после этого упала в обморок и, придя в себя, оставалась совершенно подавленной пережитым. Когда умер ее духовный отец (св. Франциск, епископ Женеvский), она плакала без перерыва до следующего дня. Но, в то же время, она заверила, что не проронила бы и слезы, если бы знала, что это неугодно Богу. Чтобы остановить слезы, она сделала над собой такое усилие, что едва не заболела, но потом, из послушания, опять дала волю им. «Какой тяжелый удар!» сказала она, «но рука нанесяшая мне его, такая нежная и отцовская! Я лобызаю и люблю ее от всего сердца, склоняю голову и всей душой подчиняюсь Его святой воле, которую обожаю и перед которой благоговею изо всех моих сил».

Сын мой, примеров такого рода можно привести множество. Но оставим в стороне рабов Божиих и обратимся

к Самому Господу. От самого явления Своего в мир, Он совершенно предал Себя Отцу Своему и принес Себя в жертву за мир. Вся жизнь Его, с этого времени, — сплошной крест и мучение. Но Он лишь редко показывал Свои слезы, чтобы выявить всю благодать Своего сердца, и Свое негодование — чтобы внушать виновным спасительный страх. Вообще же, всюду Он хранил полное спокойствие. Сам, Своей волей, призывал Он на Себя крещение кровью, которым хотел омыть мир. Но пришло Его время. Он лишил Себя блаженного лицезрения Бога и добровольно вверг все Свои силы, даже тело Свое, в ужасающее боре-ние; свободным волеизъявлением Он отдал Себя страху, тоске, возмущению; душа Его скорбит смертельно. Он видит горы наших грехов, видит, как люди бессознательно отвергают Отца Его, как они срываются и падают в пропасть. Он видит муки и неблагодарность, которые Его ожидают. Трижды взывает Он к милосердию Отца Своего: «Если возможно, да минует Меня чаша сия». Пот Его был, как капли крови, падающие на землю: но находясь в боре-нии, Он молился прилежнее: «Отче, не Моя воля, но Твоя да будет».

Люди робкой веры смущаются и не могут понять этого, но верные преклоняются, воздают славу и благодарение. И, действительно, мог ли Господь наш, как Спаситель, Утешитель и Учитель, сотворить что-либо большее для блага душ наших?

Как Спаситель, Он принял на Себя наши немощи, принял на Себя всё, до крайнего унижения включительно, всё, кроме греха. Какое еще унижение для Всемогущего Бога могло бы сравниться с этой кажущейся слабостью? Поэтому Он и выбрал ее, по Своей собственной воле.

Как Утешитель, Он познал ради нашего блага все наши тяготы. Если бы Он показал себя недоступным страху, возмущению, отвращению, могли ли бы мы исповедывать Ему всё наше ничтожество? Он сделал Себя, по Своей воле, подобным нам, как отец, со своими детьми, делает себя подобным дитяти. Его смиренное сни-

схождение нас укрепляет, ободряет, утешает в скорбях. В то же время, Его вольные страсти и унижения трогают до глубины каждую жертвенную душу, рождая в ней желание и, так сказать, потребность, воздавать страданием за страдание этому несравненному Другу.

Одна монахиня святой жизни поведала: «Однажды ночью я была подавлена страданиями и чувствовала, что природа превосходит меня... Но, сосредоточившись на созерцании Господа Иисуса в смертном борении, я принесла Ему в утешение свои страдания и почувствовала себя укрепленной. Таким образом я поступала всегда и впредь. При всяком большом и малом испытании, я созерцаю то, что вынес Господь, дабы мое страдание исчезло в Его страдании, а я сама — в Нем».

Св. Тереза Лизьезская говорит в свою очередь: «Когда Божественный Спаситель требует от нас пожертвовать для Него самым дорогим для нас в мире, то невозможно не воскликнуть, если только особая благодать нас не укрепляет: «Отче Мой, да минует меня чаша сия», тотчас же добавляя: «Впрочем не Моя воля, а Твоя да будет». Есть большое утешение в том, что Господь Иисус, Бог Всемогущий, познал все наши слабости, что Он дрожал при виде горькой чаши, той самой, которой Он раньше желал так горячо».

Сын мой, ты тоже скажешь: «Да, были уже и будут еще у меня часы больших испытаний, но я буду стараться подражать жертвенности Господа нашего».

Как Учитель, Господь дает нам здесь три драгоценных наставления:

1) Нет ни греха, ни даже недостатка в испытываемом нами чувстве страдания, страха, огорчения, возмущения, если только мы не перестаем с твердой решимостью повторять: «Но да будет не так, как я хочу, но так, как Ты хочешь». Господь наш в Гефсиманском Саду не менее совершен и не менее велик, чем на горе Фаворской или одесную Отца; думать иначе — значило бы богохульство-

вать. Точно так же нельзя умалять подвиг души, если она, лишенная всякой осязаемой помощи, в смущении и борьбе, остается непоколебимой в верности божественной воле.

2) Не будет так же грехом или несовершенством, если мы будем жаловаться Господу, любовно подчиняясь Ему на подобие ребенка, прибегающего к матери, чтобы поведать ей о своей горе. Св. Франциск, епископ Женевский, говорит нам по этому поводу: «Любовь допускает такие жалобы, позволяет причитания Иова и Иеремии, но с обязательным условием, чтобы в глубине души, в тайниках духа, неизменно царило согласие с божественной волей». Но он порицает нас, если мы постоянно плачемся, ища кому бы поведать во всех подробностях о своих горестях.

Другой богомудрый учитель оставил нам такое же наставление: «Конечно, в болезни, совершеннее не жаловаться на испытываемые боли, Однако, если уже они нам совсем невмоготу, то мы не погрешим, поведав о том друзьям, ни даже попросив Господа избавить нас от страдания. Но я говорю здесь лишь о больших страданиях; поступает дурно тот, кто жалуется каждый раз, когда он чувствует малейшую нужду, малейшее затруднение».

Таким образом, оба учителя оправдывают умеренные жалобы, приносимые Богу в духе покорности Его воле, и порицают лишь жалобы чрезмерные.

3) Не будет ни грехом, ни несовершенством, если в тяжких испытаниях мы будем просить Господа, если возможно, пронести мимо чашу сия и даже молить Его об этом с известной настойчивостью, ибо Господь наш Сам так поступил. Но, говорит св. Франциск, епископ Женевский, «если ты помолился Отцу о даровании тебе утешения и если дать тебе таковое Ему не угодно, сделай над собой усилие, собери всё свое мужество, чтобы спасти на кресте свою душу, и притом так, словно и сойти тебе с него никогда не придется. Посмотри на Учителя своего

в Гефсиманском саду; попросив Отца Своего об утешении и зная, что не получит его, Он и не думает больше об этом, не хочет, не ищет его, но творит дело нашего спасения так, словно Он никогда и не хотел утешения».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРИНЕСЕНИЕ СЕБЯ В ЖЕРТВУ ПО ОБЕТУ И САМООТДАЧА.

Сын мой, мы условились понимать самоотдачу, как сообразование человеческой воли с благоволением Божиим, с тем, что Господь попускает, но при этом, как сообразование, проистекающее из любви и поднятое на высокую ступень совершенства. Тут уже, не вследствие бесчувственности, но в силу добродетели, душа утверждена в святом безразличии в отношении всего, что не касается Бога и Его божественной воли. До события, которое должно возвестить ей благоволение Божие, она пребывает в простом ожидании, точно исполняя ознаменованную волю Божию. Она осторожна в том, что должна решать сама; но в том, что зависит не от нее, а от благоволения Божия, имея право выражать желания и просить, она предпочитает, чтобы желал и устраивал всё, как Ему это угодно, Отец ее Небесный, ибо таково ее доверие к Нему, такова ее потребность исполнять лишь Его божественную волю. Лишь только событие выявит эту последнюю, она любовно с ней соглашается. Такая душа — отнюдь не механизм, который достаточно завести, когда надо. Нет, она напрягает весь свой разум и всю свою волю, чтобы примениться к благоволению Божию, чтобы отождествить свою волю с божественной и извлечь из этого для себя

наибольшую пользу. В то же время, любовь и искренность, с которой она отдает себя Богу, не избавляют ее от страданий; она ощущает их, но не смущается этим, желая лишь исполнять волю Божию совершеннейшим образом. Такова сущность самоотдачи, согласно учению св. Франциска, епископа Женевского.

Выразить это можно еще следующими словами: «Господи, на свете я хочу лишь Тебя и Твою святую волю. Я желаю лишь возрасть в любви к Тебе и во всех добродетелях; ради этого я стремлюсь точно исполнять Твою озаменованную волю. Но во всем, что зависит от Тебя, а не от меня, я с доверием отдаюсь в Твои руки, в готовности исполнить всё, что Тебе будет угодно, ожидая этого просто, как сын. Я ничего не желаю, ничего не прошу, ни от чего не отказываюсь. Я не боюсь страдания, ибо Ты соразмеришь его с моей слабостью. Единственно, чего я хочу, это -- чтобы Ты вел меня, как это угодно Тебе; я с любовью соглашаюсь на всё, что Тобою будет попущено».

Сын мой, надо признать, что самоотдача, в таком понимании, не заключает в себе ничего опасного и в ней нет и тени самонадеянности; это просто сыновняя покорность, полная доверия и любви. Каждой преуспевающей душе можно посоветовать принять ее в качестве идеала.

Но в наши дни, в наш век, отмеченный такой жадной деятельностью и самопожертвования, это простое ожидание может показаться несколько пассивным. Мы знаем, что в самоотдаче люди хотят идти часто много дальше. Вместо того, чтобы возлагать на Господа попечение об устройстве всего, что нужно, и не дождавшись спокойно, пока Он Сам не изберет того, что Ему угодно, Его опережают в этом, принося себя в жертву. Иные даже обустраивают самоотдачу наличием таких устремлений.

Сын мой, такой вид приношения себя Богу следует рассматривать внимательно. Вот, что в этом вопросе существенно: хочет ли душа, не испрашивая сама у Бога страдания, проявлять готовность на всё, что Ему будет угодно, отдаваясь этому охотно? Именно о та-

кой самоотдаче мы вели речь, и именно ее можно посоветовать всякой преуспевающей душе, к тому же обладающей еще и смирением. Но захочет ли такая душа сказать Господу: «Ты можешь, не опасаясь, посылать мне страдание; я желаю его, я о нем почти что прошу; даровав мне его, Ты исполнишь мое сокровенное желание...»? Жертвенность такого рода, если она и не является формально принесением себя в жертву, всё же значительно к нему приближается. Разрешать ее можно только с осторожностью, то-есть только тем душам, которые, как мы увидим дальше, говоря о жертвах, уже были достаточно испытаны. Но нельзя советовать этого всем. Тем душам, которые слишком уверены в себе, не будучи еще достаточно утверждены в самоотдаче, надо просто объяснять, что прежде чем простирать свои желания так высоко, им надлежит поупражняться в исполнении означенной воли Божией и постараться одухотворить свою повседневную крестную ношу. Св. Апостол Петр был готов идти на страдание и даже на смерть вместе со своим возлюбленным Учителем, любовь и искренность его были вне сомнения но, тем не менее, он был слишком самонадеян, и последовавшее показало это наглядно.

Кроме того, возможен и другой вид жертвы — принесение себя в жертву по обету. Здесь не время входить в рассмотрение этого сложного вопроса. Коснувшись его, мы укажем лишь, где кончается самоотдача и начинается совсем другой духовный путь.

Можно приносить себя в жертву с разными целями и в разных формах. Некоторые святые души приносили себя в качестве искупительной жертвы за грешников, другие, чтобы возмещать ущерб, наносимый славе Божией, для освобождения страждущих душ из чистилища, чтобы снискать милосердие Божие для Святой Церкви, для отечества, для священства и монашества, для какой-либо семьи или даже для отдельной души.

Принесение себя в жертву основывается на «общении святых», на соборном единстве, в частности на том, что

удовлетворение, приносимое праведным, может быть обращено в пользу согрешившего. В этом — тайна искупления страданием. Избрав этот путь спасения мира, Господь сделал это с той целью, чтобы заслуги, которые Он снижал ценой Своей крови, распространялись и на нас. В Своем безграничном милосердии, Он удостоивает избранные души участия в деле спасения мира. Так как Его человеческая природа в состоянии вечной славы не может больше страдать, то Он привлекает как бы себе в помощь некоторых людей, дабы через них продолжать спасение душ посредством страдания.

В течение веков, особенно в трудные времена, не было недостатка в людях, приносящих себя в жертву. В наше жалкое время, когда безбожие, подобно ночи, окутывает мир мраком, а безнравственность наводняет землю как смрадный поток нечистот, число таких жертв возрастает, а вместе с тем и растет число монашеских обителей, основанных с этой же целью. Если верить откровениям, которых удостоились некоторые лица, Господу нужны жертвы и, притом, большие. Он ищет душ, которые, принимая на себя страдания и муки, искупали бы грешных и неблагодарных. Но это не легко. Мало душ, которые в своей жертвенности соглашались бы идти путем таких страданий. Эти откровения заслуживают доверия. Наместники Христовы, со своей стороны, тоже указывали на это верным сынам Церкви. Лев XIII призвал монашествующих утолять праведный гнев Божий своей смиренной молитвой, добровольно принимаемыми на себя искупительными страданиями и принесением себя, с этой целью, в жертву Богу. Св. Пий X отозвался очень похвально о жертвенности духовенства, представители которого втайне приносят себя в искупительную жертву Господу. И, действительно, здесь открывается очень возвышенный путь для осуществления на деле любви к Богу и к ближнему.

Но, по слову св. Пия X, это великое дело очень трудно. Конечно, было бы неугодным Господу, если бы мы старались отклонить от этого пути жертвенную волю людей,

раз их призывает к тому Наместник Христа! Мы хотим предотвратить лишь опрометчивость. Лица, приносящие себя в жертву по монашеским обетам в основанных с этой целью обителях, лучше ограждены от неосторожности. Уставы предусматривают как далеко должно заходить приношение себя в жертву, и силы иноков испытываются во время послушнического искуса. Другое дело, когда люди приносят себя в жертву по личному обету или без такового, т. е. вне общего монастырского обета, предусмотренного уставом, и когда они отдают себя безоговорочно. В таких случаях, никогда не известно заранее, до какой границы Господь использует те «права», которые Ему приносятся в дар. Но, когда души становятся на этот путь, отвечая на зов, и делают это, подвергнув себя должному наблюдению, Господь, призавший на жертву, дарует, конечно, и благодать в соответствии с потребностью.

Одна из таких жертв, монахиня, прошедшая через длительные и страшные испытания, могла сказать за восемь дней до своей кончины, что «не сожалеет о том, что принесла себя в жертву». И св. Тереза Лизьезская тоже сказала в самый день своей смерти: «Я не раскаиваюсь в том, что отдалась любви». Но вот вопрос: придет ли к тому же душа, взявшая на себя обязательство необдуманно, без достаточной молитвенной подготовки, не прибегнув к совету, не проверив себя как следует? Должна ли она, в таком случае, ожидать, что Господь дарует ей особую благодать, чтобы возместить ее безрассудство? Возможно, что поступивший так станет докучать своими жалобами и унынием как духовнику, так и окружающим с той же поспешностью, с какой он принял на себя превышающие его силы обязательства. Сын мой, никак нельзя забывать, что настоящее место жертвы — на Голгофе, вместе с Господом Иисусом, а не в у с л а ж д е н и и души любовью к Нему...

Поэтому, когда видишь ту самонадеянную легкость, с какой иные души отдают себя Богу в качестве жертвы, то

приходишь к заключению, что они просто не учитывают, что требует Тот, Кому они приносят себя в жертву. Есть множество прав, которыми Господь не пользуется в отношении нас, пока наша свободная воля не дает к тому возможности. Конечно, сто раз блажен отдающий себя целиком! Но он должен предвидеть великие трудности. О них ярко свидетельствует каждая страница жизнеописания принесших себя в жертву душ.

Если перейти теперь к непосредственному сравнению их жертвы с самоотдачей, то вот что бросается в глаза:

1) Простая самоотдача не забегает вперед. Во всем, что зависит не от нас самих, а от Провидения, душа пребывает в совершенном безразличии, ожидая, пока не вывится благоволение Божие. Она — как малое дитя, любовно и покорно допускает, чтобы ею распоряжались. Приносящий же себя в жертву — забегает вперед. Он сам домогается страдания, сам испрашивает его у Господа.

2) Самоотдача не таит в себе ни гордости, ни безрассудства, ни заблуждения; она преисполнена благоразумия и смирения. Ибо Господу она предоставляет верховное руководство, оставляя за собой лишь послушание. Она — простое исполнение божественной воли. Но можно ли сказать о принесении себя в жертву, кроме случая явного призыва свыше, что оно так же смиренно, так же чуждо заблуждения и сомнений? Оставляет ли оно за Господом почин располагать нами?

3) Душа, отдающая себя Богу, дабы Он располагал ею по своему благоволению, может рассчитывать на Его благодать; но та, которая сама опережает события, опять таки кроме случаев прямого указания свыше, может ли быть столь же уверена, что Господь всегда и во всем будет ей в помощь?

Преуспевающие души естественно стремятся к совершенной самоотдаче. Можно советовать каждому осуществлять ее в духе жертвы. То же можно сказать и о повседневном послушании и о добровольном умерщвле-

нии плоти. Такая устремленность ни в чем не усугубляет уже принятые на себя обязательства, но вводит в них, как животворную силу, струю чистой любви, умножающую плодотворность наших усилий. Наоборот, ни благоразумие, ни смирение не говорят в пользу принесения себя в жертву, а особенно, в пользу испрашивания страданий, если нет должным образом установленного призвания к этому свыше. Но, даже и тогда следует предварительно проверить свои силы, перенося очередные испытания и умерщвляя свою плоть обычными упражнениями.

Если же мы по собственному почину испрашиваем тот или иной род страданий, то тогда мы уже распоряжаемся сами и, как во всяком начинании, благоразумие побуждает нас избегать слишком опасных испытаний, тогда как любовь к ближним исключает те, которые могли бы стать в тягость окружающим нас. Но в тех случаях, когда мы возлагаем на Самого Господа всё попечение о выборе жертвы, необходимость таких оговорок явно отпадает. Ибо тогда располагает Господь, а не мы: а на Его отеческую премудрость можно полагаться во всем.

К тому же, зачем же испрашивать страдание, если не было прямого указания свыше? Должна ли душа, стремящаяся к наивысшим добродетелям, искать чего-либо, кроме послушания и совершенной самоотдачи? Обеты, устав, предначертания Провидения — таков верный путь, ведущий к совершенству. Он позволит нам очистить душу и достичь внутреннего единения с Богом посредством любви. Такое постепенное преобразование, достигаемое исполнением устава, представляет уже само по себе суровый и тяжкий труд, заполняющий целую жизнь. Однако, если нашему жертвенному духу этого всё-таки мало, то Устав, при наличии надлежащего разрешения, позволяет нам исполнять больше, нежели он предписывает; таким образом, он открывает нашему жертвенному духу почти неограниченное поприще, столь же великое, как наши желания. Что же касается совершенной са-

моотдачи, то каждая живущая духовной жизнью душа найдет тысячу случаев, чтобы осуществлять ее на деле; монаху она будет нужна в обиходе его монастырской жизни, а настоятелю — в отправлении его должности. Для начала, надо принимать охотно всякую крестную ношу, какую бы нам ни определил Господь; если Он увидит, что ею не утолить нашей пламенной жажды страдания, то Он сам найдет, что прибавить к тяжести нашей ноши.

Итак, мой сын, мы приходим к заключению, что душам, жаждущим жертвенной жизни, нет надобности испрашивать себе страдания. Они всегда найдут его в своей внутренней жизни, в своих повседневных обязанностях, в добровольном самоумерщвлении и в предначертаниях Провидения. Правда, этот скромный путь лишен того блеска, каким бывают отмечены жертвы, приносимые по обету, но на нем жертвенный дух найдет не мало удовлетворения, а благоразумие и смирение будут на нем, пожалуй, обеспечены лучше.

Но, конечно, если Сам Святой Дух влечет душу отдать себя в жертву, а она, со своей стороны, не предпринимает ничего без разрешения и вне наблюдения тех, кому вверено Богом попечение о ней, и если при этом усердие ее остается неизменным в исполнении повседневных обязанностей, ей нельзя поставить на вид ни самонадеянности, ни самообольщения, ибо она повинуется зову Господню. Готовой ей надо быть к потрясающим испытаниям. Но она будет награждена по заслугам, и Господь не оставит ее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧТО ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ СОВЕРШЕННОЙ

САМООТДАЧИ.

Сын мой, в основе совершенной самоотдачи лежит любовь. Речь идет здесь уже не о простой покорности судьбе, т. е. о низшей ступени сообразования с божественной волей, а об исполненной любви и упования сыновней самоотдаче, при которой наша воля, растворившись в божественной, совершенно теряется. Именно любви свойственно сливать две воли воедино. Эта ступень сообразования является особо возвышенным проявлением чистой любви, и ее достигают обычно лишь преуспевающие души, живущие по преимуществу чистой любовью. Но так как она требует уже совершенной отрешенности, и любовь требует тут особой веры и особого упования на Провидение, то мы будем говорить сначала об отрешенности, о вере и об уповании, а затем перейдем к любви, представляющей то основное начало, из которого проистекает совершенная самоотдача.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О Т Р Е Ш Е Н Н О С Т Ь .

Сын мой, совершенная отрешенность является предварительным условием совершенного сообразования нашей воли с волей божественной. Если наша воля к чему-либо сильно привязана, т. е. как бы прилеплена или прикована, то она не повинуется нам, когда приходит время соединить ее с божественной волей. Даже если хоть немного связана, всё равно, она будет сопротивляться, и мы будем далеки от быстрого и легкого сообразования и, тем более, от совершенной самоотдачи. Причин тому две:

1) Совершенная — скажем даже — святая самоотдача есть полное объединение, своего рода отождествление нашей воли с волей божественной. При наличии ее, мы заранее готовы на всё, что бы Господь ни сделал, и принимаем с любовью всё, что Он делает. Перед событием наша воля находится в состоянии спокойного и уповающего ожидания; после события — она — само подчинение в сыновней любви. Сын мой, посуди сам, какая отрешенность для этого потребна.

2) Эта отрешенность должна быть сколь всеобъемлющей, столь и глубокой. Ибо кто может сказать заранее, угодно ли Господу, чтобы мы пребывали в довольстве или терпели нужду, изнемогали в недугах или здравствовали, услаждались в духовных радостях или подвергались

испытаниям, были презираемы или почитаемы, любимы или ненавидимы? Господь Вседержитель располагает нами по Своему произволению. По Своему благоволению может Он отнять наше имение, лишить нас благ телесных и духовных, унижить нас в глазах мира, действуя как Ему угодно, не спрашивая нас ни о чем и чаще всего совсем неожиданно. Стало быть и наша воля должна быть всегда готова принять то, что Господу будет угодно, должна быть постоянно отрешенной от всех земных благ, от богатства, от родных и друзей, от здоровья, от отдыха и благополучия, от хотений, от знаний, от утешений, от почета и от всяких привязанностей. Она должна быть всегда совершенно свободна, должна искать только Бога и святую волю Его. При этом условии, душа примет легко и охотно любое и самое внезапное проявление Божией воли.

Желающий достичь совершенной самоотдачи должен поэтому ценить по достоинству христианское самоумерщвление, каким бы словом оно ни называлось: самоотречением, самоотверженностью, духом жертвенности или же любовью ко Христу и несением крестной ноши. Дабы придти к совершенному отрешению от всего и навсегда в нем утвердиться, следует упражняться в самоумерщвлении со всем возможным усердием и с неутомимым упорством. Было бы тщетной попыткой стремиться к отрешенности не умерщвляя себя, ибо стать отрешенным, привести себя в состояние отрешенности от всего можно лишь одним умерщвлением или, во всяком случае, преимущественно путем умерщвления. Нетрудно сочетать соблюдение заповедей с добровольным презрением к богатству или к иным внешним благам; уже труднее прибавить к этому и презрение к своему доброму имени и к славе века сего; но еще гораздо труднее не ставить ни во что свою жизнь, плоть и волю. Но самое трудное — подчинить целиком воле Божией, ради славы Его, свои природные дары, свои радости, свои духовные склонности, свои добродетели и даже получаемую благодать.

Сын мой, путь, ведущий к совершенной самоотдаче, долг, и трудность его чрезвычайна. Именно поэтому так мало душ достигают вершин; большинство задерживается на промежуточных ступенях сообразования и даже на простой покорности судьбе. Душа жаждет совершенной самоотдачи, но не хочет заплатить за нее то, что причитается. Господь требует лишь одно: дать Ему наполнить Своими дарами пустые сосуды. Но душе нелегко опустошить себя, и делает она это с трудом. Тут уместно привести изречение одного благочестивого мужа, который на вопрос, где он обрел Бога, неизменно отвечал: «Там, где я покинул самого себя; а там, где я обретал самого себя, я утрачивал Бога».

Говоря об отречении, изо всех его многообразных видов надо указать здесь два — особенно трудных и необходимых для души: послушание и смирение. Посуди сам: разве приверженность к себе и привязанность к собственной воле не является последним убежищем нашей природы, главным препятствием к преуспеянию и душевному миру? Очень часто человек, пожертвовавший всем остальным, всеми внешними и телесными благами, остается тем не менее связан двойными узами: гордостью и собственной волей. Чтобы освободиться и от них, надо призвать на помощь две взаимно связанные добродетели. Ты их знаешь, сын мой: это послушание и смирение. Тысячу раз блажен тот, кто упорно стремится отрешить себя от собственной воли, быть послушным всегда и во всем, содержать себя в терпении, заставив природу умолкнуть даже в огорчениях и унижениях! Но еще блаженнее тот, кто рад всему: любому унижению и крайней нужде, кто смотрит на себя всегда как на нерадивого работника и повторяет это даже в тайниках своей души, будучи искренне убежден, что он действительно последний и самый недостойный из всех.

Души, прочно утвердившие себя в послушании и смирении, тем самым ограждены и от многих потрясений, происходящих от недостаточного преуспеяния в добро-

детелях. Но, несмотря на это, страдание посещает и их нередко. Они не могут быть к нему совершенно бесчувственными, но они приготовлены к тому, чтобы принять его достойно, ибо смирение располагает их к совершенной самоотдаче. Память о содеянных в прошлом грехах живет в этих смиренных и чистых душах и, воздавая дань божественному Правосудию, они принимают с благодарностью кару за свои прегрешения. При каждом постигающем их испытании они говорят: «Я должен страдать, дабы искупить мои грехи. Благодарю Тебя, Господи, ибо это еще не всё, что я заслужил». И если бы они не боялись собственной слабости, то охотно добавляли ли бы к этому: «Господи Боже, дай мне страдать еще больше везде и всегда, чтобы страданием воздавал я Тебе». В самом деле, усматривая в себе еще неискорененные дурные наклонности и убеждаясь в легкости соблазна, они сами испытывают нужду в страданиях и умерщвлениях. Они почитают счастливым стечением обстоятельств всё, что дает им возможность умерщвлять себя. Иногда, забывая все свои огорчения и думая только о том огорчении, которое они сами причинили Господу Богу, они восклицают подобно святой Гемме: «О Иисусе, велико оскорбление, мною Тебе нанесенное, но утоли Свой гнев и посети меня вновь!» Несмотря на всю свою чистоту и все свои добродетели, эти глубоко просветленные души почитают себя недостойными предстать перед неизреченной святостью Божией и в пламенном желании ей угождать радуются всякому мучению, способному послужить к их очищению. *Сын мой, ты видишь из этого, как смирение облегчает послушание и располагает к совершенной самоотдаче.*

Что же касается душ, несовершенных в послушании и смирении, то они навлекают на себя, тем самым, несчетные затруднения, не будучи при том подготовленными принимать испытания должным образом. Независимо от того, исходит ли испытание непосредственно от Бога или постигает нас через людей, если душа наша не сознает,

что заслужила его и нуждается в нем, мы склонны чувствовать себя непонятыми и обиженными, склонны огорчаться и роптать. В откровении одной святой душе, Господь сказал по этому поводу: «Смирение так же необходимо душе, изобилующей благодатью, как вода необходима цветку. Чтобы расцвести и сохранить свою свежесть и красоту, душа должна постоянно орошаться этой благодотворной влагой. Если бы действовало на нее одно только солнечное тепло, она скоро бы увяла и засохла».

Св. Тереза Лизьезская раскрывает нам исполненный любви и упования путь духовного детства. Необходимым основанием его она полагает смирение. Весь ее опыт и все ее поучения можно свести к нескольким словам: надо любить Бога и приносить Ему много малых жертв, отдавать себя в Его руки как малое дитя, быть как дитя послушным и смиренным. Поэтому она и хотела быть в монастыре слугой своих сестер, силилась быть послушной всем без различия, боясь более всего сохранить собственную волю. Она стремилась оставаться всегда малой в смирении, такой малой, чтобы никто не думал о ней, чтобы каждый мог попирать ее ногами и чтобы Сам Младенец Христос мог обращаться с ней, как с не имеющей ценности игрушкой. Каким смирением надо обладать, чтобы так умереть для самого себя! И неудивительно, что Господь увенчал великой славой столь смиренную и жертвенную душу, сделав ее величайшим чудотворцем нашего времени.

Сын мой, вдумавшись в это, нельзя не признать, что такое духовное детство весьма совершенно! Оно гораздо совершеннее, чем любовь человека к страданию, ибо ничто не требует большей жертвенности, чем стать и оставаться малым. Гордость есть первый из смертных грехов, ибо в ней вся суть того яда, который древний змей влил в этот мир. Дух детства уничтожает ее полнее, чем дух подвижничества. В своих покаянных подвигах, в борьбе с напастями, человек легко обретает опять самого себя: он может почитать себя великим, восторгаться собой. Но

если он станет и вправду как дитя, то с его самолюбием будет покончено навсегда... Выжми всё содержание из плода совершенного детства — ты не извлечешь из него ничего, кроме одной чистой самоотдачи. Дитя предает себя, не защищаясь, и отдается, не сопротивляясь. Что знает оно? Что может оно? Что понимает? Как может оно иметь притязание на знание, на понимание, на действие? Поистине, дитя — существо, которым можно овладеть совершенно. А с какими предосторожностями обходятся с ним и какие только ласки ему не расточают!

Сын мой, скажи теперь сам, поступают ли так же и с теми, которые сами собой управляют?

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕРА И ПРОВИДЕНИЕ.

Сын мой, ты хорошо знаешь, что «праведный верою жив будет» (Рим. 1,17), и, чтобы возвыситься до совершенной самоотдачи, ему надо проникнуться живой и глубокой верой. Вера его просвещается по мере очищения души и возрастания ее в добродетелях. Но особенно просветленной и всепроникающей делается она, когда человек достигает той степени совершенства, на которой душа, уже очищенная и обогащенная добродетелями, живет главным образом любовью, пребывая во внутреннем единении с Богом. Тогда уже тени — менее густы; покров становится прозрачнее; Бог, хотя и неизменно сокрытый, дает душе воспринимать Свое присутствие, а временами ощущать очень живо Свою любовь и Свою благость. Подобно Моисею, человек общается с Невидимым, как бы видя Его (Евр. 11,27). При наличии такой живой веры, самоотдача становится легкой; но если вера отсутствует, человеку невозможно возвыситься до постоянной самоотдачи.

Сын мой, тебе ведомо, что в этом мире ничто не происходит иначе, как согласно велению или соизволению Божию. Всё в мире существует только о Нем. Всё сотворенное Им Он блюдет, всем управляет, чтобы привести к назначенной цели. Он управляет вращением небесных светил и определяет исход земных переворотов; Он помогает муравью в работе его, Он приводит в движение

бесчисленных мошек, кишачих в воздухе, и миллионы атомов, заключенных в капле воды. Без Бога не шелохнется и листик на дереве, не увянет и былинка, и ветер не унесет песчинку. Он печется и о птицах небесных, и о лилиях в поле; и так как мы стоим больше, чем целая стая воробьев, то Ему не забыть и Своих детей на земле. Даже от отца семейства, даже от внимательнейшей из всех матерей множество мелочей всегда ускользает. Но в Своей безграничной Премудрости, Господь владеет тайной без труда проявлять Свою заботу о нас как в самых незначительных происшествиях, так и в важнейших событиях. Как сказано в Писании, все волосы на голове нашей сочтены, и ни один из них не упадет без соизволения Отца нашего Небесного (Лук. 12,7). А может ли быть что-либо незначительнее, чем выпадение одного нашего волоска? Но, тем не менее, и это не бывает Богом забыто. Обо всем думает Он, обо всем печется: когда ты голоден или страдаешь от жажды, берешься за работу, выбираешь свой жизненный путь, когда встречаешь на нем затруднения, когда ты подвергаешься искушению или, исполняя возложенное на тебя поручение, нуждаешься в помощи благодати Божией обо всем этом Господь думает неизменно. Нужен ли тебе, на твоём пути к вечности, хлеб твой насущный для души и для тела, потребны ли тебе особые силы для скорчания дней твоих в мире и помощь на смертном одре, всегда о тебе печется Господь. И таким образом, ты — незначительная частица вселенной — непрестанно и всюду занимаешь мысли и сердце Отца твоего. Сын мой, как умирительно и радостно истина, заключенная в этой вере!

Но ести Провидение само замышляет свои предназначения в отношении тебя, то исполнение их Оно доверяет, по крайней мере в значительной части, вторичным причинам. Оно пользуется солнцем, ветром, дождем, приводит в движение небо и землю, и безжизненные тела, и одушевленные твари. **Но так как всё тварное может действовать на тебя лишь в той мере, в какой Господь это допускает, то во всем тварном ты должен видеть как бы**

сосуд божественной воли и орудие для исполнения намерений Божиих. Окостенит ли тебя мороз или растопит жара, подует ли ветер и угонит твой челн далеко от гавани или, наоборот, прибьет его к желанному берегу, — в успехе, который тебя окрыляет, в препятствиях, с которыми ты борешься, в том, что тебя огорчает и в том, что тебя радует, в тяжелой болезни и в возвращении к жизни после нее, в том обороте, который принимают твои дела, в гонениях или в высоких почестях, ставших уделом твоим, — во всем и всегда ты должен усматривать Провидение. Видеть Господа надлежит всегда и во всем. Какой покой приносит нам этот навык духовный, как освящает он душу!

Отец наш Небесный — воистину **Б о г с о к р ы т ы й**. Подобно тому, как Он скрыл Свое слово за буквой Священного Писания и Свое присутствие за видимыми Святыми Дарами, Он скрывает Свое действие под делами тварей, дабы мы были блаженны, веруя, но не видя. Сын мой, возьми для примера хотя бы болезнь, которая теперь тебя постигла. Какова ее причина? Может, конечно, оказаться, что вызвана она простудой, что ты не выдержал в ту или иную минуту сурового климата. Но, в действительности, причина заключается в том, что Господь повелел силам природы вызвать эту болезнь. Однако, при этом Он Сам оставался в тени, и знака Его ты не видел. А болезнь, между тем, пойдет своим ходом: она может усилиться или поддаться лечению. Но кто вызовет это ухудшение? Кому ты будешь обязан выздоровлением своим? Мы говорим: причиной тому будет врач, его искусство или его неосмотрительность. Может быть, так и будет на самом деле! Но подлинная истина заключается в том, что за всеми этими вторичными причинами стоит Сам Господь, и в конечном итоге лишь по Его воле люди поправляются или умирают. Да, это так, хотя мы этого и не видим: Господь остается сокрытым... И открыть Его верховное действие тем более трудно, что часто вторичные причины проявляют себя явственнее, чем Он Сам.

Но, если ты имеешь живую веру, то ты различаешь первопричину всех явлений, не смущаясь их кажущейся самобытностью. Ты угадываешь, как Господь движет всем, направляя всё, сквозь игру противоречий, к единой цели. Ты смутно узнаешь, как Дух Святой пользуется людьми и вещами, чтобы писать живое Евангелие в душах людей. Но до конца эта книга будет понята лишь тогда, когда наступит великий день Вечности. Тогда нас восхитит то, что ныне кажется запутанным; но и теперь, в полной уверенности, что в этом творении Божиим всё обосновано, соразмерено и увязано, нельзя не склоняться благоговежно перед этой таинственной книгой, как перед Священным Писанием, не преклоняться перед сокрытым Господом нашим и не отдавать себя целиком Провидению.

Если же вера твоя слаба, как тогда ты узришь Господа в бедах, которые тебя постигают, и, особенно, за злобой людской? Всё тогда ты припишешь случаю, злой судьбе и будешь роптать.

Но, сын мой, слово «случай» лишено вообще всякого смысла. Как выразился один писатель, это лишь «псевдоним Провидения», лишь светское имя, даваемое Провидению неверующими людьми. В действительности, ничто в жизни не происходит случайно. Всё, что совершается против нашей воли, — и это надо твердо усвоить! — происходит только по воле Божией, согласно Его предвидению, по Его допущению, согласно порядку, Им созданному, и законам, Им установленным. Вот, что говорит об этом блаженный Августин: «Бывают, конечно, непредвиденные случаи, внезапные происшествия, но они непредвидены и внезапны только для нас... В действительности же в них проявляется замысел всемогущего Провидения, всем располагающего и всё направляющего с тем, чтобы всё служило Ему». Господь ведет всякую тварь Своим путем и Своих намерений ей не открывает. Лишь постепенно, шаг за шагом, по Его усмотрению, намерения Его приоткрываются человеку. Можно видеть рок в том, что одному представляется случай разбогатеть, а другому разорить-

ся. Да, это может показаться волей слепого рока, но только человеку, замечающему лишь внешнюю сторону явлений и непосвященному в намерения Господни. Но для Господа, вызвавшего все эти внешние обстоятельства и сочетавшего их согласно Своим намерениям, всё было предусмотрено заранее, всё было согласно Его Провидению.

В несчастьях, тебя постигающих, надо, сын мой, узнавать Господа. «Я — Господь», говорит Он тебе устами Пророка Исаии: «Я — Господь и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и бедствия» (Исаии — 45,7). «Это Я», сказал Он еще раньше Моисею, «Я умерщвляю и оживляю. Я поражаю и исцеляю» (Втор. 32,39). «Господь умерщвляет и оживляет» говорится также в молитве Анны, матери Самуила, «Он низводит в преисподнюю и возводит; Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает» (I Царств. 2,6—7).

Сын мой, ты, может быть, скажешь: «Ну, хорошо, я согласен с тем, что касается болезни или смерти, холода или жары и еще тысячи других подобных явлений, вызываемых причинами, в которых личная свобода не играет никакой роли: ибо ясно, что все такие причины повинуются Господу. Но ведь человек противится Богу; если, скажем, кто-нибудь дурно обо мне отзывается, разоряет меня, бьет, преследует, то как могу я в таких злых делах усматривать руку Божию? Нет, я могу приписывать такие дела только воле человека, его неведению или злomu умыслу». Сын мой, тщетно было бы прибегать к таким рассуждениям, как к предлогу не отдаваться целиком Провидению. Ибо Сам Господь поведал нам — и мы должны верить Его непреложному слову — что именно Он действует во всех происшествиях такого рода, точно так же, как и во всех остальных, и что в них также ничто не происходит иначе, как по Его Святой воле.

Если Он хочет покарать виновных, то он выбирает для этого по Своему усмотрению — или людей, или злую силу. Когда Давид согрешил, Господь воздвиг на

него зло из дома его и взял его жен перед глазами его и отдал их ближнему его (II Царств. 12,13). Всякий раз, как Израильтяне показывали себя закоренелыми во зле, Господь возвещал им, что отдает их в руки то одного, то другого соседнего народа, чтобы страшным возмездием вернуть их на путь послушания. В частности, про Ассира, Господь говорит: «Он — жезл гнева Моего! и бич в руке его — Мое негодование!» (Исаии 10,5). Господь предсказал разрушение Иерусалима, безбожного и нераскаянного; Тит оказался оружием Божиим, чтобы разорить Иерусалим и не оставить в нем камня на камне (Лук. 19,41-44). Позже, Аттила мог с полным основанием сказать о себе, что он — бич Божий. А когда Саул намеренно согрешил, Дух Господень отступил от него, и возмущал его злой дух от Бога (2 Царств. 16,14-23).

Чтобы испытывать праведных, Господь пользуется кознями демонов и развращенностью нечестивых. Иов потерял детей своих и всё свое состояние, из изобилия впал в нищету, но всё-таки воскликнул: «Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1,21). Блаженный Августин обращает внимание на то, что Иов не говорит «Господь дал, а дьявол взял», но: «Господь дал и Господь взял», т. е. всё произошло так, как было угодно Господу, а не дьяволу. «Поэтому», заключает он, «приписывайте Господу все удары, которые вас поражают: ибо сам дьявол не может ничего против вас, без соизволения свыше» (Бл. Авг. О Пс. 32). Братья Иосифа, продав его, совершили самое ужасное беззаконие, но сам он приписал всё Провидению и неоднократно пояснял это: «Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни... Вы умышляли против меня зло; итак, не вы послали меня сюда, но Бог, который поставил меня господином над всем Египтом» (Быт. 45, 5-9; 50, 19-20). Когда Семей злословил бежавшего Давида и бросал в него камнями, святой царь усмотрел в этом руку Провидения и успокоил своих возмущенных слуг, сказав им: «Пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злосло-

вить Давида» (II Царств. 16,10), давая понять, что Господь избрал Семя, чтобы покарать царя.

Иудеи, обвинявшие Спасителя, Иуда, Его предавший, Пилат, присудивший Его к смерти, палачи, Его истязавшие, демоны, подстрекавшие этих ослепленных людей, были, конечно, виновны в этом ужасном преступлении. Но они не ведали, что всё было согласовано Господом и что они были лишь исполнителями предначертанного Им. Господь Сам объяснил, что чашу сию послал Ему Отец, и что Пилат не имел бы над ним никакой власти, если бы она не была дана ему свыше (Иоан. 18,11 и 19,11; Лук. 22,53). И святой Апостол Петр, вслед за своим Учителем, утверждал то же самое: «Собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса... Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом израильским, чтобы сделать то, что предопределила рука Твоя и совет Твой» (Д. Ап. 4,27-28). Таким образом, Страсти Господни — были делом Божиим, величайшим делом Господа.

Сын мой, это неоспоримо: на то была воля Божия. Эта праведная, благая, любвеобильная воля таилась в недрах самого чудовищного беззакония! В этой вере мы живем и в то же время мы отказываемся признавать волю Божию не в страданиях Церкви и общественных бедствиях (тут мы готовы ее признать), но в личных бедах, в унижениях, разочарованиях, неудачах, во всех тех пустяках, которые мы называем нашей крестной ношей и которые являются всего на всего нашими повседневными испытаниями.

Но почему бы и в них не быть руке Божией? Ведь в грехе можно различать его внешнюю сторону и его суть. Внешнее проявление греха есть следствие наших поступков. Бог способствует им, как всякому нашему действию. Откажи Он нам в этом, мы были бы совершенно беспомощны, и Господь, даровавший нам свободу, на деле лишал бы нас таковой. Но как всякое доброе дело, так и грех определяются тем, что является сутью всякого поступка. В грехе эту суть составляет преднамерен-

ное вольное нежелание человека сообразовать свой поступок с божественной волей. Это отсутствующее в данном поступке сообразование — не есть действие, а наоборот, отсутствие действия. Бог никак не участвует в нем; напротив, Он начертал Свои заповеди, обещает награду за соблюдение их, а за неисполнение их — угрожает наказанием. Он дарует нам благодать и внушениями свыше склоняет душу к исполнению долга; таким образом, Он делает всё, чтобы помешать греху, исключая лишь насилия над нашей свободой: прибегать к силе Ему неужгодно. Однако, несмотря на всё, что делает в этом смысле Господь, человек злоупотребляет данной ему способностью самоопределения. Таким образом, Господь способствует лишь внешним проявлениям нашей воли. В грехе, как таковом, Он не участвует. Он допускает его лишь постольку, поскольку Он не прибегает к силе, чтобы ему воспрепятствовать; но допуская грех, Он не разрешает его, ибо грех Ему ненавистен, и воздаёт за него в свое время.

Однако, Ему угодно обращать содеянное другими зло во благо Своим избранным; так Он использует слабость и злой умысел людей, вплоть до самых тяжких грехов. Он поступает как отец, берущий в руку первую попавшуюся розгу, чтобы наказать провинившегося сына, а потом бросает ее в огонь. Так действует и врач, когда прописывает больному пиявки: они стремятся насосаться крови, но больной переносит это, доверяя врачу, ограничившему их действие.

Итак, сын мой, да будет тебе ясно, что вера в Провидение требует от нас, чтобы мы во всех, без исключения, случаях обращали наш взор ввысь — к Богу. Поэтому, если ты увидишь, что преследуют праведника, знай, что того хочет Господь. Если увидишь христианина, разорившегося благодаря своей вере, и безбожника, обогатившегося благодаря своему неверию, также знай, что того желает Господь. Ты, может быть, спросишь: а что будет со мной, если я останусь верен долгу? Знай твердо: с тобой

будет только то, что угодно будет Богу. Никогда не приписывай ни потери, ни скорби, ни унижения — злой силе, но всегда только Богу, как подлинному источнику, из которого они исходят. Непосредственной причиной их могут быть люди, пусть даже тяжко грешащие. Господу их грех ненавистен, но испытание, из него для тебя проистекающее, угодно Ему.

Если бы во всех испытаниях, которыми призобилует жизнь, мы всегда распознавали волю Божию, то нашим Ангелам-Хранителям не приходилось бы так часто созерцать, как испытание застает нас врасплох, вызывает наш ропот, повергает нас в гнев, как мы оскорбляем Бога своим унынием и, увы, впадаем даже в отчаяние, приводящее нас порой на край гибели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УПОВАНИЕ НА ПРОВИДЕНИЕ.

Сын мой, ты знаешь, как недоверчива человеческая воля; обычно она уповает только на самое себя и опасается постороннего хотения и власти. То, что у нас есть ценного: наше состояние, нашу честь, наше доброе имя, наше здоровье, нашу жизнь, мы не отдаем в руки другого, если только не доверяем ему совершенно. Стало быть, чтобы подвизаться в любви (и в самоотдаче) необходимо уповать всецело на Бога. А если так, то совершенная самоотдача обычно немислима вне соединения души с Богом, ибо лишь в этом состоянии упование на Бога достигает своей полноты.

Человеческая мудрость недальновидна, а человеческая воля — слаба, непостоянна и непрочно и вследствие этого, вместо того, чтобы полагаться на свой разум и остерегаться всего, даже Господа Бога, человеку следует взывать к Богу, даже докучать Ему мольбой: да будет Твоя воля, а не наша! Ибо воля Его блага в себе, благотворна и блага, как благ Сам Господь, и действие благой воли Господней может быть лишь благотворным.

Сын мой, кто другой, как не всеблагой Господь Бог, блюдет нас любовно? Чье еще провидение правит нами? Благодать Его такова, что Он — сама Благодать по природе Своей, — сама Многомилость, и, в этом смысле «никто не благ, как только один Бог» (Лук. 18,19). Бы-

ли святые, чудесно наделенные божественной благодатью. И всё же, самые совершенные из людей только ручейки, речки и, в лучшем случае, реки благодати, тогда как Бог — океан благодати. Его благодать неисчерпаема и безгранична. И когда Он источает нам Свои несметные благодеяния, не страшись, что рука Его может оскудеть. Нет, благодать Его бесконечна, и Он будет всегда ее расточать. Чем больше Он дает, тем больше преумножаются Его сокровища, ибо давая Он стяжает то, что дает: в самом деле, чем больше благоговейные души познают Его, тем больше они Его любят, тем усерднее желают Ему служить. Благ Он для всех: «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф. 5,45). Быть благим не может докучить Ему. Множеству беззаконий наших противопоставляет Он «множество щедрот Своих» (Пс. 50,3), дабы покорять нас силою благодати. Но необходимо, чтобы Он нас и карал, ибо справедлив Он так же безгранично, как и благ; но в гневе Своем Он вспоминает Свои милости (Аввак. 3,2).

Сын мой, сего всеблагото Господа мы смеем неосужденно призывать и глаголать Ему: «Отче наш, Иже еси на небесах!» Ему угодно, чтобы мы почитали Его Отцом нашим. Ибо Он так велик и свят, а мы — так малы и грешны, что иначе мы убоялись бы Его. И чтобы утвердить наше упование и нашу любовь, Он не перестает повторять нам в Своих священных книгах, что Он — «Отец милосердия и Бог всякого утешения» (II Кор. 1,3), что «от Него именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3,15), и что никто другой не отец нам, как только Отец наш Небесный. Он Отец нам по своей святой верности и Мать — по своей нежности. Здесь, на земле, ничто несравнимо с сердцем матери, с ее заботливостью и милосердием: ничто другое, как именно это, побуждает нас доверяться ей и отдавать ей себя. А между тем, в Своем отношении к нам, Господь превосходит и наилучшую из всех матерей: «Забудет ли женщина грудное дитя

свое чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49,15). В чем бы moi отказать нам Тот, Кто «так возлюбил... мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»? Он знает лучше нас, в чем мы имеем нужду для души и для тела, но Он хочет, чтобы мы просили Его об этом, и укоряет нас, если мы просим Его недостаточно (Иак. 1,5; Иоан. 16,24). Сыну, просящему хлеба, он не подаст камня (Лук. 11,11). Но если надо нас строго покарать, чтобы мы не шли к гибели, то руку Его вооружает Сердце Его: оно отмеряет удары, Он же утирает наши слезы, перевязывает наши раны, возливая на них масло и вино. Сын мой, будем верить в любовь Господа к нам и никогда не усумнимся в сердце Отца нашего.

Да, Спаситель наш нас охраняет. Для нас Он больше нежели брат, больше, чем несравненный друг: Он — врач наших душ, Он наш Спаситель по Существованию Своему. Он пришел в мир, чтобы «спасти людей Своих от грехов их» (Матф. 1, 21), чтобы врачевать болезни духовные, чтобы мы имели жизнь и имели с избытком» (Иоан. 10,10). Он пришел, чтобы «огонь низвести на землю» (Лук. 12,49). Его дело, задача, назначение — спасти нас; Его слава и радость в том, чтобы «совершилось» всё это. Неужели же Он может быть к нам безразличен? Жизнь Его, исполненная трудов и унижений, Тело Его, изборожденное ранами, Душа Его, скорбящая смертельно, Голгофа и престол, на котором Он для нас пребывает в Святых Дарах, всё указывает на то, что нас ради творил Он безумства любви, что мы «куплены дорогою ценою» (I Кор. 6,20). Разве мы можем не быть Ему дороги? И на кого иного возложим мы упование наше, как не на Него, Иисуса Сладчайшего, Спасителя нашего, без Которого мы были бы обречены на гибель? И к тому же, разве Он не Жених наших душ? Верный, благой и милосердный ко всякой из них, Он с явным предпочтением любит тех, кто оставил всё, чтобы идти по стопам Его. Радость Господа

нашего в том, чтобы они стекались к престолом, на которых Он в Святых Дарах пребывает.

Сын мой, претерпевая здесь скорби, будем возносить наши мысли к Тому, Кто нам посылает испытания, Кому угодно было исполнить мукой всю Свою жизнь, чтобы избавить нас от вечных мучений, к Тому, чьи ангелы охраняют нас на всех наших путях, к Тому, Кто на наших престолах несчетное число раз Сам Себя приносит в жертву, к Тому, Кто так благодатно нисходит к тебе в Св. Причастии, к Тому, Кто благоволит соединиться с тобою в тайне любви и вести внутреннюю беседу с твоей душой.

Но, скажешь ты, Он жестоко меня поражает. Его рука тяготее на мне.

Чего ты можешь бояться от руки, пронзенной гвоздями, давшей себя, тебя ради. пригвоздить ко кресту?

Он ведет меня тернистым путем.

Сын мой, раз нет другого пути, ведущего к Нему, неужели лучше погибнуть навеки. чем страдать здесь короткое время? И разве не таким же путем Он следовал раньше тебя и из любви к тебе? Найдешь ли ты на Нем хоть один только шип, который не алел бы от крови Его?

Он подносит мне чашу, полную горечи.

Да, сын мой, это правда. Но думай о том, что подносит ее тебе твой же Спаситель. Любя тебя так, как Он любит, мог ли бы Он поражать тебя так жестоко, если бы это не было для тебя насущно полезно и неотложно необходимо?

Будучи благим и святым, Господь поступает так с нами только с самым возвышенным и благодетельным намерением. Цель Его всегда и неизменно одна: слава Божия. Как сказано в Священном Писании, «всё это сделал Господь ради Себя» (Притчи Сол. 16,4). Не будем сетовать на это, ибо слава Божия — в Его радости дать нам вечную радость, в Его блаженстве — угодовать нам блаженство на веки веков... И так как вся вселенная, весь мир Божий имеют конечную целью прослав-

лять Творца своего блаженством одаренных разумом тварей, то из этого следует, что конечной целью всего, по крайней мере здесь на земле, является Вселенская Церковь — Ибо она Мать спасения нашего. Всё земное, всё вплоть до гонений, всё устроено или попущено Богом для высшего блага Церкви Его. В самой же Церкви всё устроено ради блага избранных, ибо слава Божия здесь, на земле, неотделима от вечного спасения человека. И из этого можно вывести еще одно заключение: все события революционного и эволюционного порядка, происходящие в мире, имеют единственной и неизменной целью приведение избранных к осуществлению их вечной судьбы, так что, может быть, когда-нибудь мы узрим с неба целые страны, вовлеченные в потрясения единственно ради спасения малого стада Господом избранных... Разве не странно видеть, что Господь правит миром с единой целью производить блаженных и Самому иметь в них радость Свою?

Итак, сын мой, мы смеем утверждать, что воля Божия есть освящение наших душ.

Нет минуты, нет точки во всей вселенной, когда и где Господь Бог заботился бы о чем-либо ином. Вот в чем причина всех великих и малых событий, которые возмущают по разному отдельных людей, семьи и даже целые народы. Вот почему может оказаться угодным Богу, чтобы ты сегодня хворал, был унижен или забыт; вот почему допускает Он ту или иную счастливую встречу, или дает тебе споткнуться о камень, или подвергает тебя искушению. Все подобные происшествия устроит неизменно всё та же Любовь, то же желание дать тебе наивысшее благо. Если бы мы только лучше понимали пути милосердия Божия, то с каким доверием и с какой покорностью стали бы мы принимать от Господа всё это без различия. И это, действительно, должно быть так, потому что Его всеотеческой благодати служат Его безграничная мощь и Его неизреченная премудрость.

Таким образом, Господу ведомо назначение всякой ду-

ши, ведома мера святости ей предуготованная, ведома степень славы, ожидающей ее на небесах. И Ему ведомо также, какими путями надлежит ей следовать, через какие испытания надлежит пройти, чтобы достичь цели и стать совершенной. В руках Провидения — все нити несчетного числа событий, из которых слагается ткань бытия человеческого, Оно приводит всё к назначенному завершению. От всеустрояющего Господа Бога ничего не исходит, кроме Света, Премудрости, Благодати, Любви и Спасения.

Будучи Всемогущим, Он может всё, что только угодно Ему! Он, Господь наш, имеет власть над жизнью и над смертью, низводит до врат ада и возводит из них (Прем. Сол. 16,13). И Сам Он говорит о Себе: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю всё это» (Ис. 45,7), так что всё от Него и не от ничего, в чем бы воля Его не была всемогуша. «Всё по изволению Его воли» (Еф. 1,11); «Он делает, чего хочет душа Его» (Иов 23,13); «Нет мудрости и нет разума и нет совета вопреки Господу» (Прем. Сол. 21,30).

Но в то же время надо иметь в виду, что Господь правит наделенными разумом тварями, не нарушая их свободной воли. Стало быть, они могут противопоставлять Его воле свою, так что может даже казаться, что они вправду противодействуют ей. Но в действительности, как сопротивление одних, так и послушание других, от века известны Ему, и в Своих предначертаниях Он учитывает и то, и другое. В необозримых сокровищах Его всеустрояющей Премудрости всегда заключена возможность претворять легко и свободно препятствия в средства спасения и использовать на наше благо все козни, замышляемые людьми и адскими силами, чтобы привести нас к гибели. «Мой совет состоится», говорит Господь устами пророка, «И всё, что угодно Мне, Я сделаю» (Исаии 46,10). Что бы люди ни делали, всё равно воля Господня свершится: Он допускает их действовать по их усмотрению, но за Собой оставляет воздавать каждому по делам его. И все средства, к которым люди при-

бегают, дабы уклониться от предначертаний Его, Он использует неизменно так, чтобы всё сбылось по Его воле.

Так чего же опасаться, сын мой? Как дети должны мы уповать на Отца нашего, преисполненного благодати, любящего нас, желающего нашего спасения и премудрыми путями Своими ведущего нас к добру.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

УПОВАНИЕ (продолжение). ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ.

«Мои мысли — не ваши мысли, и ваши пути — не пути Мои», говорит Господь, «но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших и мысли Мои — выше мыслей ваших» (Исх. 55,7-8). Отсюда проистекают неисчисляемые недоразумения между Провидением и человеком, недостаточно богатым верой и самоотречением.

Сын мой, остановимся на четырех особо характерных случаях:

1. Провидение держится как бы в тени, предоставляя нам верить, тогда как мы хотели бы видеть. Господь скрывает Себя за так называемыми «вторичными причинами» или побочными обстоятельствами; чем больше эти последние выступают вперед, тем сокровеннее Он становится для нас. Без Него они ничего не могут, их без Него не было бы вовсе; но зная это, мы всё же, вместо того, чтобы во всём восходить до Него, до Первопричины, в заблуждении нашем останавливаемся на внешней стороне явлений, приятных нам или досадных и окутанных, в большей или меньшей степени, тайной.

Господь не открывает нам, какую именно цель Он преследует в каждом отдельном случае, какими путями Он нас ведет к ней и какая часть пути уже пройдена. Но да-

лекие от слепого упования на Бога, мы хотели бы знать всё это и почти что требуем от Него объяснений. Но разве малое дитя беспокоит желание узнать, куда ведет его мать, почему она дала предпочтение тому, а не иному пути? И разве больной не доходит в своем доверии до того, что здоровье свое и всю жизнь свою отдает в руки врача? А ведь это только человек, внушающий доверие своим усердием, знанием и искусством. Не должны ли мы бесконечно больше уповать на Бога, Врача всемогущего и Спасителя несравненного?

Но всё-таки, когда нас охватывает мрак и когда мы чувствуем себя потерянными, как хочется нам увидеть луч света! О если бы мы могли знать тогда, что благодать Божия действует в нас и что всё протекает, как должно! Но, обычно, мы не можем отдать себе отчета в том, что именно творит божественный Устроитель, пока дело Его не закончено. Господу угодно, чтобы мы довольствовались чистой верой, чтобы мы уповали на Него в полном мраке со спокойным сердцем. Сын мой, тут кроется первая причина наших страданий!

2. Провидение имеет другие виды, чем мы, как в отношении цели, так и средств ее достижения. Пока мы не утратим совершенно духа века сего, нам всегда будет хотеться обрести небо здесь на земле или хотя бы продвигаться к нему путем, усыпанным цветами. Поэтому и ценим мы выше меры уважение добрых людей, любовь наших близких, благочестивые радости и внутренний мир, поэтому так склонны бываем остерегаться унижений, препятствий, болезней и испытаний всякого рода. Утешения и успехи представляются нам более или менее наградой за добродетели, сухость и всяческие напасти — карой за грехи и пороки; нередко мы даже удивляемся, наблюдая благоденствие злых в этом мире и страдания, которым подвергаются праведные.

Но в намерения Господни, наоборот, отнюдь не входит даровать нам рай на земле: Он только дает нам заслужить его здесь и притом наилучшим образом. Если грешники

упорно добиваются своей гибели, нужно всё-таки, чтобы им во времени доставались награды за то малое добро, которое они делают. Что же касается избранных, то награда ждет их на небе, и для них самое важное, ожидая ее, очищаться, освящаться и обогащаться заслугами. Как хороши для этого испытания! Внимая одной Своей строгой и премудрой любви, Господь уподобляет нас Иисусу Распятому, чтобы мы вошли в Царство Христово во славе Его. Кому неведомы, к тому же, заповеди блаженства, данные божественным Учителем? Поэтому крест и является даром, который Он всего охотнее уготовляет друзьям. «Созерцай Мою исполненную страданиями жизнь», говорит Господь святой Терезе Авильской, «уверься в том, что кого Отец Мой любит больше всего, тому Он посылает и больше крестов; мерой любви Его является и мера страданий, которые Он ниспосылает. Что может лучше свидетельствовать о Моем благоволении, как не то, что я желаю для вас того же, что желал для Себя?» Сын мой, как божественно премудры слова сии, но как плохо их понимают! В этом вторая причина тех недоразумений, о которых мы говорим.

3. Провидение наносит жестокие удары, и природа наша жалуется. Страсти в нас кипят, гордость нас смущает, воля наша дает себя совращать. Глубоко пораженные грехом, мы похожи на страдающего гангреной конечности. Ясно, как день, что спасти может только нож, но не хватает мужества самому за него взяться. Господь же, любви которого неведома слабость, приходит нам на помощь, Он посылает нам непредвиденные трудности, свертывает нас в состояние одиночества, подвергает нас унижениям, посылает нам потери и болезни. Но всё это не более как орудия в руках врача, которыми он вызывает пораженную гангреной конечность, перетягивает ее и режет, заходя глубоко в живое мясо. Природа вопиет, но Господь не внимает, ибо Его суровое лечение приводит к выздоровлению. Эти боли, извне приходящие, посылаются нам, чтобы сломить то, что вздымается из-

нутри, чтобы вернуть в рамки заблуждающуюся свободу, обуздать клокочущие страсти. Вот почему мы сталкиваемся с препятствиями, вот почему мы страдаем от колючих шипов, не услаждаемся желанным покоем, а наши настоятели требуют от нас нередко того, что противно нашим желаниям; вот почему наша природа так немощна, наши дела так докучны, люди так несправедливы и непостоянны. И справа, и слева нас осаждают препятствия, но всё это для того, чтобы чрезмерно свободная воля, со всех сторон стесненная и отягченная, отказавшись в конце-концов от самой себя, не искала ничего больше, кроме воли Господней. Но она отказывается умирать, и в этом, сын мой, третья причина всё тех же недоразумений.

4. Провидение прибегает всегда к средствам, смущающим нас. Пути Господни неисповедимы: не нам постигать предназначения Его и познавать пути, избранные Господом, чтобы дать им исполниться. Господь начинает с того, что обращает в ничто тех, кому Он доверяет исполнить что-либо: смерть — обычный путь, которым Он ведет к жизни. Тот, кто переживает это, не понимает, что с ним происходит. Кроме того, остается непонятным, каким образом такое действие Божие может способствовать благу верных Ему. Этого мы просто не представляем себе и часто усматриваем даже совсем обратное. Однако, воздадим хвалу божественной премудрости: будем совершенно уверены в том, что даже препятствия служат Господу средствами, ведущими к цели, и что из всех бед, попускаемых Им, всегда удастся извлечь благо, которое Он имеет в виду, то-есть преуспевание Церкви и благо душ наших во славу Отца нашего.

Итак, мой сын, рассматривая всё это в свете Христовом, мы приходим к заключению, что страдания в этом мире отнюдь не страдания, а блага земные — вовсе не блага. Бывают несчастья, которые Провидение посылает нам для нашего блага, и успехи, которыми Оно нас карает.

Приведем хоть несколько примеров, чтобы подвести итог всему сказанному об этих истинах.

Бог обещал Аврааму что он делается отцом множества народов и что о семени его благословятся все племена земные И вот, после этого, Господь велит ему взять сына своего, рожденного по обетованию, и принести его в жертву. Что же, или забыл Бог слово Свое? Конечно нет: Он хочет лишь испытать веру раба Своего и остановит во-время его простертую руку.

Бог predetermined поставил Иосифа над всей землей Египетской, но начинает с того, что делает его жертвой злого умысла братьев. Они бросают бедного юношу в ров; его уводят в Египет и продают там в рабство; годами он прозябает в темнице; кажется, что всё уже пропало, а между тем именно этим путем рука Господа вела Иосифа к славе.

На Гедеона падает чудесное избрание освободить землю от Мадиянитян. Наспех набирает он воинов, и на каждого из них приходится более четырех врагов. Но Господь, вместо того, чтобы умножить их число, отсылает большинство из них и оставляет Гедеону лишь три сотни. Дав каждому по трубе в руку, а в трубу — по кувшину — и в кувшин по светильнику, Господь ведет их, как кажется, на убой, но в самом деле на полную победу. Однако, оставим Ветхий Завет.

После входа Господня в Иерусалим, когда народ, постилая одежды и ветви по пути Его, восклицал: Осанна! — Иуда предал Спасителя. Всеми был предан Господь, всё от Него отреклось, Его судили, ударяли по ланитам, бичевали, подвергали насмешкам и предали на распятие. Неужели так дает Бог в наследие Сыну Своему все пределы земные во владение? Ад торжествует победу, всё кажется потерянным. Но нет, всё это дарует нам спасение. Чтобы посрамить сильных, Господь избирает слабых Своих учеников, простых, несведущих рыбаков, Он посылает научить все народы: сами по себе — они ничто, но Он с ними во все дни.

Он допускает затем, три века подряд, гонения на Церковь, которые никогда не прекратятся совсем. Но они не

разрушают Церковь, а обновляют ее, и на крови мучеников, даже в наше время, преуспевают христианство.

Да, мнутся народы и восстают цари земные против Господа, но, в избранное им время, Сын Плотника Галилейского, всегда победоносный, сразит их, и они предстанут на суд Его. И ныне, когда не видно конца замешательствам, охватившим всю нашу планету, Крест с Его непобедимой силой остается твердо стоять на развалинах тронов и царств, входящих в пропасть забвения.

Такими средствами пользуется Господь, чтобы спасти тот или иной народ, привести в смятение толпы людские или вызвать к жизни монашеские общежития. Когда Франция находится на краю гибели, не мощному войску поверил Господь ее спасение, но призвал дитя, невинное дитя, пастушку, мирно пасшую овец. Но это слабое существо освободило страну и ввело короля в священный город, где он был миропомазан.

А сколько поучительных примеров можно привести из истории монашества. Когда создавались новые обители, всевозможные бедствия обрушивались на них с первых же шагов их жизни. Начинались гонения, болезни, поветрия. Уцелевших иноков брало сомнение: будут ли у них еще преемники? Не хочет ли рука Провидения воспрепятствовать их благим намерениям? Но нет, это только так казалось. На самом деле им был уготован полный успех. Но пути Господни не наши. Он испытывает призванных, очищает их, а затем устрояет их дела, чтобы выстроить для пчел своих достойный улей.

Таковыми же суровыми путями, порой приводящими нас в замешательство, Господь следует и для отдельных душ. Возьмем для примера хотя бы св. Бернарда, возлюбившего пустыню, где всё исполнено благодатным присутствием Божиим. Он молил Господа лишь об одном: провести в уединении остаток своих дней. Но увы! не раз отрывала его воля Господня от монастырских подвигов, бросая в самую гущу мира, к которому он питал отвращение, возлагая на него дела, чуждые его монашескому

призванию и противные его стремлению жить в блаженном одиночестве. «Моя жизнь стала страшной», восклицал он. «Я монах по одежде, но уже давно перестал жить монахом. О Господи, тучше бы мне умереть, но умереть среди моих братьев». Но Господь не исполнил тогда его молитвы, и ныне мы благословляем Бога за это. Ибо святому Бернарду суждено было стать советником Первосвященников, умиротворителем царей, учителем народов; он положил конец расколу, подавил ересь и проповедал крестовый поход. Среди всех этих подвигов и треволнений, он оставался неизменно смиренным, храня внутреннее одиночество и все добродетели совершенного монаха, и вернулся в свой монастырь, ведя за собой не мало учеников.

Возьмем еще пример святого Петра Целестина. В своем пустынножительстве, в диких Аbruцких горах, он основал орден Бенедиктинцев-отшельников, которых, после его смерти, стали называть «целестинцами». В возрасте семидесяти девяти лет, он был избран Папой Римским. Томясь по милому одиночеству, он скоро сложил с себя бремя власти. Господь, правда, вернул ему то, к чему он стремился, но не так, как он того ожидал: его просто ввергли в темницу. «Петр!», воззвал он тогда сам к себе, «Петр, смотри, теперь есть у тебя всё, что всегда было тебе так мило: одиночество, келья, молчание, мрак, затвор. Благослови же Господа во всякое время, ибо Он дал тебе всё, чего жаждала душа твоя, и дал тебе всё это более верным и угодным Ему способом, нежели сам ты задумал. Господу угодно, чтобы служили Ему по Его, а не по нашим мыслям».

Разве не верно, что изо дня в день рука Господня пронзает нас, имея в виду наше излечение? Смерть вырывает из наших рядов тех, на кого мы полагались; необъяснимое стечение обстоятельств искажает порою наши намерения и поступки так, что мы утрачиваем, по крайней мере частично, доверие наших настоятелей; здоровье нам изменяет; трудности изнутри возрастают, внешние угрозы

тяготееют над нами. Тогда мы взываем к Господу и хорошо поступаем. Однако, как Отец, нежно любящий, но несравненно более мудрый, чем Его дети, Он не внемлет нашим мольбам, когда они противоречат тому, что служит нам на благо. Он оставляет нас и далее пригвожденными ко кресту и помогает нам умереть для самих себя, дабы мы преисполнились новой силой веры, любви, самоотвержения и подлинной святости.

Сын мой, подводя итог сказанному, не будем никогда сомневаться в любви Господа к нам. Будем неослабно верить премудрости и всемогуществу нашего Небесного Отца. Сколько бы затруднений мы ни имели, какие бы ни угрожали события, будем молиться, исполним всё, чего требует благоразумие, примем заранее испытание, если оно угодно Богу, отдавая себя доверчиво нашему благодатному Учителю, и тогда всё, решительно всё обернется душе нашей на пользу. Препятствием из препятствий, единственно способным нарушить исполненные любви намерения Господа в отношении нас, был бы недостаток упования и послушания. Ибо Ему не угодно, вопреки нашей слабости, вынуждать нас делать что-либо. Если мы сопротивлением своим воспрепятствуем осуществлению того, что возжелало Его милосердие, в день суда последнее слово всё равно будет за Ним. Ему будет слава, а мы лишимся того преумноженного блага, которое Он хотел нам даровать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛЮБОВЬ К БОГУ.

Сын мой, являясь совершенным сыновним и любящим сообразованием человеческой воли с божественной, святая самоотдача может проистекать только из любви. Важно отметить при этом, что поскольку самоотдача представляет естественный плод любви, душа, возвысившаяся до жизни в любви, тем самым будет жить и самоотдачей. И в самом деле, любви свойственно вести человека к тесному соединению с Богом, а человеческую волю — к благоволению (попущению) Божию. Впрочем, столь совершенное сообразование предполагает еще и наличие полной отрешенности от тварного, полноту веры и упования; одна лишь святая любовь способна возвысить человека до этого состояния, но приводит она к нему совсем естественным способом.

Любовь склоняет человека к самоотдаче через полное отрешение от тварного. Повседневное осуществление самоотдачи требует, чтобы мы умерли для самих себя. Разные побуждения могут побудить к этому подвигу, но их недостаточно, чтобы довести его до конца. Для этого необходима любовь, сильная как смерть. Она достигнет цели, ибо в природе ее — всё забывать, отдавать всё без остатка и ни в чем не задерживаться на полпути. Любовь взирает лишь на Любимого, она ищет Его одного и любит только то, чему Он

благоволит. Любовь ко Христу приводит человека к полному бесстрастию; сладко ли ему приходится или горько, всё тогда становится ему безразлично; он перестает желать того, что нравится ему самому, и желает только того, что угодно Господу. С той же охотой принимается он за малое и за великое, за приятное и неприятное: тогда всё угодно Господу — благо. Такова сила любви: она ведет к небрежению всем, что нам выгодно и мило, ибо мы мыслим лишь о том, как бы угодить любимому. Святой Франциск, епископ Женевский, оставил нам в назидание проникновенные слова о любви: «Если я действительно люблю одного гольцо Учителя моего, то почему мне тогда не любить Елеонскую гору с той же силой, что гору Фаворскую, раз Он присутствует на той и на другой? Я люблю Спасителя моего в Египте, не любя самого Египта. А почему не любить мне Его и на пиру у Симона прокаженного, не любя при этом самого пира? И если я люблю Его среди всех унижений, которым Его подвергали, не любя самих унижений, почему мне не любить Его помазанным драгоценным нардом, не любя ни самого нарда, ни благоухания, которым наполнился дом?»

Любовь склоняет человека к самоотдаче, делая его веру более живой, а упование непоколебимым. Конечно, вера просветляется и сердце человеческое раскрывается упованию в той же мере, в какой рассеивается в нем туман страстей и возрастает добродетель. Стоит человеку достичь соединения с Богом в любви и взор его, обращенный на тварное, становится всё более озаренным, а внутренняя беседа с Богом — всё более задумчивой, особенно, если извела она уже, как пламенно она любит и какой несравненно большей любовью любит ее Господь, уже подвергший ее суровому и благотворному очищению. Как дитя безмятежно покоится на руках своей матери и с упованием отдает ей себя, потому что чувствует, что мать отдала ему всё свое сердце, точно так же и душа, в почтительном покое духа, вверяет себя Провидению раз она дошла уже до того, что

может сказать себе: жизнь мою, смерть мою, вечность мою, держит в руках Своих Отец мой Небесный, Жених души моей, Бог сердца моего; со мной произойдет лишь то, что угодно Ему, а угодно Ему лишь мое высшее благо, как в том, так и в этом мире. Таким путем, завершая от- решение наше от тварного, возвышая веру и упование до полного совершенства, святая любовь завершает необходимую нам подготовку к самоотдаче. Рассмотрим теперь, как она совершает это на деле.

Начнем так: совершенная любовь это мать совершенной самоотдачи. Любовь это узы, связывающие любящего воедино с любимым, тогда как ненависть разделяет то, что соединила дружба. Единство в любви прежде всего объединение двух воль. Из этого можно заключить, что сообразование человеческой воли с божественной, т. е. соединение души с Богом, соразмерно с любовью. Малая любовь дает и малое сообразование; посредственная любовь ведет лишь к посредственному сообразованию, и полноту сообразования можно достичь лишь полнотой любви. Вот почему начинающие не идут обычно дальше простой покорности, и лишь преуспевающие доходят до высшей ступени сообразования но совершенное сообразование недостижимо без совершенной любви. Сын мой, задержимся немного, чтобы уточнить эту мысль.

Ты хорошо знаешь, что конечная цель, к которой стремится любовь это соединение с Богом, ибо как сказал святой Апостол Иоанн, «пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем» (I Иоан. 4,16). Об этом говорят нам опыт и вера. Любовь приводит тварь к Богу, и Бога к твари, как бы бросая их в объятия друг друга; где нет такого порыва, там нет и любви. Когда Господь, любовно обнимая нас, прижимает нас к Своему сердцу, мы как бы растворяемся в Нем и соединяемся с Ним воедино. Но когда Бог скрывается от наших любящих взоров словно для того, чтобы мы искали Его еще более жадно, бедная душа наша, страшась, что поте-

ряла Его, бродит повсюду, вопрошая о Нем с любовной тревогой: она испытывает как бы неутолимый голод и жгучую жажду. Душе нужен Бог, ей уже не обойтись без Него; если нет Его для нее, ничто другое уже не может ее утешить, кроме разве мысли, что она угождает Ему, творя волю Его, и обретет Его вновь еще совершеннее. Ей хотелось бы обладать Им в ином мире, обладать Им, так сказать, бесконечно, чтобы любить Его и воздавать Ему хвалу. В этом чаянии, она неустанно ищет Его здесь на земле, жаждет сладостного соединения в любви в надежде, что Господу угодно будет даровать ей таковое. Тогда она будет пребывать в соединении с Богом, до тех пор — она только ищет этого соединения; но и в том и в другом случае, налицо движение любви, так сказать выводящее нас из себя, чтобы устремить нас к Богу. Соединение сердец ведет к тому, что и воли соединяются. Как только любовь к Богу охватит человека, и он отдастся Ему целиком, Господь, нераздельно владея сердцем, овладеет и волей, так что человеку будет уже невозможно ни в чем отказывать Господу Своему.

Сын мой, в горних обителях души действительно услаждаются соединением с Богом в безоблачных радостях вечно блаженной любви. Но здесь, на земле, соединение с Ним обретается много чаще на Елеонской горе, нежели на горе Фаворской. Услаждение в соединении с Ним даруется нам лишь редко и мимолетно, и обычно ему предшествует и за ним следует страдание. Любовь на земле питается страданием ради Него; лишь на небе будет питаться она услаждением. Ведь именно страдание необходимо, чтобы очищать, отрешать нас от привязанности к земному и приуготовлять душу для соединения с Богом. Нужно оно и для того, чтобы укрепить этот союз, не дать ему зачохнуть, сделать его более тесным. Одного душевного горения недостаточно для этого.

В самом деле, сын мой, любовь живет не только тем, что принимает; много больше живет она тем, что даёт: лучшей пищей ее всегда является жерт-

ва. Это мы наблюдаем и в людских отношениях: разве мать не любит больше всех то дитя, которое более других стоило ей боли и слез? Точно так же и к Богу будешь ты привязан в той только мере, в какой жертвуешь собой для Него; союз сердца и воли, скрепленный привыком к жертве, будет всегда самым прочным и, так сказать, непоколебимым союзом. Сможет ли союз, рожденный в услаждениях любви, пережить их прекращение? Может быть! Но надо, чтобы испытание утвердило его и показало его цену. Когда Господь ласкает нас, как Отец, прижимающий дитя к своему сердцу, душа приходит в волнение, трепещет, забывает себя и отдается Ему без остатка. Но самолюбие ее еще не умерщвлено; оно может найти себе тончайшую пищу в сладости подобных восторгов. Чтобы восполнить дело божественной благодати, чтобы укрепить победу над нашей природой и господство любви над ней, понадобится еще медленное и болезненное действие испытаний, и душа должна принимать их охотно. Сын мой, дадим себя распять добровольно; душа наша рождена на Голгофе и жизнь свою обретает на кресте.

Итак, ясно, что страдание представляет ту полезную пищу, в которой любовь насущно нуждается. Чем больше страданий благоволит даровать ей Господь, чем больше унижает Он ее, помогая ей ощущать свою неспособность и бесполезность, тем яснее воспримет она, что Он общается с ней и распяляет ее внутреннее горение. Божественная любовь возрастает в скорбях. Чем мучительнее скорби, тем ярче пламенеет святая любовь. Чем сильнееотягощена душа, тем явственней ощущает она пламя любви, и огонь божественных слов тем сильнее воспламеняет сердце. Нередко, по причине болезни, Господь допускает невозможность св. Причастия, а животворящий хлеб, которого она лишена, возмещает ей обильным преломлением хлеба напастей. И сознавая, что скорби — тот хлеб насущный, которым Господу угодно питать нашу душу, она просит никогда не лишать ее этой божественной пищи. Так говорили все великие подвижники: чтобы до-

стичь столь желанного соединения с Богом, они отдавали все, готовые идти за Него и в огонь, и в воду. И в то же время, они не были бесчувственны к страданиям.

Святой Франциск, епископ Женевский, приоткрыл нам тайну доблести этих любящих душ: «Если взять скорби, как гаковые, сами по себе, они ужасны. Но если посмотреть на них с точки зрения божественной воли, мы находим в них утехи, услаждение любви. Вне божественной воли, ощутима только природная горечь скорбей; но стоит узнать в них попускаемое Господом Богом, чтобы они претворялись в золото и приобретали для нас невыразимую словами цену. Когда любящая рука подносит нам горькое средство, мы с радостью принимаем его, потому что любовь в нас сильнее отвращения. Рука Господня любвеобильна в одинаковой степени и когда посылает нам скорби, и когда осыпает нас утешениями. Любящему сердцу дороже всего крестная ноша, горести и тяготы, которые попускает Господь, ибо любви свойственно побуждать любящего страдать ради любимого».

Любовь всегда и во всем оправдывает Провидение и на всех путях Его отвечает Ему неизменным согласием. Дитя Божие верит Небесному Отцу своему, оно преклоняется перед Ним, уповает на Него, но, главное, любит Его. А раз оно любит Его, то ему дорого и мило всё, от Него исходящее, даже если Провидение и обращается с ним, по видимости, сурово. Всё что посылается свыше, всё, до последних мелочей, сыновняя любовь почитает. Святой Франциск, епископ Женевский, не любил даже, когда жаловались на погоду. Слишком холодно! Слишком жарко!... Сыну Провидения не подобает так рассуждать: он должен благословлять неизменно Отеческую руку. Подобным образом действует всегда и святая любовь: за всеми кажущимися причинами, за злобой людской, за всем, что свершается, она видит только Любимого, только Бога сердца своего. Сыновней любовью, неизменно почитая Его, она лобызает Отцовскую руку, наносящую ей удары.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛЮБОВЬ К ГОСПОДУ НАШЕМУ ИИСУСУ ХРИСТУ.

Сын мой, на этом пути любви и самоотдачи, пример Господа нашего Иисуса Христа пленяет нашу волю и восхищает наше сердце. Будучи Богом, как Отец Его и как Дух Святой, нас ради сделался Он человеком. Он Бог, ставший нам Братом, Другом, Женихом наших душ; Он Бог чудесным образом ставший нам доступным. Его святая человеческая природа — это дверь, в которой мы нуждались, чтобы проникнуть в тайны Его Божества: она дает нам драгоценную поддержку, привлекает наши сердца и дарует нашей воле соразмерный с ней образец. Иисус Христос — наш Спаситель, которому мы обязаны всем. Он Господь, даровавший нам жизнь, Он — путь, которым мы должны следовать, Он — вождь, ведущий нас и питающий нас в пути, Он — конечная цель наша, единая награда, которой мы должны домогаться. Для нас Он альфа и омега, начало и конец.

Следует самым настоятельным образом советовать всем благочестивым душам уделять, в их набожных упражнениях, особое и предпочтительное место Господу нашему Иисусу Христу. Чтобы осуществить это на деле, духовные руководители призывают нас главным образом восходить по Его стопам на Голгофу и участвовать, у престола, в Его бескровной жертве. Некоторые, однако, склоняются особо к почитанию Сердца Христова или Его свято-

го Младенчества. Существенно во всём этом — частое созерцание Господа нашего Иисуса Христа, помогающее нам любить Его, повиноваться Ему и подражать Его примеру. Далее всякий волен следовать своему особому влечению и искать благого Наставника там, где найти ему Господа всего легче. В каждой тайне Христовой заключено всё, что надо, чтобы удовлетворить самым разнообразным стремлениям и потребностям: всегда Господь является нам как жертва, идущая добровольно на заклание. Он, Чья жизнь была сплошным мучением, зовет и нас на страдания.

Святая Тереза Лизьезская просила Христа-Младенца обращаться с ней не как с дорогой игрушкой, на которую дети только смотрят, не решаясь ее трогать, но как с простым мячиком, который Он мог бы бросать на пол, протыкать, забывать в углу или — если Ему угодно — прижимать к Своему сердцу. Она хотела забавлять Младенца и служить Его детским прихотям. Трудно выразить более образно жажду жертвенности, которая ее вдохновляла, и желание умереть для самой себя.

Страсти Господни привлекают всего больше сердца. Святой Бернард тому яркий пример. Вот что написал он нам в назидание: «С самого моего обращения, чтобы возмещать заслуги, недостававшие мне, я положил на свое сердце пучок мирры, составленный из всех мучений и скорбей Спасителя нашего. Я включил туда все лишения, которым Он с детства подвергался, все труды, которые Он нес в земной жизни во время Своей проповеди, всю усталость, которой подвергал Он Себя во время Своих странствий, все Его молитвенные бдения, искушения и посты, слезы Его сострадания, козни врагов, хотевших уловить Его на словах, измену ложных друзей, плевки, заушения, насмешки, оскорбления, распятие и все прочие мучения, о коих нам повествует Евангелие, — всё, что Он выстрадал ради нашего спасения... Никому не отнять у меня этого пучка, всегда он будет храниться у меня на сердце. И я понял, что мудрость состоит в размышлении

обо всём этом, и в нем я стал искать преуспевания в праведности, полноты знания, спасительного богатства духовного и изобилия заслуг. Оттуда же изливаются на меня и духовные утешения. Вот, что поддерживает меня в напастях, вот, что служит мне опорой в благоденствии, вот, что ведет меня царственным путем в житейских радостях и печалях, вот, что отстраняет беды, угрожающие мне то с той, то с другой стороны... Вот почему страдания Господни так часто у меня на устах — об этом знаете вы; и они всегда в моем сердце — Господь ведаёт об этом; мои писания исполнены ими — это явно для всех. Для меня нет возвышенной премудрости здесь на земле, чем познание Иисуса Христа, за нас распятого».

Однажды Господь показал святой Гемме пять Своих зияющих ран и сказал ей: «Взгляни, дочь моя, и учись, как надо любить. Видишь ли Ты этот крест, эти гвозди и шипы, эти раны, эти кровавые борозды? Всё это — дело любви, любви безграничной. Вот до чего возлюбил я тебя. Хочешь ли ты Меня взаправду любить? Тогда научись сначала страдать: страдание учит любви». Вид окровавленного Спасителя возбудил в ней дух жертвенности и желание пострадать для Того, Который столько выстрадал ради нее. Она сняла с себя все свои драгоценности: «Тернии и крест — единственные драгоценности в уборе Христовой невесты». «Я хочу страдать с Господом Иисусом», говорила она: «Я хочу походить на Него, хочу страдать, пока я жива». Ангел-хранитель предложил ей на выбор венец из лилий и терновый венец. «Хочу Иисусов венец, он один мне угоден», отвечала она и, покрыв поцелуями, прижала его к сердцу. И в длительных напастях, посетивших ее, она обращалась к Господу со словами: «С Тобою так сладко страдать».

Сын мой, ведь Господь наш Иисус Христос действительно Спаситель мира. Он воодушевляет жертвенные сердца; Он воспламеняет в них ревность о душах, которые губят себя, ревность ради Любимого. Которому так плохо служат и Которого так оскорбляют. Он привлекает их к уча-

стию в спасении души, в искуплении, продолжающем Его жертву. Господь жалуется святой Гемме на всеобщую злобу, неблагодарность, безразличие к Нему: Его совсем позабыли, словно Он никогда не любил, никогда не страдал, словно Он всем неизвестен. Грешники всё так же упорствуют во зле, души не горячие, а лишь теплые ничего не желают делать для Него; скорбящие же приходят в уныние. В храмах, Он почти покинут. Ему нужна громадная искупительная жертва, в особенности за грехи и кощунства, которыми оскорбляют Его души, избранные им среди тысяч. Святая Гемма с радостью отдает себя в жертву любви. «Я жертва», говорила она, «а Господь Иисус Жрец. Страдать, страдать, но без всякого утешения, без облегчения, страдать из одной только любви! Для меня достаточно быть только жертвой Господа Иисуса во искупление моих бесчисленных грехов, а если возможно, то и грехов всего мира». Сын мой, все великие души, которые Господь привлекает к делу искупления, бывают отмечены печатью креста. Все они вместе как бы восполняют Его человеческую природу, чтобы Он мог и дальше страдать ради славы Отца и ради Своей Церкви. мог продолжать здесь, на земле, жизнь, посвященную искуплению, жертве и хвале Отцу.

Другая избранная душа, отмеченная особой благодатью, сказала однажды: «В наше время гонений, когда Христос созывает Своих невест на Голгофу, я не мечтаю о смерти. Нет, я хочу взойти со Христом на Голгофу, хочу страдать вместе с Ним и ради Него, а когда придет час Его славной победы, о да, тогда я буду счастлива соединить себя с Ним! Иисусе мой, для Тебя хочу я страдать; Иисусе мой, для Тебя хочу умереть, умереть без всякого утешения. Но до этого, Иисусе мой, я хочу жить неведомой и презираемой. Чтобы утешать Тебя, Иисусе мой, и чтобы привлекать к Тебе души, я хочу забыть о себе, отречься от себя, принести себя в жертву. Я не люблю страдания, Иисусе мой. Ты хорошо это знаешь; когда оно настает, моя природа нередко противится. Но, в глубине души я

всегда рада пострадать за Тебя; дай мне сердца всех людей, не любящих Тебя, и я посвящу их чистой любви!»

Святая Тереза Лизьезская жалела, что не может быть священником и давать душам Христово Причастие. Она хотела бы просвещать людей, подобно учителям Церкви, и проповедовать Евангелие во всем мире. Но больше всего желала она для себя мученичества, всех видов мученичества. «Как и Ты, обожаемый Жених мой, я хотела бы, чтобы меня бичевали и распяли... Я хотела бы умереть с содранной кожей, как святой Варфоломей. Я хотела бы, чтобы меня погрузили в кипящее масло, как святого Апостола Иоанна. Я хотела бы, чтобы звери растерзали меня, как святого Игнатия Богоносца, дабы стать хлебом, достойным Господа. Вместе со святой Агнией и со святой Цецилией, я хотела бы подставить свою шею под меч палача. Как святая Иоанна, я хотела бы, на пылающем костре, шептать Имя Христово!» Но Господь решил о ней иначе, и призванием ее стала любовь. Она выражала ее Ему не упуская ни малейшей жертвы, ни одного взгляда, ни одного слова, пользуясь самыми незначительными случаями, всё делая из любви, страдая из любви и даже радуясь из любви.

Сын мой, когда самоотдачу свою ты претворяешь в дела, да вдохновляют и тебя столь же возвышенные чувства! Да будет сие благоприятно Господу нашему! Как видишь, великие души, о которых я упомянул, приносили себя в жертву, а иногда и сами испрашивали себе страдания у Господа. Но мы уже говорили о том, что следует думать об этом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОДРАЖАНИЕ СПАСИТЕЛЮ НАШЕМУ.

Сын мой, ничто так не располагает к самоотдаче душу, охваченную любовью к Господу нашему Иисусу Христу, как желание следовать во всем примеру возлюбленного Учителя. Всё в Нем ей мило. Ему одному хочет она угождать и стремится, следовательно, подражать Ему во всем. А ведь вся жизнь Его была сплошным послушанием и самоотдачей!

Господь Иисус Христос пришел в мир прежде всего ради Своего Отца. Ревность о славе Его преисполняла Христа: Отец был конечной целью Его жертвы. Поэтому Он и говорит, обращаясь к Отцу: «Вот Я иду исполнить волю Твою, Боже» (Евр. 10,9).

Ты скажешь, может быть: а разве Он не пришел, чтобы проповедовать, трудиться, страдать, умереть, победить ад, создать Церковь Свою и крестом спасти мир? Да, верно, всё это было Его задачей. Он хотел исполнить всё это, до последней йоты. Он желал этого всей Своей волей, всем сердцем... Но хотел Он этого только потому, что такова была вечная воля Отца. Она одна побуждала Его. Конечно, Он видел всё остальное, но на нее одну смотрел Он всегда, о ней одной говорил Он и от нее одной Он зависел. Эта божественная воля была всем для Него: она была и начало, и конец, и причина, и свет, и поддержка, и жилище, и пища, и награда за труд Его жизни. В ней Он

закрывает Себя. И творя столько возвышенных неслыханных, сверхчеловеческих дел, Он творил в сущности нечто столь простое, что и малые дети могут Ему подражать: Он творил волю Отца Своего Небесного; ей предавал Он себя безоговорочно, живя в полной самоотдаче.

Это послушание и эта самоотдача проистекали из любви Сына к Отцу: здесь мы находим полноту самоотдачи, ибо здесь была и полнота любви: любви сыновней, уповающей, бескорыстной, жертвенной, безоговорочной; любви, исполненной благодарности за все блага, которые Сын принял в Своем святом человеческом естестве; любви, исполненной рвения, самоотречения и смирения. Как жертва, принявшая на Себя грехи мира, Господь наш Иисус Христос считал, что все кары Ему причитались, и готов был принять любое страдание, чтобы восстановить славу Отца Своего и привести к Нему Его заблудших, но столь нежно любимых детей.

Любовь Его всегда была сыновней и даже просто — детскою. В самом деле, Господь наш Иисус Христос, наш Спаситель, Предвечный Сын Божий, Бог столь же истинный, как и Отец Его, по Своему человеческому естеству всегда был только Дитятей. Таковым было Ему угодно явиться сначала даже нашему взору; но для Отца Своего, для Бога, для Своего собственного Божества, Он был и всегда будет Дитятей. Всем в мире правит Его человеческое естество, серафимы ему поклоняются, весь мир его славит, оно господствует над царями земными, народы даны ему в наследие, ангелы — вестники его... Оно — Царица, как Бог — Царь. А между тем — оно лишь дитя, дитя кратковременно жившее, дитя, не имеющее от самого себя ни мысли, ни слова, ни движения, ни жизни, дитя, сокрытое в родительских объятиях, несомое на руках, подвластное бесконечной Любви Божией, которая ей и мать, и отец.

Этому то и подражает отдававшаяся Богу душа. Ибо раз Господь нам Отец, то что значат в отношении Его и возраст, и рост, и поведение наши? Будь ты самим Апостолом

Павлом, или самим Апостолом Петром, или иным величайшим из святых, был ли бы ты от этого великим перед Богом?

Если бы мы могли проследить всю жизнь Господа нашего Иисуса Христа до последних мелочей, то всюду бы нашли в ней, неизменно, любовь, покорность и доверие. Вот, сын мой, несколько примеров этому, заимствованных у св. Франциска, епископа Женевского.

«Взгляните», говорит он, «на Младенца Иисуса, лежащего в яслях; Он принимает бедность, наготу, соседство животных, непогоду, холод, вообще всё, что посылает Ему Господь. Нигде не сказано, что Он тянулся к груди Своей Матери, но от Ее утешений Он не отказывался. Он принимал услуги Иосифа, принимал поклонение волхвов и пастухов, и всё это делал с одинаковым бесстрашием. Следовательно, и мы не должны ничего желать и ни от чего не отказываться, но должны страдать и принимать одинаково всё, что допустит Провидение».

«Если бы кроткого Иисуса-Младенца, несомого на руках Матери, спросили, куда Он идет, разве не имел Он основания ответить: «Не Я иду, а Моя Мать идет за Меня!» А если бы Его спросили: «Но всё-таки, разве Ты не идешь со Своей Матерью?», Он опять имел бы право сказать: «Нет, Я отнюдь не иду; или если Я иду туда, куда несет Меня Моя Мать, то Я иду не Своими шагами, а шагами Матери. И как Моя Мать идет за Меня, так и желает Она за Меня; Я предоставляю Ей в одинаковой мере и желать, и ходить за Меня. Ее воли хватает и для Нее, и для Меня, так что Мне Самому не надо желать ни идти вперед, ни вернуться назад. Я не смотрю на то, как идет Она, скоро ли, медленно ли, тем или другим путем, Я не забочусь о том, куда Она хочет идти, а довольствуюсь тем, что Я у Нее на руках и держу Ее за шею».

Когда Святое Семейство бежало в Египет, Господь Иисус Христос, Премудрость Предвечная, владевший разумом в совершенстве, не предупреждал Иосифа и Мать Свою о том, что должно с ними совершиться. Всё попе-

чение о Святом Семействе был вверено Отцом Небесным Архангелу Гавриилу, возвестившему тайну Воплощения, и Всемогущий Младенец предоставлял Ему всю заботу об этом. Кроткий и смиренный сердцем, Он давал нести Себя, куда угодно, отдаваясь покорно рукам ангела, не обладавшего Его Верховной Премудростью.

Существует благочестивое предание, что работая в мастерской Иосифа в годы Своей сокровенной жизни, Господь наш выделывал крестики и дарил их Своим друзьям. «Снедаемый ревностью по дому Отца Своего, по Церкви и душам», пишет св. Франциск, епископ Женевский, «Он испытывал томление в ожидании часа Своего крещения кровью и Своей смерти, долженствующей освободить нас от вечной смерти. И тем не менее, в Гефсиманском Саду, Он пережил приступы страха и скорби смертельной. Из любви к нам, испытал Он их добровольно, хотя мог бы от них избавиться. Тоска порождала в Нем ужас перед смертью, но любовь порождала желание умереть, и в борении между этим желанием и этим отвращением Он обливался кровавым потом, струившимся на землю, как из ключа. Но в любящей самоотдаче Он не переставал повторять: «Отче, не Моя, но Твоя воля да будет». И потому Он дал взять Себя и вести по воле тех, которые намеревались распять Его, и с поразительной покорностью отдал тело Свое и жизнь Свою в их руки. И совершенно так же, с совершенным безразличием, предал Он Свою душу и волю в руки Вечного Отца Своего».

Но высшая скорбь, страшнейшая из всех, ждала Его «на кресте, когда Он, всё отдав Отцу в послушании, был Им словно оставлен... Но, чтобы дать нам пример того, что мы можем и должны делать, когда одолевают нас страдания, Он вознес сыновне жалобу Отцу Своему: «Боже мой, для чего Ты Меня оставил?», добавив тотчас же от всего сердца в полном любви подчинении: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Таким образом и Отцу Своему, и нам Господь дал высшее доказательство любви, умирая в любви, из-за любви и ради любви. И Он научил

нас, во всех случаях, когда скорбь нас одолевает и мы не можем противиться ей, предавать наш дух в руки Того, Кто наш истинный Отец, и склоняться перед тем, что Он попускает, отдавая нашу волю Его благоволению».

Этот пример самоотдачи, подобной самоотдаче младенца, Господу угодно было распространить на все виды испытаний. «В Своем общественном служении, Он претерпел несказанно много: Его судили, как преступника против Божиих и человеческих законов, Его били, бичевали, истязали, над ним надругались постыднейшим образом; Он претерпел физически, умирая в самых жестоких мучениях; Он претерпел и духовно, страдая от тоски, страха, ужаса и скорби, оставленности и подавленности, равных которым никогда не было и не будет». И всё это Он принимал на Себя вполне добровольно. Хотя дух Его и наслаждался всей полнотой вечного блаженства, любовь не позволяла Ему распространять эти наслаждения на Его человеческую природу, оставляя Его сердце целиком во власти печали и скорби.

Сын мой, тебе ясно теперь, что Господь наш Иисус Христос указал нам на примере, как надо, ничего не отвергая, принимать бесчисленные испытания как физического, так и духовного порядка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ПРЕВОСХОДСТВО И ПЛОДЫ ЧИСТОЙ
И СОВЕРШЕННОЙ САМООТДАЧИ.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕВОСХОДСТВО ЧИСТОЙ И СОВЕРШЕННОЙ САМООТДАЧИ.

Сын мой, превосходство чистой и совершенной самоотдачи заключается прежде всего в той несравненной силе, которая позволяет ей устранять всё, что мешает благодати; затем в том, что она побуждает нас претворять в дело, совершеннейшим образом, самые возвышенные добродетели, и, наконец, в полном господстве Божиим над человеческой волей, которое она устанавливает.

После всего сказанного до сих пор, тебе должно быть уже ясно, что ни проистекающее из упования сообразование человеческой воли с божественной, ни, в особенности, порождаемая страхом простая покорность судьбе до таких высот не восходят, хотя, конечно, и они имеют немалую ценность. Но мы говорим здесь не о них, а о производимой святой любовью совершенном сообразовании уповающей и сыновней человеческой воли с волей божественной.

Итак, сын мой, такое совершенное сообразование действительно необходимо и одно лишь способно устранить всё то, что может мешать в нас действию благодати Господней. Вот, что повествует об этом житие блаженного Сузо.

Как-то раз, после утрени, блаженный Сузо был восхищен

духом. Он увидел дивного юношу, сходящего с неба и гласящего: «Долгое время ты посещал начальную школу и многому в ней научился. А теперь, я отведу тебя в наивысшую школу, какая только возможна на свете».

— Чему обучают в этой столь желанной школе?

— В ней обучают науке совершенной самоотдачи. Это значит, что там обучают человека такому самоотречению, что во всех случаях, когда благоволение Божие себя ясно обнаруживает, он стремится лишь к тому, чтобы оставаться спокойным и ровным, отрекаясь от себя во всей доступной человеческой немощи мере. Человек должен дойти до того, чтобы искать только честь и славу Божию, став в отношении Бога таким же, каким был Господь наш Иисус Христос в отношении Небесного Отца Своего.

Придя в себя после видения, блаженный подвижник погрузился в размышление. И он понял тогда, что несмотря на то, что он уже много лет упражнялся во всех добродетелях и так жестоко мучил свое тело, что в дрожь бросает от одной мысли о том, он еще нуждается в высшей науке. «Загляни хорошенько в самого себя», заключил он, «и ты увидишь тогда, как много в тебе еще своеволия; ты заметишь, что при всех умерщвляющих подвигах, каким ты себя подвергаешь, ты не пришел еще к тому, чтобы сносить внешние противодействия. Ты, как заяц в кустах, пугаешься шелеста листвы. Ты, как он, страшишься напастей, которые с тобой приключаются; ты бледнеешь, слышав противоречие; ты бежишь, опасаясь не устоять против них; ты скрываешься, когда тебе надо предстать перед людьми; когда тебя хвалят, ты счастлив; ты грустишь, когда тебя порицают. Нет, и вправду ты нуждаешься в высшей школе».

Сын мой, речь идет тут о душе, смело продвигавшейся на пути святости. А между тем, в ней оставалось еще много человеческих слабостей, больше даже, чем она предполагала. Сколько же душ, менее достойных, нуждаются в том, чтобы ангел указал им на зло и научил их, как надлежит с ним бороться!

Мы знаем, конечно, что зло гнездится в нас самих, в нашей привязанности к самим себе и, следовательно, в нашей гордости и чувственности, дающих злу разнообразные выражения. Но на деле, мы далеки от познания самих себя и, весьма часто, весь кишачий в нас мир страстей, слабостей, привязанностей и дурных стремлений так и оставался бы для нас скрытым плотной завесой и не привлекал бы нашего внимания, если бы Провидение, по временам, не открывало нам глаза посредством унижения или другого, мудро выбранного испытания. Тогда завеса раздвигается, и мы начинаем созерцать дотоле остававшееся нам скрытым, но что другие — увы! — может быть, часто замечали. Но нередко бывает, что даже осознав зло, мы не знаем, каким средством надо его исправить.

Мы склонны щадить себя. Но Провидение не проявляет к нам такой неразумной снисходительности.. «До сих пор», сказал ангел блаженному Сузо, «ты бичевал себя своими собственными руками, переставая, когда хотел, из сострадания к себе. Теперь же я оторву тебя от самого себя и брошу беззащитного в руки других, которые будут тебя терзать. Они будут делать это, поскольку я им позволю, но тебе будет казаться, что они беспощадны. Ты потеряешь твое доброе имя, подвергнешься презрению ослепленных людей и будешь страдать больше, чем от тех ран, которые ты некогда причинял сам себе орудиями твоих умерщвляющих подвигов».

Провидение отнимает от нас как человеческие, так и духовные утешения. «Когда ты отдавался своим умерщвляющим подвигам», сказал ангел блаженному Сузо, «тогда ты был велик, и тобою восхищались. Но теперь ты будешь унижен, и тебя изничтожат... До сих пор ты был лишь балованным ребенком, ты плавал в божественных утешениях, как рыба в воде. Впредь, я отниму их от тебя; я хочу, чтобы ты был их лишен и страдал от этого лишения, чтобы ты был оставлен и Богом, и людьми».

Собственные удары направляются не всегда, куда надо;

Провидение видит лучше и ударяет там, где зло гнездится. Блаженный Сузо отличался сердечностью нрава и не тревожился этим. «Хотя ты и не раз подвергал себя жестоким пыткам», сказал ему ангел, «но по соизволению Божию ты оставался, по природе своей, нежным и любящим. Но теперь, там, где ты будешь искать любовь и верность, ты будешь находить лишь измену и скорби. Испытаний у тебя будет так много, что люди, имеющие к тебе хоть каплю любви, будут из сочувствия страдать вместе с тобою».

Гордость — наш главный порок. Чтобы покарать самих себя за нее, мы ищем повод для смирения и унижения. Некоторые полагают, что достаточно для этого милостыни или телесных умерщвлений, смиряющих, однако, тело больше, нежели духовную гордыню. Господь же, имея в виду не только кару, но и излечение наше, действует гораздо мудрее. Он дает нам искупить грех гордости тем, что противнее всего нашему высокомерию и тщеславию: презрением, на которое мы наталкиваемся, грубым приемом, который мы встречаем, унижениями, посрамлением, то есть искупительными наказаниями, особенно мучительными для нашей гордой природы, от которых мы более всего отвращаемся.

И есть еще другое великое зло: наши личные суждения и наша собственная воля. Нет такого греха или недостатка, который не проистекал бы из этого отравленного источника. А много ли на свете людей, способных сами подняться на борьбу с этим корнем духовного неблагополучия? Слишком часто, наше личное суждение избирает то или иное лекарство, и наша собственная воля берется применять лечение, тогда как, наоборот, следовало бы прежде всего пожертвовать нашим суждением и нашей волей. Но Провидение исправляет эти заблуждения и ошибки. «О, Господи, открой мне мои будущие страдания заранее, чтобы я о них знал», молился блаженный Сузо. Но Господь ответил ему: «Нет, лучше, чтобы ты не ведал о них».

И действительно, Господу угодно держать нас всегда в состоянии неведения, ибо оно исправляет наши суждения и умерщвляет нашу собственную волю. Свои намерения Господь бережно скрывает от нас; часто Он действует наперекор нашим соображениям и предположениям, не считается с тем, что нам нравится и что нас отвращает. Ничто не происходит случайно; как истинный Спаситель, столь же твердый, как мудрый и всеблагий, Господь применяет целебные средства там, где взор Его усматривает грех, нуждающийся в искуплении, или слабое место, которое следует укрепить. Наша природа жалуется, но Он всё же, с милосердной суровостью, продолжает испытывать нас доколе находит это нужным, дабы излечить нас и облагодетельствовать.

Таким образом наша свободная воля, столь нам милая и столь чувствительная, подвергается мучительной пытке, ибо она оказывается вынужденной выносить то, чего не хотела бы, и обратное тому, чего желала бы. Но Господь хочет сломить ее и сделать ее послушной. Вот почему некоторым душам приходится быть почти всегда не в том состоянии, в каком они хотели бы находиться; временами, их уделом бывает глубокий внутренний мрак во время молитвы, они лишаются озарений, которые доставляли им радость, но которые могли бы способствовать развитию их собственной воли; их не оставляют скорби и огорчения — возмездие за неумеренные радости, которые они раньше изведали, или за привязанность к тому, в чем они находили утеху; временами, они подвергаются сомнениям, страху, болезненным опасениям, но всё это служит для того, чтобы заставить их умереть для себя, признав над собой божественную волю, вопреки всем колебаниям и страхам.

Из этого, сын мой, вытекает с ясностью, что именно самоотдача завершает очищение души и отрешение ее от тварного. Верность в исполнении повседневных обязанностей, а у монахов — точное исполнение их обетов и устава, а к сему и добрые дела, которые ты творишь от

себя, приносят ветхому человеку поражение за поражением и наносят ему рану за раной. Но лишь самоотдача приканчивает его и сводит его, так сказать, в могилу. Конечно, послушание остается необходимым прежде всего: стоит ему ослабеть, и природа возьмет опять верх. Но самоотдача прибавляет к послушанию свое мощное действие; к тому же она соответствует личным потребностям каждой души. Таким образом, самоотдача приводит наши покаянные подвиги к их последнему совершенству.

Того же самого она достигает в отношении уповающей веры и божественной любви.

Именно самоотдача делает нашу веру в Провидение и наше упование на Бога действительными и всеобъемлющими; они перестают быть убеждениями разума и становятся достоянием сердца, ибо самоотдача претворяет их в жизнь последовательно в самых разнообразных положениях. Без нее они могут остаться неполными: есть много на свете такого, чему не научишься, пока не пройдешь через многократные испытания. Возьми для примера слова Христовы: «Блаженны нищие духом! Блаженны плачущие! Блаженны гонимые правды ради!» Спрашивается: обладают ли всей полнотой веры те, кто неспособны выносить бедности, страданий, преследований? Надо признать, что они или не верят Евангелию, или же верят ему только отчасти. И наоборот, верит всему, что в себе заключает Евангелие, тот, кто почитает для себя преимуществом, милостью Божией, быть в этом мире бедным, презираемым, унижаемым и преследуемым людьми.

Сын мой, именно эту уповающую, действительную и всеобъемлющую веру самоотдача доводит до ее вершин путем отречения от всего, что мы собой представляем, от всех наших личных выгод, и предания себя благоволению Божию. Ибо если при всех обстоятельствах, что бы с нами ни случилось, нам достаточно просто подумать, что такова воля Господня, чтобы тотчас же сказать АМИНЬ, не значит ли это, что наша вера в справедливость и свя-

тость Божию поистине сильна? Не может быть большей веры в благость и любовь Божию, как принимать из Его рук одинаково и горе и радости, в непоколебимой уверенности, что всё, творимое Господом нашим, есть благо, и, как Иов на гноище или на вершине благополучия, благословлять Его Имя безразлично от того, уязвляет Он нас и унижает, или осыпает нас почестями и благами. Нет большей веры, чем вера, что Господь всегда дивно устроит нашу судьбу, даже тогда, когда кажется, что Он нас уничтожает, когда Он нарушает наши лучшие замыслы, делает нас жертвами клеветы, помрачает наши молитвенные озарения, охлаждает наше рвение и наше горение, разрушает наше здоровье и повергает нас в бессилие. Сын мой, не значит ли, что мы исповедуем живейшую веру в Божие Всемогущество и Его бесконечную благость, если в любом состоянии мы соблюдаем крепкое упование и принимаем слепо всё, посылаемое Богом? Чудесной была вера Авраама в страшном его испытании. Но не менее чудесна и вера души, идущей путем самоотдачи. Ибо в отношении душ, которые отдаются Ему сами, Господь поступает почти всегда так же, как в отношении Авраама, дабы сломить их волю. Скорбями Он истребляет нашу привязанность к радостям, унижениями — нашу привязанность к почестям, оскудением духа — нашу привязанность к чувственному, духовным мраком — нашу привязанность к молитвенным озарениям. Чтобы упразднить в нас чрезмерную жажду преуспевания, Он допускает распинающие нас неудачи; чтобы упразднить нашу жажду действия, Он повергает нас в беспомощность, допуская нас сомневаться даже в нашем спасении. Но нет иного пути исповедания живой веры и упования, кроме пути самоотдачи, при которой, предавая себя божественной воле, мы верим тому, что представляется наименее вероятным, т. е. что Господь действует нам на пользу, разрушая наши начинания, что Он воспитает нас, уничтожая нас, что Он просветит нас, ослепляя нас, что Он соединит нас внутренне с Собою, оставляя нас в скорби, одним словом, что

Он приведет нас к совершенству, уничтожая наши наклонности и нашу волю.

Таким образом, сын мой, самоотдача предполагает наличие живой веры и крепкого упования; она развивает их и доводит до высшей степени. То же самое можно сказать и о божественной любви.

Самоотдача позволяет любви возрастать дивным образом прежде всего благодаря совершенному отрешению от всякой привязанности. Если человек своим сердцем целиком привязан к земному, в нем нет места для любви к Богу; чем больше места занимает в нем земное, тем слабее господствует в нем божественная любовь. Христос хочет безраздельно владеть нашим сердцем и не терпит в нем Себе соперника. Итак, надо отдать всё, чтобы получить всё. Как сказал Фома Кемпийский: «оставь всё и всё приобретаешь» (Кн. 11, гл. 32). Смирение, послушание и отречение от всего позволяют человеку вступить на путь освобождения и даже значительно продвинуться на нем. Но, как уже сказано, нужно — дабы отрешение от всего достигло совершенства — чтобы самоотдача дополнила их благотворное действие. Лишь она завершает «опустошение» нашей души, в которую Любовь Божия устремляется постепенно. И когда эта Любовь не находит в душе уже больше никакого препятствия, она заполняет ее всю, преобразует ее и начинает царить в ней безраздельно.

Чистая и совершенная самоотдача не только предуготовляет пути любви Божией, но и сама уже представляет дело наисовершеннейшей любви, какой только душа может воспылать к Господу Богу; ценность ее значительно превышает ценность самоистязаний и постов. Всякий, кто отдает свое добро путем милостыни, свою кровь — бичеванием, свою пищу — постом, отдает только часть своего. Но кто отдает Богу волю свою, тот отдает Богу себя самого и дает Ему всё. «Господи, я беден, но отдаю Тебе всё, что могу», сказал святой Альфонс Лигуорийский, «отдав Тебе свою волю, я не имею уже больше ничего, что я мог бы Тебе предложить».

Такая любовь, сын мой, самая чистая и бескорыстная. Есть немало душ, охотно преломляющих хлеб с Господом, но немногие восходят вслед за Ним на Голгофу. Нетрудно любить Бога, когда Он дает обрести Себя в сладости, в горении душевном, в восхищении духа. Но много достойнее и возвышеннее забыть самого себя, предать себя целиком Господу так, чтобы быть довольным, когда доволен Господь, волю Его сделать своею даже тогда, когда не остается сомнений, что Он намерен вести нас по стопам Распятого Иисуса. Тут же наша любовь находит самое чистое, возвышенное и совершенное выражение. Если любовь к Богу измерять величиной жертвы, которую мы готовы Ему принести, то может ли быть любовь чище и больше той, какой любят души, отдавшие благоволению Божию не только свои преходящие блага, свое доброе здоровье и жизнь, но еще и самую сокровенную часть своей души и свою вечность, чтобы во всем искать лишь установленный Богом порядок и волю Его? Неужели нельзя сказать, что их любовь отрешилась вовсе от всякой корысти, раз они принесли себя в жертву, согласившись на то, чтобы Господь истреблял их во всякое время и чтобы Он сделал из их воли непрестанную жертву воли Своей?

Сын мой, к этому можно еще добавить, что, упражняясь в самоотдаче, душа упражняет себя одновременно наилучшим образом и во всех других добродетелях, так как на каждом шагу она имеет случай проявлять смирение, послушание, терпение, нестяжание и т. д., и самоотдача возводит все эти добродетели до самого высокого совершенства. Вместе со святым Франциском, епископом Женевским, мы можем сказать: «Самоотдача — добродетель добродетелей... велика сия добродетель, и она одна достойна того, чтобы ее претворяли в дела чада Божии, самые дорогие Ему».

Но если самоотдача совершенствует добродетели, она совершенствует также и соединение с Богом в любви. Здесь, на земле, оно выражается соединением духа через веру, сердца — через любовь, но, главным образом, со-

единением воли человеческой с божественной волей. Надо, чтобы послушание положило начало этому соединению и никогда не прекращалось, но завершить его может лишь чистая и совершенная самоотдача. И в самом деле, можно ли соединиться с Богом полнее, чем отдаваясь тому, что Он делает, принимая то, что Он посылает, и соглашаясь любовно на все «опустошения», которые Ему будет угодно в нас произвести? А это значит: желать всего, чего желает Господь, и желать только того, что Он желает; это значит — быть преобразованным в божественную волю; это значит — пребывать в единении с Сердцем Божиим, с Его благоволением, с Его неисповедимыми путями, которые хоть и сокрыты, но тем не менее всегда справедливы и праведны.

Сын мой, какой вид нашего соединения с Богом может быть крепче и нераздельнее? Скажи, что может на этом пути отделить душу от Бога? Неспособны на это ни голод, ни гонения, ни жизнь, ни смерть; раз душа не хочет ничего, кроме воли Божией, которую она принимает во всем без разбора, она всегда имеет всё, чего хочет, и во всем, что с ней происходит, усматривает попускаемое благоволением Божиим.

Это именно и говорит больше всего в пользу чистой и совершенной самоотдачи. В самом деле, лишь она способна соединять так нашу волю с божественной. Эта последняя есть устав и мера всякого совершенства, так что совершенство и святость человеческой воли проистекают лишь из ее сообразования с божественной волей. Таким образом, свят и совершен тот, кто дошел до того, чтобы видеть во всем руку и благоволение Божие, и кто не руководствуется ничем иным, кроме этой воли. Сын мой, но если это достигнуто, что еще остается делать, чтобы продолжать и далее возрастать в святости и в совершенстве? Ответим на это просто: надо сообразовывать нашу волю с божественной всё совершеннее, надо достичь, так сказать, единобразия ее с божественной волей, чтобы две воли стали едины, чтобы мы желали только

того, что угодно Богу, чтобы оставалась одна воля Его, а не наша. В этом вершина совершенства, и к ней мы должны неотступно стремиться. Пресвятая Богородица была самой совершенной из всех святых только потому, что Она была всегда самым совершенным образом соединена с волей Божией.

Поэтому, сын мой, если ты хочешь взойти на вершину духовной жизни, самоотдача будет для тебя наилучшим путем; никаким иным путем ты не продвинешься так быстро и так далеко. Не угодит Господу тот, кто недооценивает смирение, послушание и отречение от всего тварного! Эти основные добродетели, вместе с умной молитвой, образуют тот необходимый и верный путь, вне которого тщетно искать прочные добродетели и устойчивую самоотдачу. Сын мой, будь верен этому пути до последнего издыхания! Ибо, достигнув таким образом совершенного, т. е. сыновнего и любовного сообразования твоей воли с божественной, ты станешь, тем самым, и на путь твоего освящения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЛОДЫ ЧИСТОЙ И СОВЕРШЕННОЙ САМООТДАЧИ.

1. Тесное содружество с Богом.

Сын мой, первый плод самоотдачи, плод столь же питательный, сколь и сладостный, представляет удивительная близость к Богу, близость к Нему в уповании полном смирения.

Надо ли удивляться этому? Разве Бог не Отец наш Небесный и не сама благодать? Никто не может сравниться с Ним ни в нежности, ни в верности; Он источник безграничной любви, изливающейся в наши души. Поистине, Бог Отец любит нас безгранично, раз Он отдал нашего ради спасения Сына Своего возлюбленного. Слову воплощенному угодно было полюбить нас больше собственной жизни: разве Оно не Спаситель наш, не Друг наш, не Жених наших душ? Разве было когда-нибудь сердце более верное, нежное, милосердное, долготерпеливое, медленное на отмщение и быстрое на прощение? Велик в Своем смирении наш старший Брат и не отделяет от Себя Своих малых братьев. И разве Дух Святой, Господь Животворящий, не печется денно и ночью о душах, не приходит к ним на помощь с еще большей любовью и поспешностью, нежели мать, склоняющаяся над колыбелью

ребенка? Да, воистину, «Бог есть любовь» (I Иоан. 4,16). Когда Бог со Своими детьми, Он не взирает ни на Свое величие, ни на нашу малость, Он помнит только Отец и делает Себя совсем малым с самыми малыми, потому что Он любит их.

Святой Бернард неистовым, повествуя о сладостном содружестве некоторых душ с Господом Богом. «Учитель уступает место Возлюбленному, Царь исчезает, бледнеет величие, страх изгоняется силой любви. Как некогда Моисей говорил с Богом словно с другом, и Бог ему отвечал, так и тут между Христом и душой начинается задушевная беседа, как между двумя друзьями, обитающими под одним и тем же кровом...» «Господь тоже любит. Любовь не приходит к Нему извне, Он Сам — источник ее; Он любит с тем большей силой, что Он — Сам любовь. И тех, кого Он любит, Он уже не называет рабами, но Своими друзьями. Воззрите, как Величие Его уступает место Любви. Ибо любви свойственно не различать никого над собою и никого под собою; великих и малых она ставит на равную ногу, и все они одинаковы для нее».

Но откуда у души, беседующей с Богом, такая удивительная смелость? «Она чувствует, что любит Бога и любит Его горячо; а раз так, то она не сомневается, что и сама она так же сильно любима. Разве она не ревнует только о том, чтобы непрестанно и от всего сердца изыскивать средства угождать Богу? По своему собственному усердию и своим собственным усилиям она судит, что Господь отвечает ей такой же любовью, памятуя обещание Его: «Какою мерою мерите, такую же отмерится и вам». Больше того, она знает, что любовь Божия предшествует ее любви. По тому, что она ощущает, она судит о Боге; она не сомневается, что Он любит ее, раз сама она любит. Так оно и есть на самом деле: любовь Бога к душе производит любовь души к Богу».

Но кому доступно такое восхитительное содружество? — Любящей и покорной душе. «Любящих меня я люб-

лю», говорит нам божественная Премудрость (Прем. Сол. 8,17). Поэтому будем любить Бога и будем уверены, что и Бог нас любит; возлюбим много, ибо мы имеем обетование быть без меры любимыми. И правда, разве не та любовь подлинна, которая отдает себя, и особенно та, которая выявляет себя совершенным послушанием и сыновней самоотдачей? Господь нас заверяет: «Кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Иоан. 14,23). «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Матф. 12,50). Послушание и самоотдача дают нам, действительно, как бы родственное сходство с Тем, Кто был послушен до смерти и даже до смерти крестной. Его Пресвятая Мать походит на Него, и Она дорога Ему не только потому, что Она носила Его во чреве, но еще много больше потому, что Она лучше всех слышала Слово Божие и соблюдала Его (Лук. 11, 27-28). Каждый из нас может тоже снискать себе такое духовное родство, такое семейное сходство с нашим божественным Братом, и сходство это будет расти по мере нашего преуспевания в любви, послушании и самоотдаче. Придет день, наконец, когда, после стольких жертв, душа будет желать или не желать лишь того, чего желает или не желает Господь. Под тяжестью крестной ноши, так же, как и в радости Фаворской горы, она будет видеть лишь Бога и Его обожаемую волю; она будет всегда благоговеть перед этой божественной волей, будет соглашаться с ней, принимать ее любовно, будет всегда довольна Господом Богом, будет лобызать Его руку, даже тогда, когда она будет ее распинать, и в борении, сквозь слезы, улыбаться Ему. На ней, действительно, отдохнет очами и сердцем Господь наш Иисус Христос, как Он отдыхал, взирая на Свою благую Мать и находя в Ней состояние духа, сообразованное совершенно с Его состоянием. Бог Отец возрадуется при виде отражения Сына в такой душе, и Дух Святой будет созерцать ее с удовлетворением; Пресвятая Троица склонится над

ней, глаголя: «Сей есть сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение».

Отсюда и проистекает та простота и даже вольность в отношении к Богу, которыми преисполнены жития святых и праведников. В записях одной богоугодной инокини мы находим трогательные знаки божественной благодати к душам. Бог Отец не зовет ее иначе как «Своей маленькой девочкой» и говорит с ней так же нежно, как мать с ребенком. Господь наш Иисус Христос именует ее «Своею сестрой, дочерью, невестой». И она отвечает этой божественной любви упованием, полным смирения. «Боже мой!» восклицает она, «я верю любви Твоей, верю Твоей нежности, верю Твоему сердцу!» Такие души познают, действительно, Бога живой и проникновенной верой; но познают они Его еще и сладостным опытом. Привыкнув к столь великой любви и заботе, они смеют до того, что, исполненные любви и самоотдачи, обращаются к Троиственному Богу со словами нежности, которые не дерзнули бы сказать даже собственной матери. И Господь, конечно, не оскорбляется этим. Нет, Он даже благоволит этому, ибо Его благодать побуждает нас к этому и дозволяет поступать так и дальше. Но в то же время, чтобы предохранить данную душу от гордости и соблудности ее в полном отрешении от всего, Он временами лишает ее Своей ласки, так что ей кажется, что Он вовсе ее забыл и стал к ней безразличен. Но душа не утрачивает упования и говорит словами только что упомянутой монахини: «Отцу угодно, чтобы я была Его маленькой девочкой. В страдании, в душевных скорбях, я должна вести себя как дитя, которому мать причиняет боль, чтобы его излечить. Оно кричит, когда ему уж очень больно, но это не мешает ему тянуться к материнской груди и принимать ласки той, которая только что заставила его плакать. А потом слезы высыхают, и они нежно целуют друг друга. Так и я должна держать себя с Отцом моим Небесным».

Но что же делается с нашим смирением в такой задушевной беседе? Душа — то дает в ней свободу нежности,

то, смущенная сама своей смелостью, благоговейно поклоняется Богу сердца своего и выражает Ему свое смиренное и любовное подчинение; она погружается в созерцание своего убожества и ничтожества. К этому побуждает ее Сам всеблагий Учитель благодатью Своей; когда надо, Он напоминает ей об этом и унижении; ибо всегда, даже когда Он возвышает душу, Он следит за ее смирением. «Господи, что привлекает Тебя во мне?», говорила Ему та же монахиня. «Великое твое убожество», отвечал ей Христос, «а любовь Моя к тебе такова, что и немощи твои не могут помешать Мне осыпать тебя ласками». Господь умеет то вознести, то снова унижить, так что упование и смирение растут в душе одновременно, поддерживая друг друга взаимно.

Для святой Терезы Лизьезской смирение было одним из источников — и далеко не наименьшим! — упования на Бога. Об этом мы уже имели случай говорить. Чтобы достичь святости, она стала искать особый путь и нашла его в следующих словах божественной Премудрости: «Кто совсем мал, пусть приходит ко Мне» (Кн. Прич. Сол. 9,4 в пер. Вульгаты). Эти слова внезапно озарили ее: она стала совсем малой в сознании своей немощи и своего ничтожества и всегда оставалась таковой, стремясь прожить незамеченной и всеми забытой. Став подобной ребенку, она стремилась любить, как дитя, быть послушной, как дитя, приносить Богу все те малые жертвы, на которые дитя способно. Но и любимой она стала как дитя. Руки Христовы вознесли ее к совершенству. Конечно, она совершала и ошибки: ведь и дети иной раз падают, но в слезах бросаются матери на руки, а мать прощает и утешает их. Так решила действовать и святая Тереза. Она была чиста, но будь у нее на совести все грехи мира, она поступила бы подобно Марии Магдалине, не утрачивая своего упования. Она знала любовь и милосердие всеблагого Учителя, знала, что детское смирение не может привести к гибели, и потому сподобилась великих милостей Того, Кто Сам был «кроток и смирен сердцем» и Кто

говорил: «пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть царство небесное» (Матф. 19,14).

2. Простота и свобода.

Сын мой, являя Себя миру, Господь наш Иисус Христос обратился к Отцу Своему: «Вот иду исполнить волю Твою, Боже». Он шел проповедовать, трудиться, страдать, победить ад, основать Церковь Свою и спасти мир силой креста. В этом была Его задача. Но хотел Он всего этого только потому, что такова была вечная воля Отца. Она была Его единственным побуждением. На нее одну Он взирал, об ней одной говорил, от нее одной хотел зависеть. Творя столько великих и неслыханных дел, Он творил только волю Небесного Отца Своего.

Так же обстоит и с душой, осуществляющей самоотдачу. У неё немало обязанностей, но и в храме, и за работой, и за душевным чтением, занимаясь своими или чужими делами, на досуге или в спешке, она везде и всегда исполняет свой долг: святую волю Господню. Пусть чередуются болезнь и здоровье, душевная сухость и внутренние утешения, покой и искушения — среди всех этих разнообразных переживаний, во всем этом, она видит лишь одно: Бога сердца своего, всё направляющего и возвещающего ей через всё, что совершается, святую волю Свою. Пусть окружает ее суета людская, пусть люди одобряют, порицают, забывают ее, пусть они ее радуют или печалят — всё равно, она устремляет свое сердце горе и видит во всем неизменно Господа Бога, ведущего всех этих людей и пользующегося ими, чтобы возвещать ей так или иначе то, чего Господь от нее ожидает. Во всем она видит одного только Господа, волю Которого она обожает. Именно это придает её жизни такую простоту, такую дивную целостность. И при этом, ее постоянное устремление к Богу порождает естественно и другой бесценный плод: высокую чистоту намерений.

Чистая и совершенная самоотдача обеспечивает свободу сынов Божиих. Лишь совершенная отдача себя Богу и святой воле Его дает свободу сердцу человека и открывает ему необозримые просторы. Она одна способна на это. И правда, спросим себя, свободен ли грешник, живущий по прихоти желаний своих? Нет, он — жалкий раб; мирские страсти владеют им. Но свободен ли христианин, нетвердый в исполнении своего долга? Отнюдь нет, ибо он подвержен искушениям и считается с мнением человеческим; конечно, душа его желает добра, но тысячи препятствий преграждают ей путь к нему; он ненавидит зло, но у него не хватает силы бежать от него. А свободны ли, по крайней мере, христиане более совершенные, но еще устрояющие по собственному усмотрению свою духовную жизнь и ищущие духовных утешений? Опять так нет, потому что их души еще находятся во власти самолюбия: они поработаны им не меньше, чем светские люди своими страстями, и отсюда проистекают их непостоянство и их прихотливость и замешательство, в которое приводят их испытания. Душа человека свободна лишь в той мере, в какой умерщвлены ее страсти, укрощено ее самолюбие и гордость ее поправа. Внутреннее умерщвление начинается освобождение человека, но завершает его лишь самоотдача. Она утверждает нас окончательно в бесстрастии; она одна учит нас смотреть на блага и на напасти с точки зрения воли Божией, она одна привязывает нас к этой святой воле всей любовью, всем упованием, на которые мы только способны.

Она же дает нам свободу и в отношении временных благ и невзгод, бедствий и благоденствия. Скупость, честолюбие, сладострастие не держат нас больше в плену; унижения, страдания и лишения не пугают нас больше; сердце наше отдано одному Господу Богу, и мы готовы на всё, чтобы исполнять Его обожаемую волю.

Самоотдача делает нас свободными и в отношении людей. Поскольку мы живем одним желанием угождать Богу любовным и сыновним подчинением Ему, мнение людей

нас более не трогает; осуждения, насмешки, пренебрежение для нас уже — ничто и не способны более совратить нас с прямого пути. Одним словом, человек возвышается над миром и его заблуждениями, над соблазнами и страхами его.

Самоотдача делает нас свободными даже в отношении Самого Господа Бога. Это значит, что как бы ни вел Он отдавшуюся Ему душу — путем испытаний или утешений, приближая Себя к ней или как бы отступаясь от нее — Он всё может позволить себе в отношении к ней, ибо ничто ее не смутит и не приведет в уныние. Свобода такой души в отношении Бога состоит в том, что желая всего, что хочет Господь, не склоняясь добровольно ни в ту, ни в другую сторону и не оглядываясь на личную пользу, она согласна со всем, что может с ней случиться, ее выбор сливается с выбором Господним, и она принимает всё, что от Него исходит.

Самоотдача делает нас, наконец, свободными от самих себя, даже в делах благочестия. В самом деле, она утверждает нас в полном безразличии ко всему, кроме воли Божией. Как говорит святой Франциск, епископ Женевский, «дух не печется больше ни о чем другом, как об исполнении воли Господней», ибо сердце наше стало свободным. «Оно не привязано к утешениям и принимает скорби со всей кротостью, доступной нашей природе. Это не значит, что оно не любит утешений и не желает их, но значит, что оно от них не зависит. Не привязано оно и к духовным упражнениям, так что если болезнь или иная причина воспрепятствует их исполнению, оно не будет этим опечалено». Добровольно, оно никогда не откажется от них, но оно пренебрежет ими свободно, если только необходимость, любовь к ближнему или послушание укажут ему, что на то есть воля Божия. Точно так же не станет оно сетовать и на докучливого человека, досаждающего ему и нарушающего, например, его благочестивое созерцание. Ибо такое сердце хочет только служить Богу, и ему безразлично, служить ли Ему умной молитвой или

терпеливым отношением к ближнему и, в данном случае, терпение в отношении к ближнему будет для него соответствовать тому, чего хочет Господь. То, что происходит вопреки ему, его больше не беспокоит, и сами намерения его больше не связывают, ибо хочет оно только того, что Господь попускает Своим благоволением. Таким образом, навык к самоотдаче обеспечивает человеку «свободу любимых детей, то есть полную готовность сердца следовать осознанной воле Господней».

3. Устойчивость и уравновешенность духа.

Сын мой, весь мир, к стыду его и прискорбию, исполнен неуравновешенности духа и неустойчивости воли. Святой Франциск, епископ Женевский, отмечает, что корень всего зла в том, что большинство людей дает над собою волю страстям. Они хотели бы избежать затруднений, препятствий и горестей всякого рода, но именно непостоянство и неустойчивость порождают все земные невзгоды. Поэтому люди радуются, если случается то, чего им хочется, и огорчаются, встретив неожиданное препятствие. Посмотри на себя: сегодня ты приободрился, потому что нашел радость в умной молитве, но завтра тебя постигнет духовная сухость, и ты будешь подавлен. Сейчас ты хочешь одного, но вскоре захочешь другого. Данное лицо тебе приятно сегодня, но завтра ты с трудом будешь его выносить. Ты, может быть, горишь теперь решимостью в деле, требующем, действительно, большого усердия, но это так, пока оно привлекает тебя новизной, и всё идет гладко. Однако, если возникнут препятствия, последуют неудачи или наскучит однообразие, ты упадешь духом.

Сын мой, всё это вполне естественно, поскольку люди идут на поводу своих склонностей, пристрастий и привязанностей. Если ни разум, ни вера ими не управляют и не обуздывают их, то чего же можно ожидать, кроме непостоянства, неустойчивости, исканий, переменчивости и

причуд, делающих человека то ревностным, то вялым и ленивым. В течение часа мы сохраняем спокойствие, а затем два дня подряд мечемся в беспокойстве. Как замечает наш богомудрый учитель святой Франциск, епископ Женевский, «нам не следует уподобляться тем, кто плачет, когда им недостает утешения, и поет, когда радости возвращаются: такие люди подобны бесхвостым обезьянам, которые в пасмурную погоду всегда хмурятся, а в хорошую прыгают непрестанно». Таких людей можно сравнить еще и с флюгером, вращающимся по воле земных ветров. В благоденствии они спокойны и веселы, а в невзгодах — нетерпеливы и грустны. Им никогда не достичь совершенства, и жизнь их, в итоге, печальна.

Однако, сын мой, по мере преуспевания в бесстрастии и в самоотдаче, ты от всего этого отрешись и станешь искать одного только Бога. Всё упование свое ты возложишь тогда целиком на своего Небесного Отца и обретешь навык быстро и с сыновней верностью Ему подчиняться. Всех людей и все события ты будешь созерцать только в Боге и Его святой и освящающей воле. И уже в силу этого одного ты перестанешь быть зависимым от переменчивых страстей и не будешь носим ими, как соломинка ветром. Ты обретишь устойчивость в мыслях, постоянство в решениях, выдержанность во всех начинаниях, будешь пребывать всегда в покое и тишине. Ты не станешь чваниться своими успехами, а невзгоды не будут повергать тебя в уныние; ты будешь знать достоверно, что всё исходит из рук Божиих. Всё, что решит о тебе Провидение, ты будешь принимать, совершенно сообразуя твою волю с божественной, не считаясь с тем, отвечает ли это твоим наклонностям или противоречит им.

«Именно такую совершенную уравновешенность духа и желаю я вам», говорил святой Франциск, епископ Женевский, своим духовным дочерям. «Я не говорю, что вы должны быть всегда в одинаковом настроении и что наклонности ваши не будут вовсе меняться; нет, я говорю именно об уравновешенности, о ровности духа. Я не хочу,

чтобы вы впадали в состояние суетливого беспокойства, свойственного нижней части нашей души. Но в высшей области духа надлежит всегда оставаться твердыми и полными решимости, неизменными в житейских невзгодах и в благополучии, в минуты уныния и в минуты утешения, в духовной сухости и в духовной сладости. Голуби и плачут и радуются одинаково: они поют всегда всю ту же песнь. Взгляните на них, когда они оплакивают гибель птенцов; взгляните на них также, когда они совершенно довольны; вид их отнюдь не меняется, и они воркуют всё так же, выражая и печаль, и радость. Иов дает нам отличный пример: все песнопения, которые он складывал, он пел неизменно одним и тем же напевом. В те дни, когда Господь преумножал его богатства и посылал ему в избытке всё, чего он только мог пожелать себе в земной жизни, он повторял непрестанно: да будет благословенно Имя Господне. Такова была его песнь любви во всех обстоятельствах жизни. А что делал он, когда дошел до пределов скорби? Он пел свою плачевную песнь всё тем же напевом, каким воспевал свою радость в былые, счастливые дни: Господь дал мне детей и имение; Господь их взял у меня; да будет благословенно Его святое Имя! Имя Господне да будет благословенно во век! О, если бы мы могли точно так же, во всех случаях жизни, принимать из рук Господних и благое и злое, утешения и горести и петь при этом одну и ту же благодарную песнь: да будет благословенно Имя Господне!»

Этой столь ценной и желанной уравновешенностью святой Франциск обладал в полной мере, и знавшие его поведали нам, откуда он черпал ее. Они свидетельствуют, что он взял себе за правило быть всегда смиренным, истинно малым, униженным перед Богом, как любящее дитя, исполненное особого послушания и доверия. На склоне своих лет, он любил, желал и созерцал Бога во всём; он был как бы всецело погружен в Него, говоря, что во всем мире ничто не могло удовлетворять его больше, кроме Господа Бога. Из такого совершенного соеди-

нения с Богом проистекало то полное бесстрашие, которое бросалось в глаза всем соприкасавшимся с ним. В IX-й главе своего труда «О божественной любви», он высказал лишь то, что сам применял на деле до последнего дня своей жизни: ничего не просить, ничего не желать, ни от чего не отказываться. Ясно, что такое житейское правило могло исходить лишь из души совершенно умершей для самой себя. Уравновешенность духа его была поистине несравненна: никто не видал никогда, чтобы что-либо менялось в нем при каких бы то ни было обстоятельствах. А ведь ему приходилось наталкиваться на злобу людскую. Он жестоко страдал, когда оскорбляли Бога и угнетали ближнего. В таких случаях он умолкал и замыкался в себе, чтобы остаться наедине с Богом. Погруженный в молчание, он в то же время не переставал действовать, чтобы помочь в беде; всем он был неизменно прибежищем и поддержкой.

Сын мой, сколь счастливы души, обладающие такой уравновешенностью духа! И как хорошо им живется!

4. Мир и радость.

Совершенная самоотдача не только дарует человеку драгоценную свободу чад Божиих и сладостную уравновешенность души среди треволнений житейских, но несет с собой также и глубокий мир и внутреннюю радость, составляющие подлинное счастье на земле.

И правда, сын мой, наисовершеннейший покой, какой только человек может изведать во времени, достигается лишь совершенным сообразованием его воли с божественной; можно сказать, что таким путем земля наша преобразуется в рай. Чтобы обрести мир на земле, человек должен покориться Богу. Миру этому в человеке не будет конца: он подобен полноводной реке. Миротворцы, обладающие этим сокровищем мира и расточающие его, нарекутся сынами Божиими. Сыны же Божии — это глав-

ным образом те человеческие души, которые отдают себя Богу. Это — племя верных, племя малых детей, пребывающее в обители мира, в селениях безопасных и в чертогах блаженных. В них обитал Давид, воспевший самоотдачу в дивном псалме, который можно назвать его гимном: «Господь - Пастырь мой! Я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и приводит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради Имени Своего» (т. е. ради Имени Христова). «Если я пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл» (указующий путь) «и твой посох» (ударяющий впадающих в заблуждение) «успокаивают меня». Да, действительно, самоотдача творит мир глубокий, совершенный, непоколебимый. (Сравни: Иов. 22,21; Исаии 48,18 и 32,18; Матф. 5,9; Пс. 22). Души, следующие путем самоотдачи, наслаждаются нерушимым покоем, и жизнь их течет в мире, им одним понятном, обрести который невозможно ни на каком ином пути. Чтобы изобразить яснее это счастье, возьмем пример Ноя во время потопа. В своем ковчеге он пребывал в совершенном покое вместе со львами, тиграми и медведями, ибо Господь его вел, тогда как все прочие существа в неизъяснимом смятении погибали в нахлынувших водах. Так и душа, отдавшая себя Провидению и вверившая ему кормило своего корабля, наслаждается совершенным миром среди напастей и бурь, и спокойно плывет по житейскому морю, тогда как души, не включившие себя в этот промыслительный порядок, — все эти беглые рабы Божии, непокорные Его Промыслу, — пребывают в тревожении и, имея кормчим лишь свою слепую и неустойчивую волю, завершают гибельным крушением свое долгое скитание по бурным волнам.

Но нас то, сын мой, что может еще волновать? Я не говорю о волнении, колеблющем одну только поверхность; достаточно быть от природы чувствительным, чтобы быть ему подверженным. Нет, речь идет здесь о волнении, доходящем до глубин нашей души и смущающем

даже самую добродетель. Что вызывает его? Может быть ты думаешь: приказания, которые ты получаешь, или напасти, которые тебя постигают? Нет, ибо крест, лишаящий тебя покоя, не отнимает его от брата твоего, несущего такую же ношу. Почему это происходит? Потому только, что воля брата твоего отдалась Богу, тогда как твоя еще упорствует. Всё волнение твое происходит исключительно от твоей собственной воли, от того сопротивления, которое она оказывает божественной воле. В этом, сын мой, причина стольких тревог: самоотдача устраняет их вовсе.

В самом деле, самоотдавшимся душам удается, так сказать, переплавить свою волю в божественную. И вследствие этого, ничего не случается с ними вопреки их желанию, потому что нет ничего, чего бы они не желали. Никто на свете не может почитать себя счастливее их. Пусть их унижают, пусть их презирают, но ведь они сами этого хотят. Пусть они бедны, раз в бедности они находят удовлетворение. Поэтому они всегда всем довольны. «Не приключится праведнику никакого зла», говорит Премудрость (Притч. Сол. 12,21), ничто не нарушит мира и спокойствия его духа, ибо он возложил упование свое на Бога и заранее принял всё, что угодно Господу Всеблагому. Но, конечно, это далеко еще не небесный мир, а только мир возможный здесь, на земле. Ни совершенное счастье, ни долговременное блаженство в этом мире не угодны Господу; здесь нам не избежать напастей, крест всюду нас преследует. Только святая самоотдача может научить нас великой науке быть счастливыми в этом мире, другими словами, уметь страдать. Да, сын мой, вся наука счастья состоит в этом умении! Это значит, что надо страдать, как следует, перенося все, что угодно Господу, сколько и как Ему угодно, с верою, надеждой и любовью. Господь наш Иисус Христос учит нас отдыхать на древе креста, или, что то же, на руках у Него, у Его Святейшего Сердца. Здесь человек обретает больше, чем просто мир, здесь он познает радость.

Сын мой, нередко нам дается ощутить эту радость и чувствами. Однако, чаще всего, она остается явлением чисто духовного порядка. Но, во всех случаях, радость эту производит в душе чистая и совершенная самоотдача. И в самом деле, чтобы дать человеку радость, разве недостаточно обеспечить ему свободу и дать ему мир? Чему другому можно еще радоваться, как не свободе и покою, свободе и правде, свободе в любви, и покою в свободе? И, с другой стороны, где нет свободы и покоя, какой радостью можно услаждаться, какую радость можно себе представить? Сын мой, хочешь познать тайну постоянной радости? Я говорю «тайну», ибо весь мир жаждет радости, но как мало тех, кто находят ее! Итак, я открою ее тебе. Тайна достижения и сохранения радости заключена в чистой и совершенной самоотдаче. Души, до самоотдачи не возвысившиеся, неспособны находить радость в скорби, ибо они не обладают в достаточной степени верой, надеждой и любовью. Но достигшие полного сообразования своей воли с божественной обладают живой верой, крепкой надеждой и жертвенной любовью. Они умеют в самых незначительных событиях видеть руку Отца Небесного, Друга и Жениха, пекущегося об их освящении. Не озираясь более назад, они раз и навсегда отдали Ему упование свое и любовь свою. Разве Господь наш не Вершитель всех событий? Может ли Он забыть, что Он нам Отец и Спаситель? Всё совершается, следовательно, для блага душ, пребывающих в сыновней покорности. И отсюда их постоянная радость.

На седьмой день творения, Господь воззрел на дело божественных рук Своих и признал, что оно — благо. Потому Он и созерцал его с радостным удовлетворением. То же можно сказать и относительно души, отдавшей Богу: в ней также происходит некое изливание божественной радости, ибо основу самоотдачи души составляет согласие, данное ею на всё, что творит Господь и чего Он желает, и принятие от Него всего, что Он попускает.

Сын мой, вот в чем вся тайна совершенного покоя и невоз-

мутимой радости, отражавшейся на лицах древних святых, выражавшейся в их словах и в их поступках. Ты скажешь, может быть, что великие святые были некоторым образом изъяты из обычных условий жизни и не подвергались нашим бедам и невзгодам? Ты думаешь, может быть, что они были свободны от немощей плоти, что им не приходилось бороться с искушениями и переносить скорби, что, наконец, Господь удалял с пути своих ревностных слуг всякую возможную причину скорби и падения? Думать так было бы ошибкой. Крест святых тяжелее крестов, достающихся другим; их удел на земле — напасти, презрение и страдание, и венец их — терновый венец. Господь всегда уготовляет самые тяжелые испытания тем душам, которые Он возлюбил особо. Но в своей жизни они достигали полного сообразования своей воли с божественной. Их страдания, умерщвления, даже искушения, становились для них причиной радости и утешения, ибо они знали, что всё неизменно исходит от божественной воли, на которой они основали свое счастье. Они изыскивали тысячи причин, чтобы оправдывать всегда самое суровое обращение Господа с ними и чтобы поддерживать в себе уповающую и радостную покорность Ему.

Послушай, что говорит нам великий угодник, святой Иоанн Вианней, Арсский священник: «Крест дал миру мир и должен принести мир и в наши сердца. Все наши беды проистекают от того, что мы не любим креста. Боязнь креста отягчает нашу крестную ношу. Крест, несомый в простоте сердца, — уже не страдание. Ничто не уподобляет нас так Господу нашему Иисусу Христу, как наша крестная ноша. Все страдания сладостны, когда страдаешь в единении с Ним. Не понимаю, как может христианин не любить креста и бежать от него! Разве это не значит бежать от Того, Кому угодно было дать Себя пригвоздить и умереть ради нас? Напасти ведут нас к подножью креста, а крест — к вратам рая. Чтобы мы могли войти в них, надо, чтобы нас поносили, презирали, истирали в прах. Страдать! Ну так что же? Ведь страда-

ние длится только мгновение. Если мы могли бы провести несколько дней на небе, мы поняли бы тогда, как ценен каждый миг страдания на земле: никакой крест не казался бы нам слишком тяжелым, никакое испытание — слишком горьким. Крест — это дар Господень друзьям Его. Надо молиться о любви ко кресту, тогда он станет сладостным. Лет пять подряд, я испытывал это на самом себе. Немало на меня клеветали, немало меня преследовали. О, недостатка в испытаниях у меня не было, они едва не превысили моих сил. Но я начал молиться о любви ко кресту, и тогда я познал радость; я сказал себе: в нем счастье! Никогда не надо доискиваться, откуда приходят кресты: они приходят всегда от Бога. Посылая их, Господь дает нам возможность доказать нашу любовь. О, когда придет день Суда, как мы возрадуемся нашим несчастьям, как будем гордиться своими унижениями, как будем богаты своими жертвами».

Для святой Геммы день без страданий был потерянным днем. «Бывали дни», сетовала она, «когда мне нечего было принести в жертву Господу Иисусу. Как я тогда бывала несчастна!» Во время длительной напасти, Господь спросил ее, жестоко ли она страдала: «Страдать с Тобюю так сладко!», ответила она.

«За молитвой», писала одна монахиня своему духовному отцу, «я благодарила Господа за то, что он подверг меня страданиям. Сегодня утром, после Причастия, я запела: «Величит душа моя Господа». Нет у меня другого утешения, как страдать с Господом нашим Иисусом Христом и ради Него, если только Ему угодно принимать мои страдания. Страдать, страдать еще и еще, такова моя непрестанная молитва».

Другая инокиня, изнуренная болезнью и мучимая жаром, писала в последние дни своей жизни: «Мне открылся путь на Голгофу, и я шествую по нему с радостью, как невеста рядом с Распятым Женихом. О, если бы вы знали, как дивны для меня эти дни. Я слабею и чувствую, что божественный Учитель не замедлит придти за мной. Я на-

слаждаюсь, ощущая неведомые радости. Радости скорби, как сладостны и нежны они! В этой узкой келье, где я несу крест вместе с моим возлюбленным Учителем, мне кажется, что я уже почти на небе: счастье мое растет по мере страдания. Если бы вы знали, какую сладость мы обретаем на дне чаши, уготованной нам Отцом нашим Небесным!»

«С тех пор, как я больше не ищу себя», говорила святая Тереза Лизьезская, «я веду счастливейшую жизнь, которую только можно себе представить». И, действительно, страдание стало для нее земным раем: она улыбалась ему, как мы улыбаемся счастью. «Когда я много страдаю», говорила она, «когда со мной случается что-нибудь тяжелое или неприятное, я не принимаю грустного выражения, а улыбаюсь. Сначала, это мне не всегда удавалось; но теперь я дошла до того, что не могу больше страдать, ибо всякое страдание мне сладостно». «Почему вы сегодня так веселы?», спросили ее. «Потому что у меня было две маленькие горести», отвечала она, «ничто не дает мне столько маленьких радостей, как маленькие горести». — «У вас было сегодня много испытаний?» — «Да, но... раз я люблю их! Я люблю всё, что Бог мне дает. Мое сердце исполнено воли Христовой».

Один знаменитый богослов в продолжение восьми лет молил Бога явить ему человека, который указал бы ему путь истины. Однажды, он услышал голос с неба, сказавший ему: «Встань и взойди на ступени храма, там ты увидишь человека, которого ты ищешь». Он повиновался, и увидел нищего, чья одежда была в лохмотьях, а ноги изранены и в пыли.

— Желаю тебе доброго утра — приветствовал его богослов.

Нищий ответил:

— Никогда еще я не имел недоброго утра.

— Да пошлет тебе Бог всякого счастья.

— Никакое несчастье не постигало меня никогда.

— Да благословит тебя Бог! Однако, выразишься яснее, я не понимаю тебя.

— С удовольствием, ответил бедняк: вы пожелали мне доброго утра, а я вам ответил, что никогда еще не имел недоброго утра. И правда, когда голод меня донимает, я славлю Бога; когда я мерзну на морозе, когда идет град, снег или дождь, когда светит солнце или бушует ненастье, я славлю Его неизменно; если я терплю нужду, если люди отвращаются от меня и презирают меня, я опять славлю Бога: вот почему у меня никогда не бывает недоброго утра. Вы пожелали мне затем всяческого счастья, а я вам ответил, что никогда еще в жизни не был несчастен, и это действительно так, ибо я умею жить с Богом и уверен, что все дела Его могут быть мне только на благо. На всё, что мне посылает Господь или попускает другим сделать для меня, будь то величайшее благо или бедствие, радость или горечь, я смотрю всегда, как на счастливейший жребий. К тому же я твердо решил придерживаться только Божией воли, и моя воля так растворилась в ней, что всё, чего Он желает, того желаю и я.

— Хорошо, но что бы ты сказал, если бы Ему было угодно низвергнуть тебя в бездну?

— В бездну? О, если Господь этого пожелает, то у меня есть две руки.левой рукой — рукой смирения, я схватил бы Его человеческое естество, правой рукой — рукой любви, я схватил бы Его Божество и держался бы крепко. Так что, захоти Он меня даже в ад низвергнуть, Ему пришлось бы низринуться туда вместе со мной, а я предпочитаю быть с Ним в аду, чем в раю без Него.

Ученый богослов вывел из этого, что подлинное самоотречение, связанное с глубоким смирением, и есть кратчайший путь, ведущий к Господу.

— Откуда ты?, спросил он еще.

— Я от Бога.

— А где нашел ты Бога?

— Я нашел Его там, где оставил всё тварное.

— А где пребывает Господь?

— В чистых сердцах и в людях благоволения.

— Но кто же ты такой?

— Я — царь.

— А где твое царство?

— Оно в душе у меня, ибо я научился владеть своими внутренними и внешними чувствами так, что все движения и силы души мне подвластны; а что это — царская власть, не усумнится никто, ибо нет большей власти на земле.

— Но что же позволило тебе достичь такого совершенства?

— Молчание, богомыслие и соединение с Богом. Я не мог найти покоя ни в чем вне Его; а теперь, когда я обрел моего Бога, я обладаю в Нем совершенным покоем и миром, которого никто и ничто не нарушит.

Такова была беседа ученого богослова с нищим, который, благодаря полному сообразованию своей воли с божественной, был, в своей нищете, богаче всех богачей сего мира, и в страданиях своих счастливее тех, прихотям которых служат стихии и вся природа.

5. Блаженная кончина и заступничество перед Богом.

Сын мой, по мере того, как душа преуспевает в чистой и совершенной самоотдаче, она соответственно преуспевает и в отрешении от всего тварного и становится связанной с одним только Богом; вера, надежда, любовь и все добродетели преумножаются в ней; соединение ее воли с божественной делается с каждым днем более тесным. Она быстро продвигается на пути к совершенству. Святая жизнь предуготовляет ей блаженную кончину и даже, можно сказать, обеспечивает ей таковую. Это благодать из благодатей, безвозмездный дар щедрот Божиих. Ничто не может сильнее склонить Отца нашего Небесного даровать нам эту последнюю милость, как чистая и совершенная самоотдача. Против грешника Господь вос-

стает; но может ли Он отвергнуть душу, живущую в любви к Нему и в сыновнем подчинении? Только бы ей удержаться на этом пути до конца, и она спасена, как спасены святые. Но даже и в отношении простых христиан святой епископ Женевский говорит: «Невозможно Господу Всемогущему дать погибнуть душе, которая при расставании с телом была подчинена Его божественной воле. В том состоянии, в каком воля человека была в минуту смерти, она останется и вечно. Как дерево упало, так оно и будет лежать на земле». Именно поэтому, напутствуя лежащих на смертном одре, святой Франциск прилагал все усилия к тому, чтобы волю умирающего подчинить всецело божественной воле, и ни о чем ином ему не говорил.

Сын мой, придет смерть и похитит у нас все блага земные, лишит нас нашего имущества и положения, отнимет у нас наших близких и даже самую плоть нашу. Каким жестоким должно быть это раздирающее расставание для души, привязанной крепко к земному! Но если ты утвердился в самоотдаче, ты не ощутишь его подобным образом. Добродетель, которую она в нас внедряет, делает нас безразличными ко всему, что смерть у нас отнимает. Когда бы она ни пришла за нами, она застанет нас уже всем пожертвовавшими. Только Бога жаждет отдавшая себя душа, а смерть как раз и дает Его ей навсегда.

Но смерть приходит к нам в сопровождении страшных спутников: страданий и искушений. Последнее наше боре-ние — наимучительнейшее из всех испытаний. Но ничто не может приготовить нас к нему так, как святая самоотдача, ибо она учит нас принимать всё из рук Божиих с любовью и упованием и мужественно исполнять свой долг до конца, опираясь на всемогущество и на благость Господа. Именно поэтому святая Тереза Лизьезская могла сказать с полным основанием: «Я несколько не боюсь ни страданий от этой болезни, как бы сильны они ни были, ни последней борьбы. Господь Бог помогал мне всегда и вел меня за руку с самого раннего детства. На Него я полагаюсь. Я уверена, что Он будет помогать мне до само-

го конца. Может быть, я буду жестоко страдать, но я уверена, что это не превзойдет мою меру».

Сын мой, переход души из времени в вечность потрясает даже самые святые души. Покидая этот мир, одна из них говорила: «Какой торжественный час я переживаю теперь. Потустороннее изумительно; мне казалось, что я уже давно в нем обитала, однако оно неизведано. Мои чувства неизъяснимы, я как бы ощущаю справедливость и святость Божии. Я сознаю так живо, сколь я мала, сколь ничтожны мои заслуги. О, как надо утверждать в уповании тех, кто находится в смертном борении!»

«Ах, как надо молиться за отходящих! Если бы люди это знали!», восклицала святая Тереза Лизьезская. Даже она, прожившая жизнь так чисто и свято, слышала проклятый голос, шептавший: «Уверена ли ты, что Бог любит тебя? Приходил ли Он Сам сказать тебе это?» Несколько дней подряд чувство страха не покидало ее.

Но душа, живущая в чистой и совершенной самоотдаче, легче других преодолевает этот страх. Она не преминет использовать всё, чтобы, как подобает, подготовиться к своему последнему часу; она будет охвачена мыслью, что наконец узрит своего Отца и Друга, Того Единого, Кому она стремилась всегда угождать, Бога сердца своего, Которому она во всем и во всякое время отдавала свою жизнь, так сказать, каплю по капле. Сладостное волнение охватит ее, когда станут восставать в ее памяти бесчисленные доказательства любви Господа к ней, Его милосердия, Его неизреченного благоволения; она почувствует тогда, что не только любит всем сердцем, но что и сама еще больше любима. О, как счастлива будет она в этот великий и решающий час воскликнуть с псалмопевцем: «Ты — мой Бог. В Твоей руке дни мои!» (Пс. 30, 15-16). Словом, если жизнь протекла в любви и в надежде, то и смерть придет тоже в любви и в надежде. Нередки случаи, когда жизнь, прожитая сплошь в тяжких душевных страданиях, завершается тихой, сладостной кончиной, хотя иногда Господь дает душе нести крестную

ношу до последнего издыхания. Но душа, отдавшая себя Богу совсем, часто кончает жизнь и отходит в вечность без всякого страха, покойная и радостная, как дитя, которое просится поскорее назад в родительский дом, или как монах, идущий к обедне.

Такой блаженной кончиной завершился путь одной святой игуменьи, блаженной матери Марии Магдалины. Проведя свою долгую иноческую жизнь в совершенном послушании божественной воле, она осталась покорна ей в свой последний день. Ее последние часы протекли в совершенном покое, уповании и самоотдаче. Духовник призывал ее принести жизнь в жертву Богу. «Мне это вовсе не трудно», сказала она, «да будет во всем святая воля Господня!» Духовные дочери, восхищенные таким спокойствием своей настоятельницы, спросили, счастлива ли она в эти минуты. Лицо ее всё озарилось; казалось, что оно излучает сияние, как душа, отлетающая на небо: преисполненная веры и любви, она пребывала в единении с Женихом.

В этот решающий час никто не будет ни достаточно чист, ни достаточно богат заслугами. Это правда. Но ничто, как чистая и совершенная самоотдача, не способствует так тому, чтобы и это последнее испытание принесло свой плод в полной мере. Чего только не достигает душа, перенося с любовью и терпением ту разрушительную работу, которая над ней совершается, и принимая с сыновним упованием из рук Божиих смертельный удар! Она обретает тут целый сноп новых заслуг, более всех других отягченный спелыми зернами. Душа приносит справедливости Божией благоугодный ей дар, искупающий, может быть, содеянные ею грехи. Принять из рук Божиих посылаемую Им смерть, в полном согласии с Его святой волей, значит заслужить себе венец, подобный мученическому. Ведь обретшие таковой и почитаются-то мучениками только потому, что приняли мучения и смерть с единым намерением угодить Богу. Поэтому всякий, кто умирает, сообразуя свою волю с божественной, умирает

блаженно. Сообразующий же ее в смертный час наисовершеннейшим образом, удостоивается и наиблаженнейшей кончины.

Но на смертном одре нас может невольно охватить страх при мысли о тех, кого мы оставляем здесь на земле, в нужде или в опасности, о тех, кого мы любили больше всех, кроме Бога: о нашей земной семье, о нашей общине, о всех, для кого мы были утешением и опорой. Кончина блаженной матери Марии Магдалины, которую смерть отрывала от ее любимого детища — обители ею основанной, — для нас, поэтому, особо назидательна. Монастырь этот находился в тяжкой нужде. Но святая игуменья, бывшая в течение всей своей жизни лишь орудием божественной воли, умирала, не опасаясь за судьбу того, что покидала. При жизни своей, она никогда не рассчитывала на человеческую помощь; и в свой смертный час она тоже уповала лишь на Бога.

На небе мы не перестанем любить всех тех, кого на земле любили о Господе; напротив, на небе наша любовь станет сильнее и просветленнее, нам легче будет заботиться там о подлинном благе любимых нами. Разве Господь не всемогущий Вершитель их судеб? И чье представительство может быть Ему угоднее, чем представительство души, прожившей свой земной век в любви к Нему, исполнявшей всегда Его ознаменованную волю и отдававшей себя совершенно всему, что Он попускал! Ведь Сам Господь поведал нам, «что желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит» (Пс. 144,19). Большого поощрения для нас быть не может. Будем же, сын мой, творить волю Господню, а тогда Он и нашу исполнит! Именно отсюда и проистекает та сила заступничества, коей обладают перед Богом души, пребывающие в любящем и совершенном сообразовании их воли с божественной. Они ни в чем никогда не откажут Господу, и Он не откажет им ни в чем. Сила их молитвы на земле, как на небе, всегда будет соответствовать мере их любви, покорности и самоотдачи. И если Господу благоугодно прославить

лучшие из этих душ, не будем искать другого объяснения Его выбора.

Поэтому и святая Тереза Лизьезская стала столь великим чудотворцем в наши дни. В последние дни своей жизни, она сознавала, повидимому, задачу, вверенную ей свыше, и не раз приоткрывала тайну ее: «Я хочу, чтобы моим делом на небе было — творить добро на земле. После смерти я орошу землю дождем роз. Я чувствую, что тогда начну совершать то, к чему призвана: учить людей любить Бога, как я Его люблю, и показывать душам мой малый путь». — «Какому же малому пути хочешь ты учить души?», спросили ее однажды. — «Пути духовного детства, пути доверия и полной отдачи себя в руки Божии». «Никогда я не давала Богу ничего, кроме любви», говорила она, «и Он воздаст мне любовью. Он будет исполнять все мои желания на небе, потому что на земле я не жила никогда по своей воле».

Сын мой, чтобы закончить наши беседы, я приведу еще последний пример из жизни нашего ордена траппистов. Жил некогда, в Эбербахском монастыре, монах святой жизни, брат Эниан. Из всей монастырской братии выделялся он строгим послушанием и необычайной простотой. Господь удостоил его дара чудес, так что больные, едва коснувшись его пояса, исцелялись от всех недугов. Настоятель поражался необыкновенной милости, являемой Господом брату Эниану, тем более, что сам он не находил в нем никаких признаков особой святости. Однажды, он попросил брата Эниана разъяснить ему, почему Господь творит через его посредство столько чудес.

— Я ничего не знаю об этом, — отвечал брат Эниан. «Я молюсь, бодрствую, работаю и пощусь ровно столько, сколько и вся наша братия. Всё, что я могу сказать, это, что во всяком происшествии, печальном или радостном, я неизменно обожаю волю Господню. Во всем и всегда я стараюсь желать только того, что Богу угодно, и по не-

изреченной милости Его моя воля отдалась совсем Его божественной воле. Удачи меня не возносят, невзгоды не удручают. Всё в жизни я принимаю с одинаковым бесстрашием, как исходящее из рук Божиих, и все молитвы мои я завершаю всегда одним и тем же прошением: да исполнится святая воля Его совершенно — во мне и во всех Его тварях».

— Однако, — спросил игумен, — разве ты не был немало взволнован в тот день, когда преступная рука подожгла нашу ригу и спалила всё, чем мы питались?

— Нет, отец мой,нисколько, — отвечал брат Эниан, — я даже возблагодарил за это Господа, как обычно поступаю в подобных случаях, уверенный, что Господь не сотворит и не допустит ничего, что не было бы во славу Ему и на наше благо. Что бы ни случилось, я всегда доволен.

Услышав этот ответ, раскрывший ему, сколь совершенно сообразована воля этого скромного монаха с божественной волей, игумен не удивлялся уже больше тому, что брат Эниан творит так много чудес.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
О христианском духовном опыте.	11
Жизнь отца Виталия, Архимандрита Брикбекского.	23
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
В чем состоит совершенная самоотдача.	39
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Воля Божия — Верховный закон.	41
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Ознаменованная воля Божия и благоволение Божие.	47
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Послушание ознаменованной воле Божией.	55
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Сообразование с благоволением Божиим.	63
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Что такое самоотдача.	67
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Самоотдача и благоразумие	75

ГЛАВА СЕДЬМАЯ		Стр.
Желание и молитва в самоотдаче.		79
ГЛАВА ВОСЬМАЯ		
Личные усилия в самоотдаче.		87
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ		
Чувство страдания в самоотдаче.		93
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ		
Принесение себя в жертву по обету и самоотдача.		101
ЧАСТЬ ВТОРАЯ		
Что лежит в основе совершенной самоотдачи.		109
ГЛАВА ПЕРВАЯ		
Отрешенность.		111
ГЛАВА ВТОРАЯ		
Вера и провидение.		117
ГЛАВА ТРЕТЬЯ		
Упование на провидение.		127
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ		
Упование (продолжение). Ответ на некоторые возражения.		135
ГЛАВА ПЯТАЯ		
Любовь к Богу.		143
ГЛАВА ШЕСТАЯ		
Любовь к Господу нашему Иисусу Христу.		149

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

	Стр.
Подражание Спасителю нашему.	155

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Превосходство и плоды чистой и совершенной самоотдачи.	161
--	-----

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Превосходство чистой и совершенной самоотдачи.	163
--	-----

ГЛАВА ВТОРАЯ

Плоды чистой и совершенной самоотдачи.

1. Тесное содружество с Богом.	175
2. Простота и свобода.	180
3. Устойчивость и уравновешенность духа.	183
4. Мир и радость.	186
5. Блаженная кончина и заступничество перед Богом.	194

Imprimerie Alon, 35 rue de la Harpe, Paris V.

